

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Барнаульский государственный педагогический университет»
Лаборатория исторического краеведения

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае

*Археология,
этнография,
устная история*

Выпуск 2

Материалы
II региональной научно-практической конференции
1–2 декабря 2005 г.

Барнаул, 2006

УДК 902+39
ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)
П 491

Редкционная коллегия:

М. А. Демян, д-р ист. наук, профессор;
Т. К. Щеглова, д-р ист. наук, профессор;
А. Н. Телегин, старший преподаватель

П 491 Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: Археология, этнография, устная история: Сб. ст.: Вып 2. — Барнаул, БГПУ, 2006. — 216 с.

В сборнике публикуются материалы II региональной научно-практической конференции, посвященной полевым исследованиям различных научных, учебных и музейных центров в области археологии, этнографии и устной истории на территории юга Западной Сибири.

Издание рассчитано на историков, археологов, этнографов, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

УДК 902+39
ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)

ISBN 5-88210-335-5

© Барнаульский государственный
педагогический университет, 2006

Предисловие

В декабре 2004 г. в Барнаульском государственном педагогическом университете состоялась первая региональная научно-практическая конференция, посвященная итогам минувшего полевого сезона. Материалы конференции были опубликованы в 2005 г. в сборнике «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г.». В ее работе приняли участие исследователи, к сфере научных интересов которых относились археология, этнография и устная история Верхнего Приобья и Алтая. Участники конференции поддержали идею ежегодного проведения подобных мероприятий, позволяющих оперативно информировать научную общественность о результатах экспедиционных исследований и вводить в научный оборот полевые материалы.

1–2 декабря 2005 г. в Барнауле состоялась вторая научно-практическая конференция «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история)». Ее участниками стали преподаватели вузов, научные сотрудники, сотрудники музеев и органов охраны памятников истории и культуры, аспиранты и студенты из Барнаула, Новосибирска, Горно-Алтайска, Бийска и Камня-на-Оби. Они представляли такие учреждения, как Алтайская государственная академия культуры и искусства (Барнаул), Алтайский государственный университет (Барнаул), Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул), Алтайский производственный колледж культуры (Барнаул), Барнаульский государственный педагогический университет, Бийский государственный педагогический университет, Горно-Алтайский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), Каменский краеведческий музей (Камень-на-Оби); научно-производственный центр «Наследие» (Барнаул), Новосибирский государственный педагогический университет.

Большой интерес на пленарном заседании вызвали сообщения об экспедиционных исследованиях на территории Алтая и Верхнего Приобья в 2005 г. На двух секциях были заслушаны доклады, посвященные итогам полевых работ, изучению археологических памятников, этнографических и устно-исторических материалов.

В сборник, предлагаемый вниманию читателей, включены материалы конференции по результатам полевых исследований на Алтае и в Верхнем Приобье в 2005 г. Ее организаторы выражают надежду, что следующая конференция соберет представителей всех основных экспедиционных отрядов, которые будут трудиться на данной территории в

2006 г., что позволит получить новейшую информацию об археологических и этнографических исследованиях региона.

Редакторы сборника надеются, что вводимые в научный оборот материалы не только будут востребованы профессиональными археологами, этнографами и историками, но и представят интерес для студентов исторических факультетов вузов и всех, кому небезразлична история нашей Родины.

1

АРХЕОЛОГИЯ

Поселение раннего железного века — Новоувальский-1

Каменский район расположен в северо-западной части Алтайского края. С запада территория региона примыкает к Кулундинской степи (в районе г. Камня-на-Оби имеются выходы «языков» степных участков непосредственно к бассейну р. Оби), с востока территория граничит с Бийско-Чумышской возвышенностью и системой Салаирского кряжа. Растительность региона разнообразна, в западной части преобладает лесостепная растительность (березовые колки), в восточной части, на правом берегу, находится Приобский бор. Территория района входит в историко-географический регион Верхняя Обь.

В ходе работ в Каменском районе отряд обследовал левобережную пойму р. Оби от г. Камень-на-Оби до с. Новоувальский. Пойма представляет собой равнину, тянущуюся от современного русла р. Оби на востоке до высокой (4–5 м) коренной террасы на западе. Ширина поймы 5–8 км. Пойма вся изрезана остатками древних протоков, имеются возвышенности. В ней расположены оз. Караси и впадающие в него мелкие ручьи и речки. Еще в 1970-е гг. это озеро являлось протокой Оби. В 1980-е гг. через всю пойму была насыпана дамба, которая нарушила нормальный гидрорежим этой местности, что привело к активизации болотообразовательных процессов. Наше внимание в указанном районе привлекли в первую очередь возвышенности, как места наиболее вероятного обитания древнего населения.

В 1,5 км к СЗ от строений Каменского лесхоза, через болото, у лесопитомника, нами была осмотрена грива высотой 6–8 м (рис. 1), являющаяся останцем второй террасы. В 100 м к северу от болота на склоне гривы (2–3 м над урезом воды) был заложен шурф размерами 3–В 50 см, С–Ю 200 см (рис. 2). Вскрыто два условных горизонта. В первом слое обнаружены: кости, керамика, в том числе венчик; фрагмент сосуда, орнаментированного подтреугольными вдавлениями; каменный отщеп (рис. 4). В разрезе от лопаты наблюдались глинистые прослойки. Первый слой был вскрыт на –18 см от современной поверхности. При зачистке выявлены два слабочитающихся глинистых пятна у западной и восточной стенок шурфа. При вскрытии второго слоя у северной стенки шурфа начало проявляться пятно черного цвета, хорошо фиксируемое в окружающем материке (суглинке) (рис. 2). Пятно ориентировано с С–З на Ю–В, уходит в восточную и северную стенки, у южной стенки шурфа обрывается. Ширина пятна от 8 до 30 см, длина – 180 см.

Глубина вскрытия второго слоя и залегания пятна –32 см от современной поверхности. Чернота объясняется сажистыми включениями.

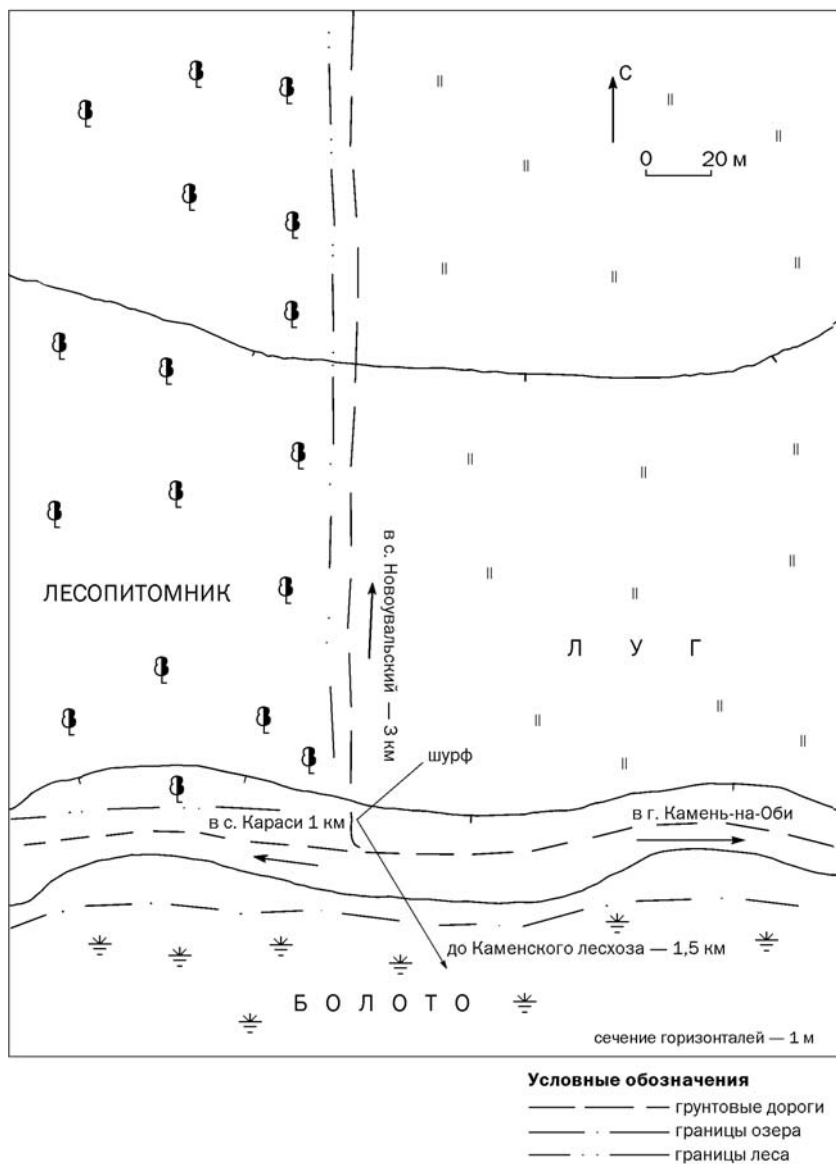

Рис. 1. Местонахождение Новоувальский-1. Глазомерный план. Съемка местности проведена Р. В. Белоусовым

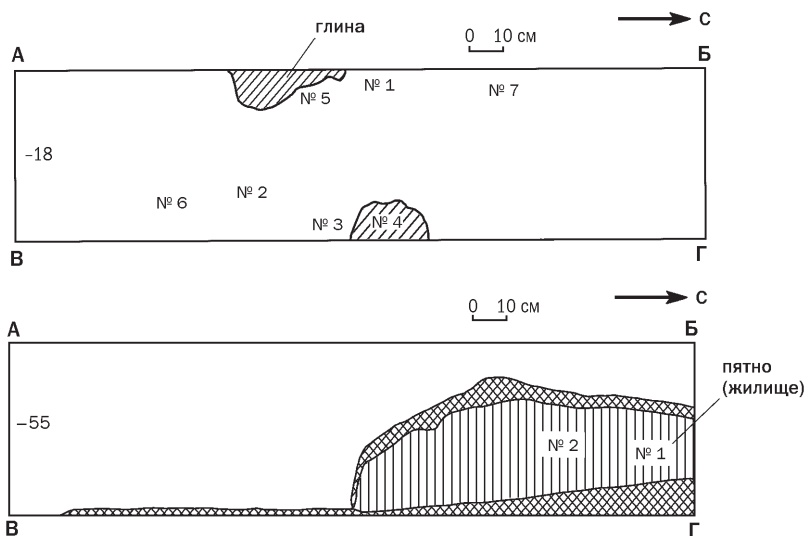

Рис. 2. Местонахождение Новоувальский-1. Шурф: 1 – первый условный горизонт; 2 – второй условный горизонт. Находки первого условного горизонта: № 1, 2 – кости; № 3, 6, 7 – керамика; № 4 – каменный отщеп; № 5 – камень

В процессе зачистки нами была вскрыта незначительная часть пятна (4–5 см). В нем были обнаружены обгорелые кости животных и развал баночного сосуда, орнаментированного двумя строками округлых вдавлений.

Стратиграфические наблюдения. Общая глубина вскрытия шурфа – 55 см от современной поверхности. Во всех слоях (в том числе и гумусе) присутствует примесь песка. Из-за значительной рыхлости грунта современное антропогенное воздействие (распашка плугами, лесоплугами) в стенках шурфа не фиксируется, хотя территория памятника в 1970–1980-е гг. использовалась под пашню (рис. 3). По дну в материковом слое видны выбросы от лесоплуга (рис. 2).

Для восточной и северной стенки шурфа выделено пять слоев:

- 1) гумус – 4–5 см;
- 2) культурный слой (светло-серая супесь) – 34 см;
- 3) глинистая прослойка – 2–3 см (для восточной стенки);
- 4) вскрытая часть пятна (черная супесь) – 4 см;
- 5) материк (суглинок) – 4 см.

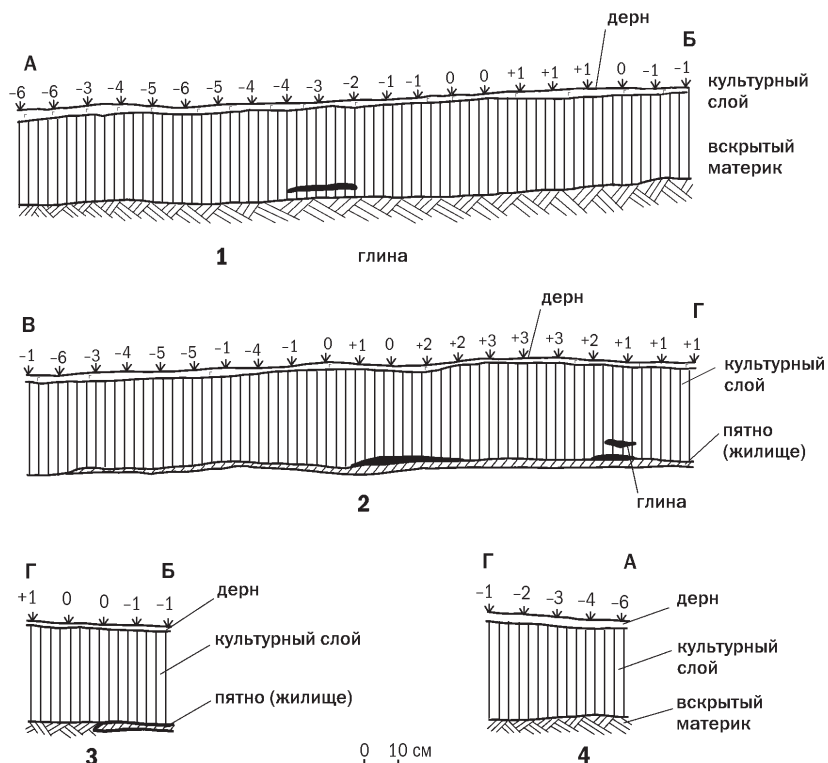

Рис. 3. Местонахождение Новоувальский-1. Профили стенок: 1 – западная, 2 – восточная, 3 – северная; 4 – южная

Для западной и южной стенки шурфа – четыре слоя:

- 1) гумус – 4–5 см;
- 2) культурный слой (светло-серая супесь) – 28 см;
- 3) глинистая прослойка – 2–3 см (для западной стенки);
- 4) вскрытый материк – 6–7 см.

Атрибуция памятника. Визуально на поверхности остатков древних строений не наблюдалось (ямы-западины, углубления, возвышения и т. д.). При рассмотрении полученных материалов необходимо исходить из следующих соображений: 1) большая часть артефактов в шурфе обнаружена во втором стратиграфическом слое (см. выше); 2) вид находок – обломки сосудов, костей, камней (рис. 4); 3) в темном пятне, кроме развала сосуда, встречены обгорелые кости животных.

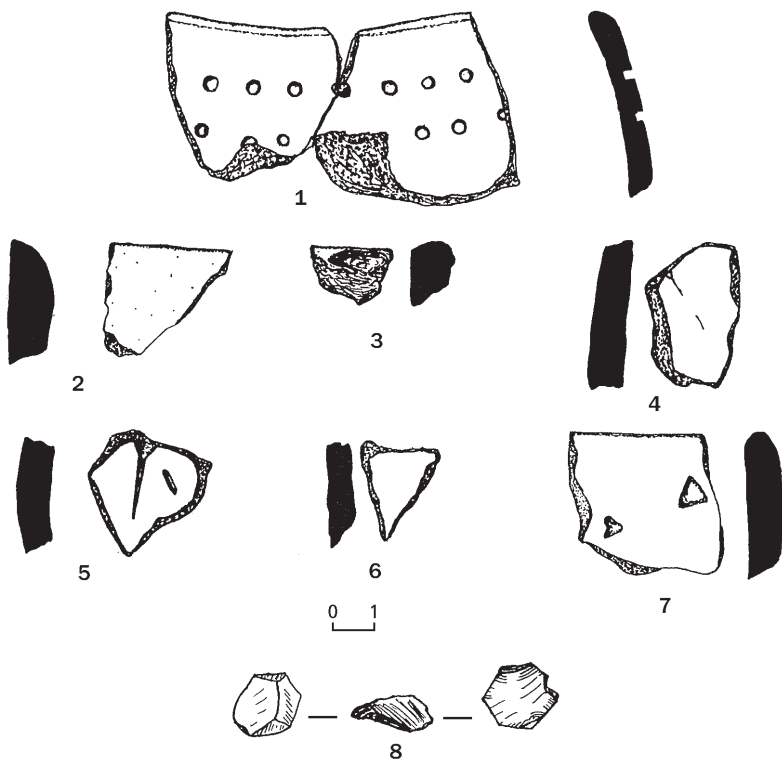

Рис. 4. Местонахождение Новоувальский-1.
Находки: 1–7 – керамика; 8 – камень

Это позволяет предположить, что мы имеем дело с поселенческим материалом. Пятно, обнаруженное в шурфе, возможно, является частью древней конструкции (входом в жилище, жилищем или хозяйственной постройкой). По обнаруженной керамике местонахождение датируется ранним железным веком (V вв. до н. э. – IV в. н. э.). Для более точной датировки и выяснения культурной принадлежности необходимы дальнейшие исследования.

Местонахождение ранее было неизвестно, и ему присвоено название Новоувальский-1. Открыто Р. В. Белоусовым в 2003 г., повторно осмотрено в 2004 и 2005 гг. Состояние памятника удовлетворительное. Сведения о вновь обнаруженном памятнике переданы в краевой орган защиты и охраны памятников – научно-производственный центр «Наследие».

Р. В. Белоусов, С. С. Запрудский, Ю. Н. Кулагина

Новые поступления археологического материала в Каменский краеведческий музей

В 2002 г. в Каменский краеведческий музей обратился житель г. Камня-на-Оби Василий Васильевич Козлитин с информацией о находящихся у него древних предметах. Позже находчик передал имевшийся у него материал в ККМ. Весной 2003 г. полученные материалы осмотрел аспирант ЛИК БГПУ Р. В. Белоусов, атрибутировавший их как археологические, относящиеся к андроновской культуре. Получив подтверждение древности материала, мы вновь связались с находчиком для получения более детальной информации о месте и условиях находки. В ходе опроса были выяснены следующие факты, предшествовавшие попаданию материала в музей.

На рубеже 1980–1990-х гг. Каменским водстроем (ПМК-1) велись договорные дорожные работы в районе с. Чайкино (рис. 1). Бригада, в которой работал респондент, была задействована в срытии всхолмлений у деревни, как вспоминает участник строительства, у края болота. На одной из грив из ковша тяжелой гусеничной техники показались дерево и кости. Работы были остановлены, так как стало ясно, что трактором разрушена могила. О происшествии сообщили в краевой центр, по-видимому, в орган по защите и охране памятников, из которого были оперативно получены разъяснения необходимости свертывания работ на этом участке. Как утверждает респондент, в организации, давшей ответ, знали о существовании этого памятника, а значит, и о нарушении закона или несогласованности проводимого строительства. Так или иначе, работы на гриве пришлось свернуть, а образовавшийся раскоп рекультивировать. Но перед этим Василий Васильевич внимательно осмотрел место ЧП и обнаружил ряд предметов (рис. 2). Поняв историческую и культурную ценность находки, любознательный рабочий сохранил обнаруженные изделия, которые позже передал в музей.

Обнаруженный вещественный комплекс состоит из баночного сосуда (рис. 2, 1) и 6 бронзовых предметов, один из которых принадлежит фрагменту браслета или перстня (рис. 2, 2), два – от подвесок в полтора оборота (рис. 2, 3, 4). Предметная принадлежность еще одного бронзового предмета неопределяема (рис. 2, 5).

Керамический сосуд – это небольшая слабопрофилированная баночка (рис. 2, 1), орнаментированная мелкогребенчатым штампом под шейкой, по плечикам и по тулову. Орнаментационная композиция трехрядна – вверху и внизу ритмичный волнообразный замкнутый ряд, а в центре – прямая линия. Узловым, связующим элементом в композицион-

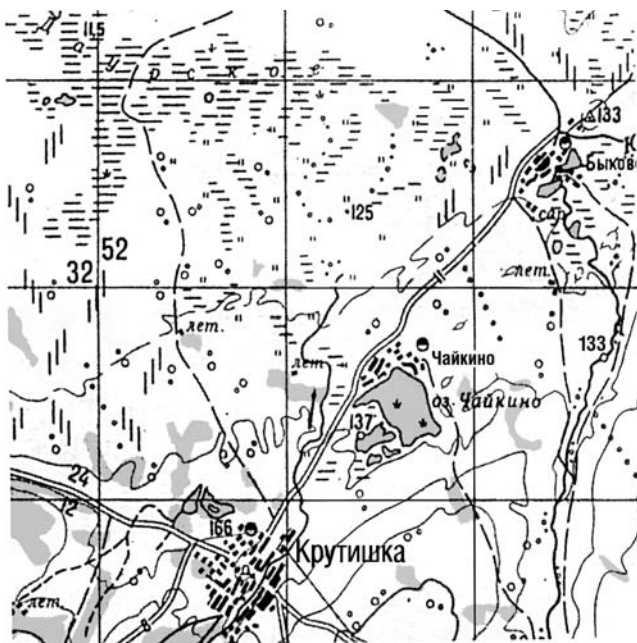

Рис. 1. Карта окрестностей с. Чайкино

ном построении является прямая линия, в сочетании с которой ломаные линии приобретают черты равносторонних треугольников. Необходимо заметить, что поверхность сосуда хорошо залощена, цвет изделия равномерный, что говорит о тщательном обжиге.

Среди обнаруженных В. В. Козлитиным предметов наиболее точно определяется фрагмент изделия в виде спирали (рис. 2, 2) – обломок браслета или перстня со спиралевидным окончанием.

Браслеты со спиралевидными окончаниями обнаружены на памятниках юга Западной Сибири – Ново-Александровка [4, с. 54], Чекановский Лог-II [1; 5, с. 390], Кытманово [2] и Быково-IV [13, с. 104, рис. 1, 7] и Казахстана: Восточного – Малое Карасу [6, рис. 3], Маринка [14, с. 54], Центрального – Беласар [8, рис. 43, 1] и Северного. Они являются женскими украшениями, так как найдены только в женских погребениях. И. В. Ковтун предполагает, что андроновские браслеты со спиралевидными завитками появляются достаточно поздно [7, с. 24]. Опираясь на совместное нахождение этих предметов с ножами томского типа, он датирует их XIII–XII вв. до н. э. [7, с. 31].

Помимо федоровских памятников, такие изделия известны из погребений кротовской культуры могильника Сопка-2 в Барабе (10 экземпля-

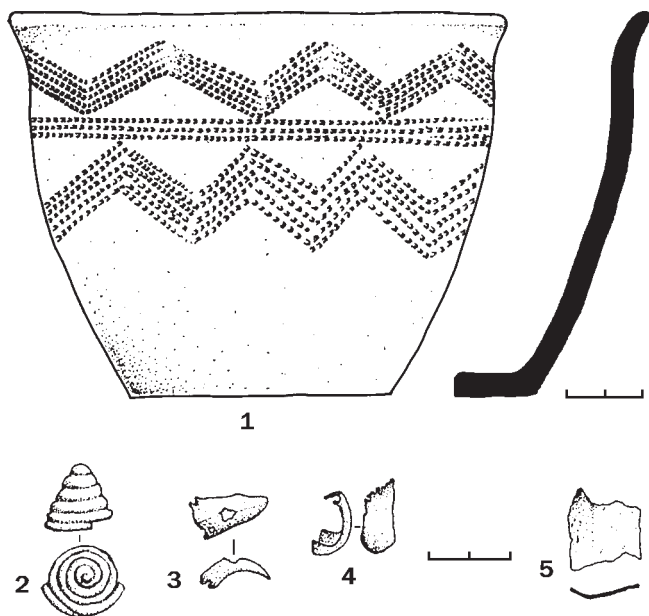

Рис. 2. 1 – керамический сосуд, 2–5 – бронзовые изделия: 2 – обломок перстня или браслета; 3, 4 – фрагменты подвески в полтора оборота; 5 – фрагмент неизвестного изделия

ров) [15, рис. 31, 1–8], что указывает на контакты федоровского и кротовского населения. Проникновение андроновцев в Барабу датируется В. И. Молодиным XIII в. до н. э. Исходя из перечисленного, мы также считаем, что время бытования описанных изделий укладывается в рамки XIII–XII вв. до н. э.

Подвески в полтора оборота (рис. 2, 3, 4) довольно часто встречаются в погребениях федоровской культуры на территории Алтайского края. Например, 10 аналогичных подвесок найдены в могиле № 2 погребения 1 могильника Чекановский Лог X [9, с. 122; 10, с. 249], в могиле № 5 могильника Быково-4 [13, с. 78]. Они являются одним из самых распространенных типов украшений, входящих в головной убор. На территории расселения федоровских племен они зафиксированы в погребениях взрослых женщин и девушек на выданье, исключение составляет лишь погребение девочки из могильника Преображенка-3 [15]. По мнению Э. Р. Усмановой и А. А. Ткачева, эти украшения имитируют рога барана. В индо-иранской культурной традиции бараний рог служил симво-

лом благополучия, богатства, плодородия и соотносился с понятием фарна, обозначающего солнечное сияющее начало [12, с. 81]. По этнографическим параллелям известно, что, например, у монголоязычных народов баран был символом благополучия и двойником человеческой души, его рога оберегали от врагов и злых духов [11].

Подвески в полтора оборота, по утверждению Н. А. Аванесовой, имели очень широкое распространение во времени и пространстве от Трансильвании до Минусинской котловины. Она отмечает, что определенным этническим образованиям свойственны разные формы и способы ношения этих подвесок, причем они различаются как по размерам, так и по форме пластин, из которых изготовлены [3, с. 53]. Для андроновской культурно-исторической общности характерны подвески из желобчатой пластины с расширенными ложечковидными концами и относительно узкой средней частью. Эти ювелирные изделия встречаются в памятниках федоровской и алакульской культур. Время бытования подвесок в полтора оборота ограничивается существованием федоровской и алакульской культур, то есть XVI–XII вв. до н. э.

Литература

1. Демин М. А. Дневник раскопок грунтового могильника Чекановский Лог II. ЛИК БГПУ, 2004.
2. Уманский А. П. Отчет об аварийных работах Верх-Чумышской археологической экспедиции БГПИ (черновой вариант). 1963.
3. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азитской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.
4. Зимица В. М., Адаменко О. М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у села Ново-Александровка // Известия Сибирского отделения АН СССР. Т. 9 (Серия общественных наук). Новосибирск, 1963. Вып. 3. С. 53–59.
5. Запрудский С. С. Украшения андроновской культуры могильника Чекановский Лог-2 // Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. РАЭСК-XLI. Иркутск, 2005. С. 389–391.
6. Ермолаева А. С. Погребения эпохи бронзы могильников Малое Карасу и Ковалевка левого бережного Иртыша. Алматы, 2001. Вып. 2. С. 84–90.
7. Ковтун И. В. Хронология андроновских браслетов с конусовидными спиральями // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 21–26.
8. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алмата, 1998. Т. 1. 400 с.
9. Демин М. А., Ситников С. М. Новые материалы андроновской культуры с верховьев р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 121–125.
10. Овечкин А. С. Украшения андроновской культуры могильника Чекановский Лог-10 // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. РАЭСК-XLI. Барнаул, 2001. С. 249–251.

11. Содномпилова М. М. Огонь в орнаменте монголоязычных народов // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 2. С. 109–110.
12. Усманова Э. Р., Ткачев А. А. Головной убор и его статус в погребальном обряде // Вестник древней истории. М.: Наука, 1993. Вып. 2. С. 75–83.
13. Абдулганеев М. Т., Лузин С. Ю., Кунгурова Н. Ю. Раскопки у села Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практ. конф. Барнаул, 1993. С. 102–105.
14. Ткачев А. А., Винокуров Е. И. Могильник эпохи бронзы Маринка // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 53–55.
15. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Р. В. Белоусов, А. И. Кукушкин, А. М. Соколов

Результаты археологической разведки в Каменском районе (правобережье)

В мае в 2005 г. в ходе работы Каменского археологического отряда Барнаульского государственного педагогического университета проведена археологическая разведка в районе с. Соколово (рис. 1, 1; 2). На северной окраине села в месте, где дорога на с. Малетино спускается в пойму Оби, нами был собран подъемный материал. Находки локализовались в северо-восточной части мысовидного участка первой надпойменной террасы. По всей видимости, местонахождение тяготеет к поверхности мыса, а керамика была перенесена к его подошве в результате действия паводка.

Среди находок наибольший интерес представляют обломки сосудов. Это фрагмент стенки с гребенчатым штампом (рис. 3, 1). Часть стенки с орнаментом в виде округлой борозды и вертикальными насечками (рис. 3, 1), венчик с крупной сеточкой, явно покрывавшей не всю поверхность шейки сосуда (рис. 3, 3). Собрано также большое количество неорнаментированных частей. Все фрагменты массивные, довольно грубой работы, выполнены из крупнозернистого теста. Предварительно датируются поздним средневековьем.

Там же обнаружено несколько более ранних фрагментов – венчик с жемчужником и придонная часть с подобием вертикальных линий. Датируются они ранним железным веком. Среди керамики обнаружено несколько костей мелкого скота, возможно, барана.

В результате проведенных работ выявляется следующая специфика расположения правобережных археологических объектов в районе г. Камня-на-Оби. Большинство открытых памятников распределены в пяти археологических «кустах», «микрорайонах»: Соколово, Раздумье, Дресвянка, Плотинная, Аллак (рис. 1) [1–7]. Расстояние между микрорайона-

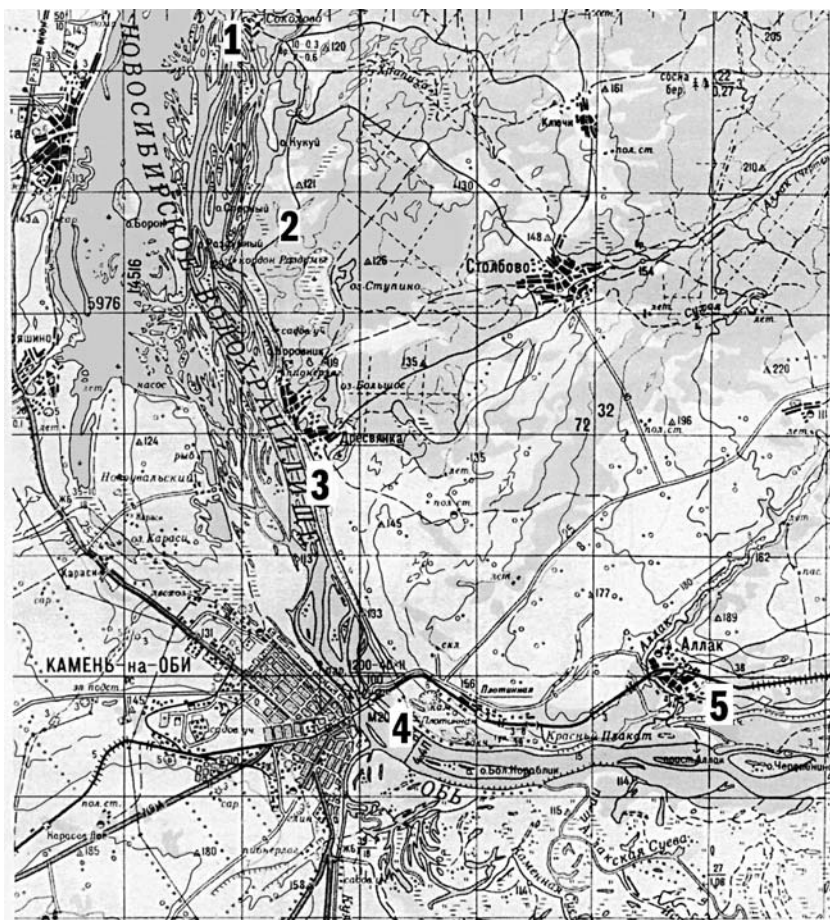

Рис. 1. Каменский район (правобережье). 1 – Соколово; 2 – Раздумье; 3 – Дресвянка; 4 – Плотнинная; 5 – Аллак

ми варьируется в пределах 5–8 км (рис. 2). В отдельных случаях можно выделить «ядро» микрорайона – ландшафтную структуру, значимую для древнего населения в хозяйственном, военном или религиозном аспектах, – вокруг которого группируются археологические памятники. Для археологических кустов в Раздумье, Соколово, Аллаке ядром является высокие обские мысы, удобные как для ведения комплексного хозяйства, так и для обороны. Памятники двух других археологических мик-

Рис. 2. Местонахождение Соколово

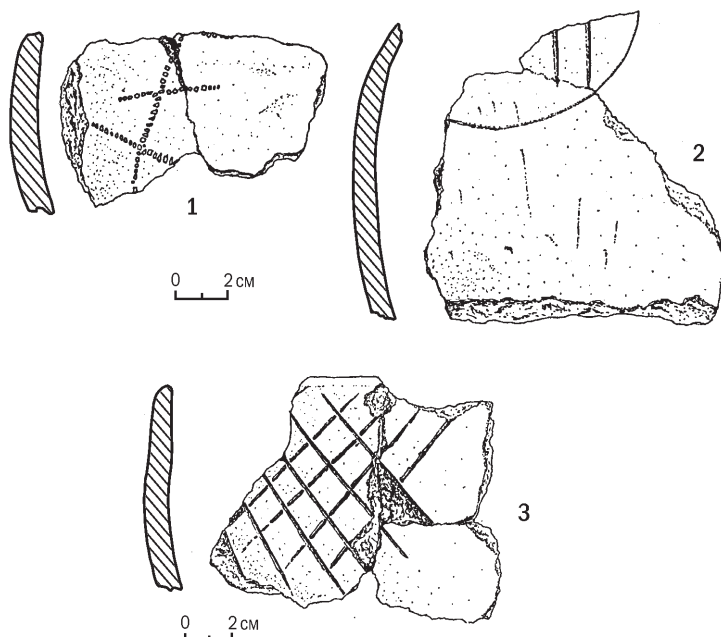

Рис. 3. Керамика

рорайонов – Плотинной и Дресвянки, располагаются на возвышенностях коренного берега р. Оби – гривах, дюнах. Ландшафтным ядром для них в первом случае является скальные выходы в районе ст. Плотинная, во втором – озеро Большое (рис. 1; 3, 4)

Говорить о культурно-хронологической принадлежности населения оставившего данный материал, пока не представляется возможным. Надеемся, что дальнейшие археологические исследования расширят наши представления о специфике данного региона.

Литература

1. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул, 1990. С. 35–55.
2. Уманский А. П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ «кокуев» // Вопр. археологии Сибири. Новосибирск, 1972. С. 47–59.
3. Грязнов М. П., Троицкая Т. Н., Уманский А. П., Севостьянова Э. А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопр. археологии Сибири. Новосибирск, 1973. С. 3–44.
4. Уманский А. П., Брусник Н. Д. Соколовский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 187–202.
5. Уманский А. П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 81–99.
6. Уманский А. П., Телегин А. Н. Два кургана раннего железного века близ села Дресвянка // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 2. С. 119–123.
7. Шамшин А. Б., Авраменко В. И., Дуда Я. В., Цивцина О. А. Мониторинг состояния некоторых археологических памятников в окрестностях города Камень-на-Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. С. 85–90.

А. П. Бородовский

Археологические исследования на севере Верхнего Приобья

В 2005 г. Центрально-алтайский археологический отряд ИАЭТ СО РАН, на базе которого проходили практику студенты исторического факультета НГПУ продолжал исследования на севере Верхнего Приобья, на побережье р. Оби в Колыванском и Мошковском районах Новосибирской области (рис. 1).

На участке к югу от Умревинского острога по правобережной обской террасы по направлению к с. Ташара была проведена археологическая разведка. На юго-западной окраине с. Умрева была обнаружена ранее неизвестная курганная группа Умрева-2, состоящая из 6 небольших насыпей. К юго-востоку от поселка Обской на высоком водоразделе обнаружена ранее неизвестная курганная группа Чесноковка-1 (рис. 2). Насыпи семи курганов диаметром до 30 м и высотой более 3 м вытянуты в

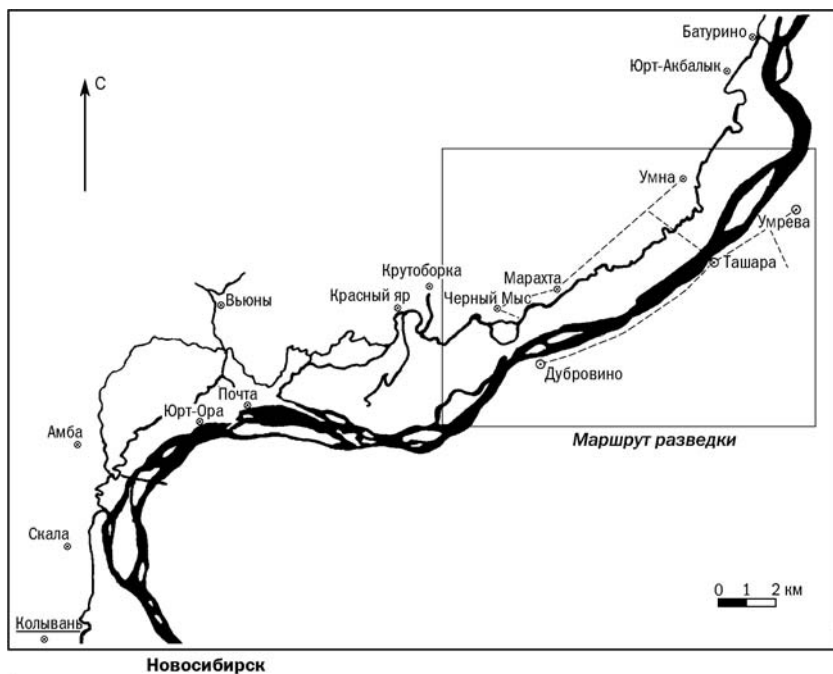

Рис. 1. Маршрут разведки на севере Верхнего Приобья

цепочку вдоль одноименной реки по направлению с ЮЗ на СВ. Общая протяженность некрополя составляет более 2 км. Практически все курганы имеют в центре грабительские воронки значительных размеров. На участках поврежденных насыпей обнаружены фрагменты обожженного дерева и спекшейся глины. Расположение памятника, диаметр и высота курганных насыпей позволяют отнести его к так называемым «элитным» курганам. Датировка курганной группы Чесноковка-1, вероятно, относится к эпохе железа.

Южнее Умревинского острога на береговой кромке удалось выявить целый ряд ранее неизвестных разновременных поселенческих комплексов – Ташара-15, 16, 17, 18, 19, 20, 21. Остатки жилых конструкций представлены земляночными западинами различных размеров и холмиками с воронкой в центре. Жилые конструкции располагались либо как одиночные сооружения (Ташара-17, 18, 20), либо как группы котлованов, всхолмлений (Ташара-15, 16, 20, 21). Расстояние между памятниками составляло от 30 до 50 м.

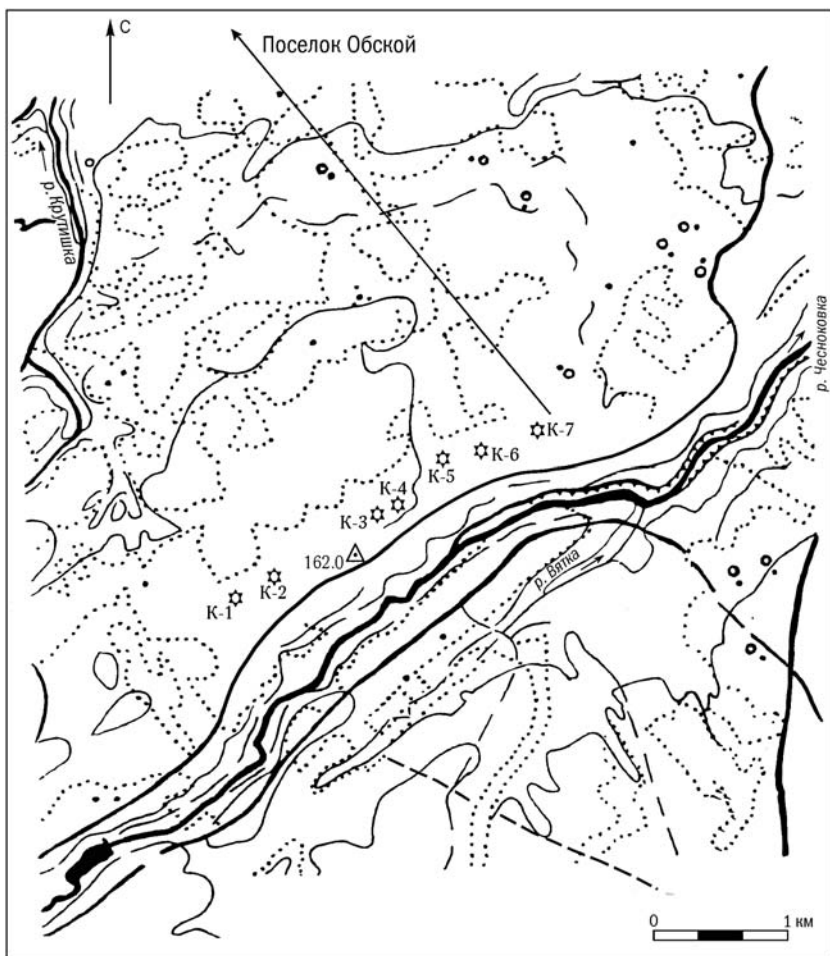

Рис. 2. План курганной группы Чесноковка-1

На противоположном берегу р. Оби в пойме напротив с. Умна Колыванского района Новосибирской области были обнаружены две курганные группы – Уень-1 и Уень-2. Диаметр курганов составлял от 10 до 20 м, высота – от 1,5 до 3 м. Ближняя к переправе у с. Ташара курганный группа Уень-1 состояла из семи курганных насыпей, расположенных двумя цепочками (С–Ю; 3–В); в километре от нее, ближе к с. Умна, нахо-

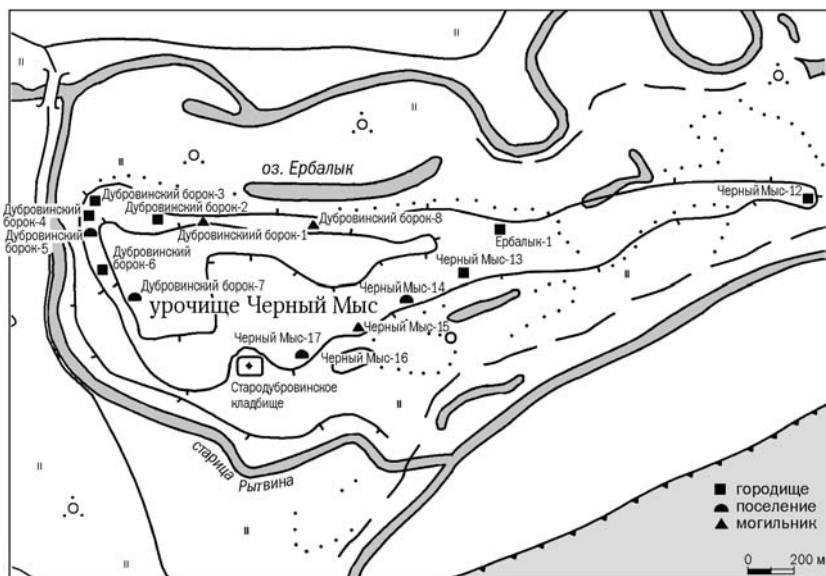

Рис. 3. Расположение археологических памятников в урочище Черный Мыс

дидась курганная группа Уень-2, состоящая из двух значительных курганных насыпей. На территории левобережной обской поймы курганы значительных размеров были известны еще с конца XIX в. Таким памятником является Дубровинский бугор.

Севернее этого объекта в урочище Черный Мыс (Дубровинский борок) был обследовано возвышение в пойме от Стародубровинского кладбища до восточной оконечности этого пойменного останца (рис. 3). На этом участке протяженностью более 2 км обнаружены ранее неизвестные памятники Черный Мыс-12, 13, 14, 15, 16, 17. Все они располагались на южной, наиболее хорошо прогреваемой кромке террасы. На узком восточном мысу находилось позднесредневековое городище – Черный Мыс-12 (рис. 4, 6, 3–6). Оно было ограждено рвом с выступом значительных размеров. На основной площадке городища в несколько рядов вдоль мыса располагалось 38 земляночных западин.

Юго-западнее этого укрепленного жилого комплекса находилось еще одно городище – Черный Мыс-13 (рис. 5). Оно располагалось на мысовидной возвышенности у кромки террасы. Восточный участок городища был огражден неглубоким рвом овальных очертаний. За этими обо-

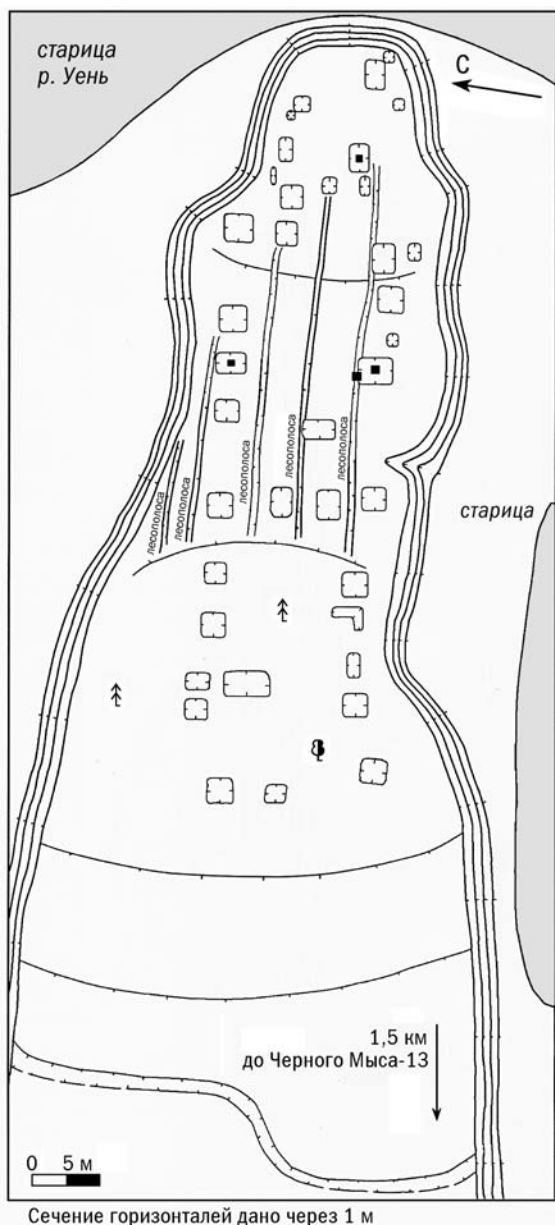

Рис. 4. План средневекового городища Черный Мыс-12

ронительными сооружениями в два ряда располагалось 8 земляных западин. Еще одна западина находилась за рвом. На основании находок керамики (рис. 6, 1, 2) этот памятник датируется второй половиной I тыс. н. э. и относится к тимирязевскому этапу верхнеобской культуры.

Западнее этого городища располагаются несколько поселений (Черный Мыс-14, 15, 17) и курганный группа Черный Мыс-16. Остатки жилых конструкций представлены всхолмлениями (Черный Мыс-14), котлованами округлых (Черный Мыс-15) или подпрямоугольных очертаний.

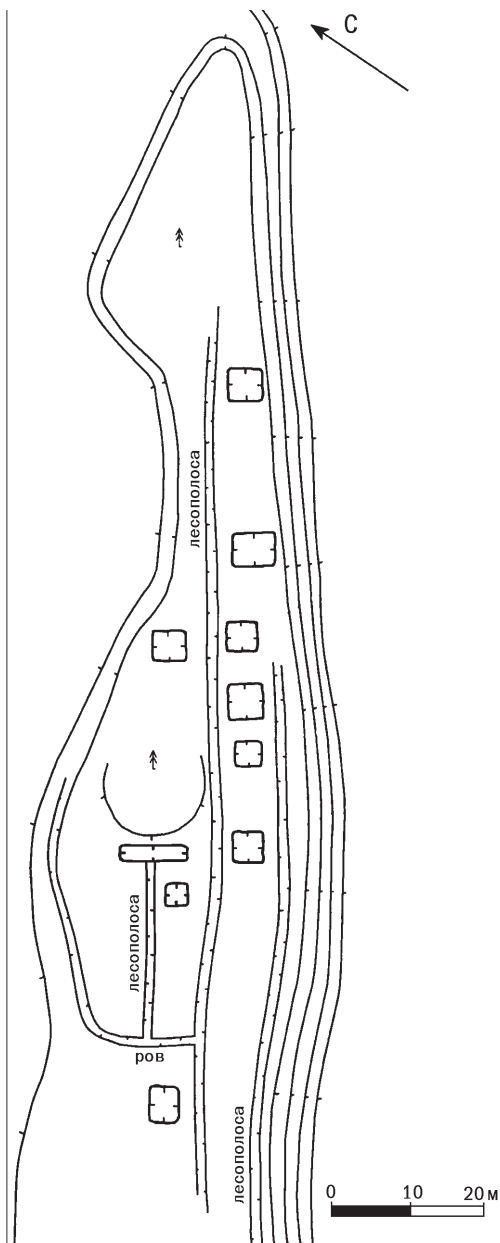
Курганный группа Черный Мыс-16 состоит из четырех насыпей диаметром около 5 м и высотой до 0,5 м. Курганы вытянуты в цепочку вдоль кромки террасы на

Рис. 5. План раннесредневекового городища Черный Мыс-13

возвышении в центральной части пойменного останца. На противоположном северном краю этого урочища выявлено городище Ербалык-1. Оно располагается напротив одноименного озера-старицы. Оборонительные сооружения представлены незамкнутым рвом вдоль кромки террасы, внутри которого и за его пределами находятся несколько всхолмлений. Три таких конструкции расположены за пределами рва у края террасы. Еще четыре сооружения ограждены рвом.

Северо-восточнее урочища Черный Мыс была обследована левобережная кромка обской террасы от с. Марахта до урочища Линево Кольванского района Новосибирской области. К юго-западу от бывшего с. Марахта на выступе террасы обнаружено два ранее неизвестных поселения – Марахта-3, 4.

Поселенческий комплекс Марахта-3 состоит из четырех овальных земляночных западин у кромки террасы и одного

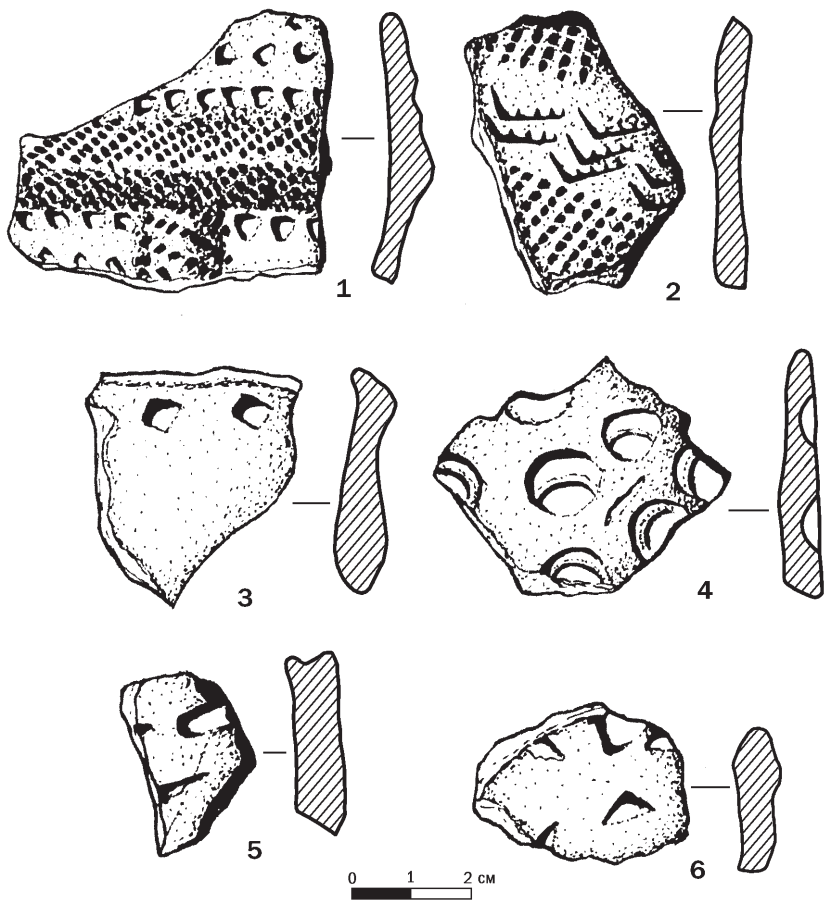

Рис. 6. Керамика с городищ Черный мыс-12, 13: 1, 2 – Черный мыс-13, 3–6 – Черный Мыс-12

всхолмления. Марахта-4 находится на высоком всхолмлении террасы к северу от поселения Марахта-3. Этот поселенческий комплекс состоит из двух рядов холмиков огражденных по краям несколькими прерывистыми ровиками. Часто всхолмления сливаются краями друг с другом. В центре этих возвышенностей расположены углубления. Всего выявлено 10 сооружений эпохи средневековья.

К северо-востоку от дачного поселка в урочище Линево выявлено еще несколько ранее неизвестных археологических памятников – Уро-

чище Линево-1, 2, 3, 4. Следует подчеркнуть, что эта территория никогда ранее не исследовалась. Поэтому обнаруженные археологические комплексы являются лишь частью объектов, которые здесь расположены. Само урочище Линево представляет собой мысовидное всхолмление — днун вдоль кромки обской террасы. Особый интерес представляет кижировское городище Урочище Линево-3 (рис. 7, 8). Фортификационное сооружение возведено на вытянутой с ЮЗ на СВ возвышенности. Оно имеет две оборонительные площадки — северную и южную, огражденные рвом и примыкающие друг к другу. На северной площадке городища размещены три бастионовидных возвышения, перекрывающих ров.

В целом археологические исследования на территории Мошковского и Новосибирского районов Новосибирской области позволили выявить достаточно большое количество ранее неизвестных памятников. Культурно-хронологическая принадлежность некоторых из них дает возможность уточнить границы распространения нескольких археологических культур эпохи раннего железа (кижировская культура) и раннего средневековья (тимирязевская культура).

Достаточно перспективным оказалось обследование не только обской поймы, но и удаленных от нее территорий в целях выявления

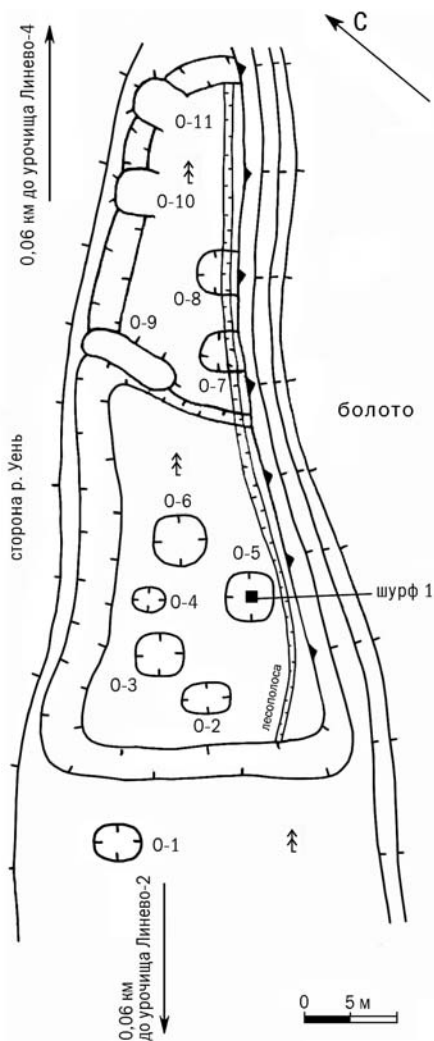

Рис. 7. План кижировского городища Урочище Линево-3

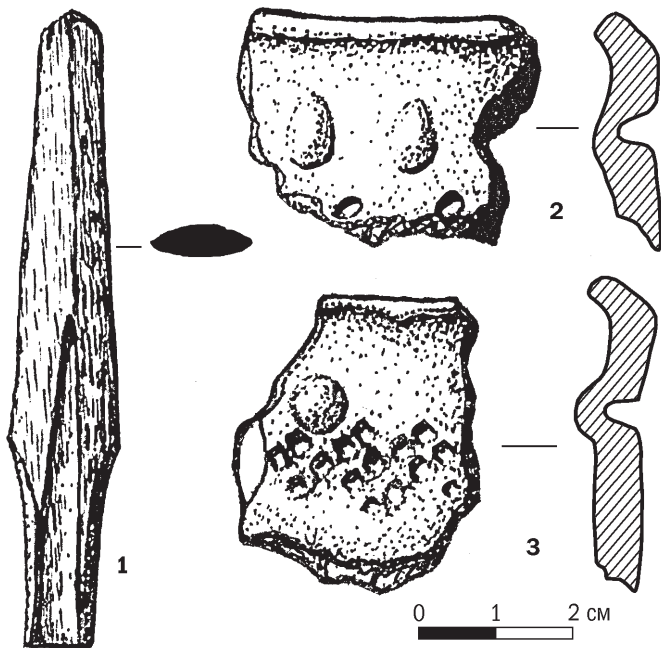

Рис. 8. Предметы с городища Урочище Линево-3: 1 — кость, 2, 3 — керамика

«элитных» курганов. Север Верхнего Приобья представляет собой одну из территорий, где эта погребальная традиция является уже маргинальной в сравнении с южной лесостепной и степной зоной, где расположено большинство курганов эпохи металла значительных размеров.

А. П. Бородовский, Т. В. Шаламай

Исследования археологического памятника Антоново-2

Инвентаризация и составление сводов археологических памятников, расположенных в сопредельных административных районах Новосибирской области и Алтайского края, проводятся на протяжении 1970–1990-х гг. В ходе инвентаризации 1994 г. удалось обнаружить еще несколько ранее неизвестных археологических памятников на правом и левом берегу р. Обь. Одним из таких памятников является разновременное, многослойное поселение Антоново-2.

Памятник обнаружен в 5 км севернее с. Масляха (Каменский район Алтайского края) на оконечности мысового возвышения залива у с. Антоново у южной границы Новосибирской области (Ордынский район). На территории памятника протяженностью до 60 м вдоль береговой

кромки расположено 3 земляночных западины и одна насыпь. Диаметр котлованов жилищ составляет 20 м, глубина – 20–50 см. Рядом с ними в береговой насыпи выявлено несколько хозяйственных ям эпохи раннего железа (первая половина I тыс. до н. э.). Они содержат обломки керамики типичной как для поселенческих, так и для погребальных комплексов.

Керамика, характерная для поселенческих комплексов представлена фрагментами сосудов баночного типа с двумя рядами оттисков палочки либо одним рядом оттисков в виде ямочек (рис. 1, 5–6). К погребальному типу керамики относится неорнаментированный фрагмент кувшиновидного сосуда (рис. 1, 6).

К наиболее ранним находкам на поселенческом комплексе Антоново-2 относятся находки в сборах отщепов (рис. 1, 1–3) крупных и мелких размеров, изделие из мелкозернистого песчаника в форме блесны с подшлифованными краями [1], возможно, стилизации рыбы (рис. 1, 4).

При проведении мониторинга состояния археологических памятников на берегу Новосибирского водохранилища в 2005 г. был уточнен план памятника Антоново-2. На береговой кромке была собрана обширная коллекция каменных артефактов. В качестве сырья был использован кальцинированный кварцит, дающий при расщеплении слишком много непригодных отходов. Основное количество орудий выполнено на отщепах, что связано с низким качеством каменного сырья, а также с «угасанием» традиций пластинчатой индустрии.

Обнаружено два типа нуклеусов – призматический и дисковидный (рис. 2). Вторая разновидность заготовки отличается достаточно большими размерами. Встречаются инструменты, выполненные на обломках исходной породы. Морфологические особенности каменного инвентаря и техника первичного расщепления позволяют отнести каменный инвентарь к периоду финального неолита – ранней бронзы. Ближайшей территориальной аналогией для раннего разрушенного культурного слоя поселения Антоново-2 является Антоново-4 [2, с. 54–57]. Оно расположено в 3 км к ССЗ от поселения Антоново-2, на противоположном мысу.

На памятнике Антоново-2 удалось выявить участок, где располагается ранее неизвестный грунтовый могильник – Антоново-2а. Здесь была проведена аварийная зачистка разрушающегося погребения № 1. Глубина погребения составляла 1 м от дерновой поверхности, длина могильной ямы по зачистке береговой осыпи – 1,5 м. Заполнение могилы представлено темной гумусированной супесью с включением линз мешаного песка. По периметру могила имела обкладку, сложенную из массив-

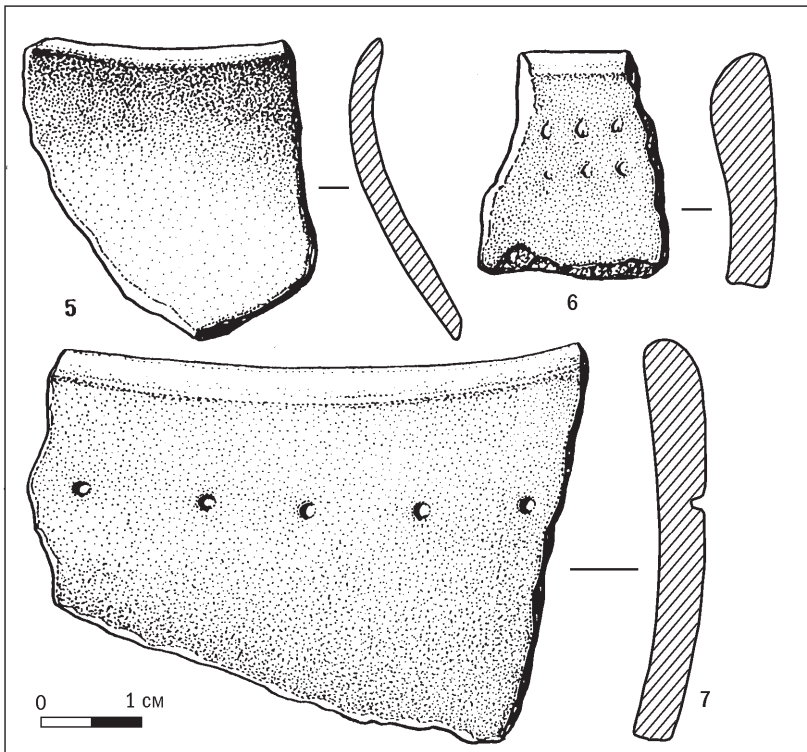
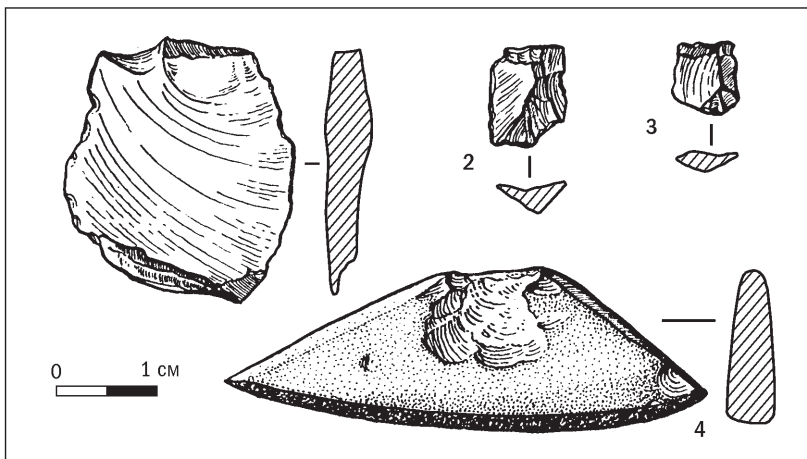
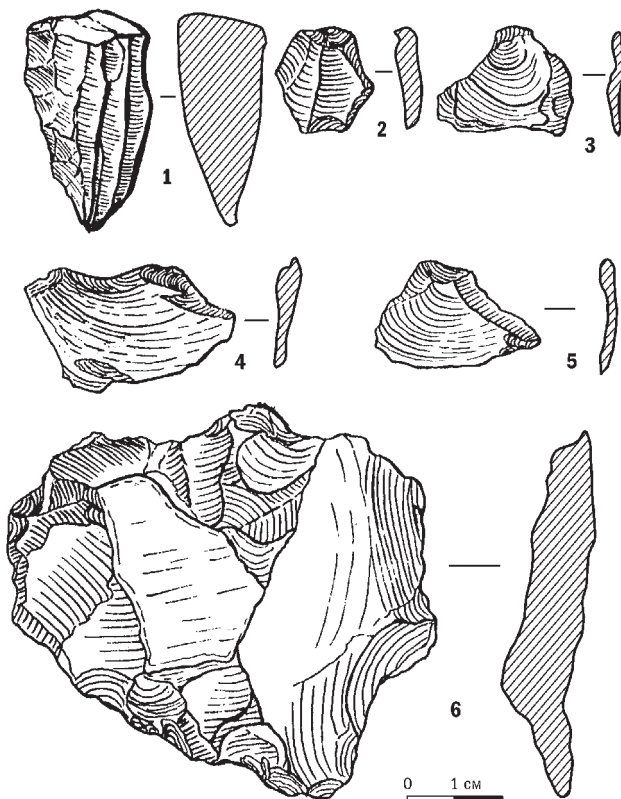

Рис. 1. Сборы 1994 г. с многослойного поселения Антоново-2: 1-4 – камень (эпоха энеолита); 5-7 – керамика (эпоха раннего железного века)

Рис. 2. Сборы
2005 г. с много-
слойного поселе-
ния Антоново-2

ных деревянных плах толщиной до 30 см, шириной 20 см. Под деревянной конструкцией подквадратной формы найдены потревоженные фрагменты скелета взрослого человека. Погребенный располагался на правом боку в сильно скорченном положении и был ориентирован головой на юго-восток. Из сопроводительного инвентаря в погребении в районе изголовья было обнаружено 2 фрагмента керамики от баночного сосуда, один из которых имел орнаментацию в виде двух рядов отгисков палочки. Керамика имеет аналогии среди целого ряда погребальных комплексов (Ордынское-1, Новый Шарап-1, Быстровка-1, Милованово-2, 8, Усть-Алеус-3, Камень-II) середины I тыс. до н. э. [3, с. 144, табл. XIV-1, 9, 10; с. 145, табл. XV-17; с. 151, табл. XXI 2, 5, 13; с. 159, табл. XXIX-7; с. 168, табл. XXXVIII-12; с. 171, табл. XLI-15; с. 177, табл. XLVII-6.]. Для эпохи раннего железного века на территории Верхнего Приобья скорченные погребения датируются не ранее первой половины I тыс. до н. э.

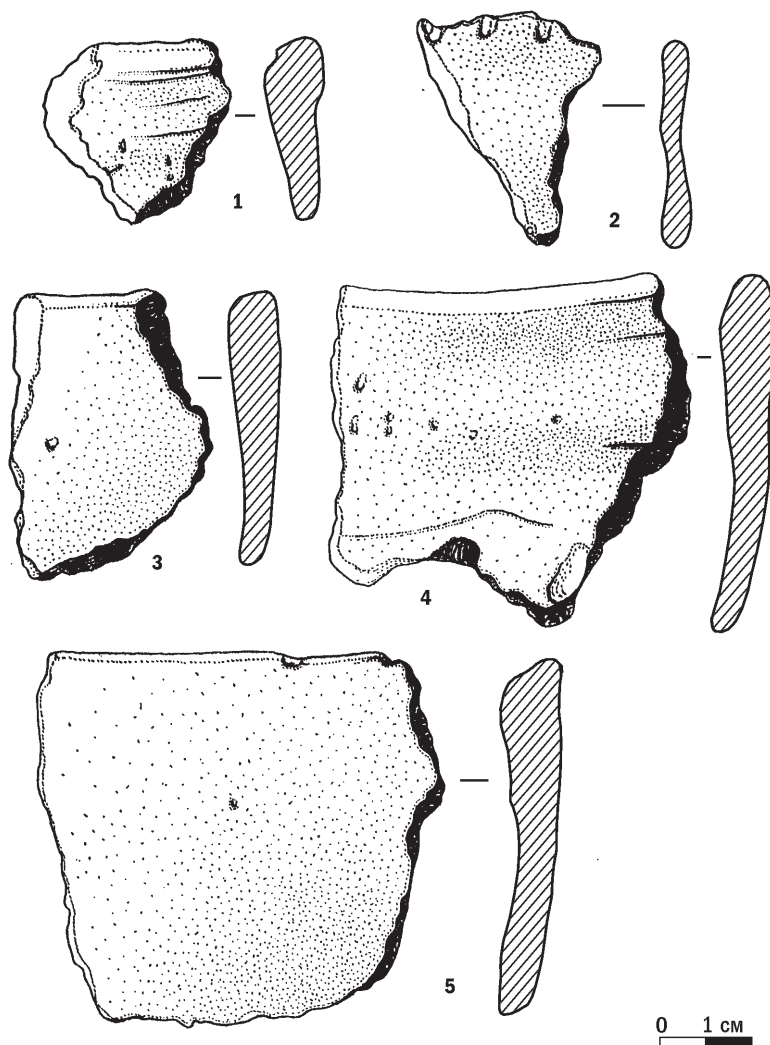

Рис. 3

Подъемный материал эпохи раннего железного века на поселении Антоново-2 составил 27 фрагментов керамики. Они представлены баночными сосудами значительных размеров с орнаментом, нанесенным по краю венчика отпечатками палочки. Посуда аналогична той, что найдена

в грунтовом погребении Антоново-2а, поэтому можно поставить вопрос о синхронности этих археологических комплексов.

В целом для верхней части Новосибирского водохранилища на левобережье характерно расположение в рамках одного археологического комплекса двух видов археологических памятников – поселения и грунтового могильника. По кромке левого берега Новосибирского водохранилища можно выделить ряд таких памятников расположенных последовательно, друг за другом, – например, памятники Усть-Алеус-6, Усть-Алеус-4, Антоново-2, Антоново-2а. Поселенческие комплексы Усть-Алеус-4, 6, Антоново-2, 2а относятся к бронзовому веку, а грунтовые могильники – к раннему железному и эпохе средневековья.

На территории Верхнего Приобья появление погребальных комплексов на поселениях относится к эпохе финального неолита (Батурицкий остров). В эпоху поздней бронзы погребения известны на ирменском поселении Милованово-3.

Характер находок эпохи финального неолита – ранней бронзы и раннего железа – на поселении Антоново-2 позволяет интерпретировать его как многослойное и постоянное, возможно, зимнего типа.

В непосредственной близости от поселения раннего железного века Антоново-2 находятся два погребальных комплекса этого исторического периода – Усть-Алеус-3 и Масляхинский некрополь. Аналогичная планиграфия поселения и синхронных могильников характерна еще для устья р. Орда (поселение Ордынское-9, курганные группы Ордынское-1, Новый Шарап-1, 2) и района с. Милованово (поселения Милованово-3 а, б, курганные могильники Милованово-2, 8, «26 июня»). Такое расположение погребальных и поселенческих комплексов определенного исторического периода, вероятно, связано с локализацией этно-территориальных групп населения скифского времени на севере Верхнего Приобья. Здесь, по мнению М. П. Грязнова (высказанному еще в 1954 г.), формировались некрополи и располагались зимники.

Литература

1. Бородовский А. П. Археологическое обследование северной границы Алтайского края по берегам Новосибирского водохранилища // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 121–123.
2. Босина Я. Мониторинг археологических памятников в районе сел Усть-Алеус – Антоново // Юношеский полевой семинар. Вып. II, Новосибирск, 2000. С. 54–57.
3. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
4. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. С. 92–102.

Т. А. Вдовина, С. В. Трифанова, М. В. Кобзарь

Аварийные раскопки погребения в каменном ящике в с. Озерном (Горно-Алтайск, Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай)

В сентябре 2005 г. в Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай поступила информация о разрушающемся погребении в черте села Озерное Онгудайского района Республики Алтай. Информация была предоставлена сотрудником отдела культуры Онгудайского района С. Б. Чальчиковой. Для проведения аварийных раскопок в срочном порядке был организован выезд сотрудников Агентства по культурно-историческому наследию и Горно-Алтайского государственного университета.

Объект располагался в центре с. Озерное на обочине одной из грунтовых дорог. Несколько длинных костей скелета человека лежали на поверхности дороги, четко обозначился контур черепа. По словам местных жителей, во время правки данного участка дороги грейдером ранее уже обнаруживали каменные плиты и кости. При более тщательном осмотре обочины дороги рядом с полностью или частично обнажившимися костями нами были обнаружены верхние грани трех плит от каменного ящика. Каменный ящик был сооружен на юго-западной поле большой земляной насыпи (диаметр около 20 м), на которой сейчас располагаются скотный двор и хозяйственные постройки.

На месте разрушающегося погребения был заложен раскоп размерами 6 2,5 м. В ходе дальнейшей зачистки к основной площади раскопа был прирезан участок размерами 180 50 см в западном направлении. В территорию раскопа, кроме обнаженных костей и верхних ребер каменного ящика, были включены отдельно лежащие обломки сланцевых плит и камни, которые располагались в один слой вытянуто на 3 м по линии СВ–ЮЗ в 30 см к СЗ от северной стороны каменного ящика. Уровень залегания этих камней — выше верхних краев плит каменного ящика. Возможно, они имели отношение к погребению, но были сдвинуты грейдером при выравнивании дорожного полотна. Зачистка погребения оказалась весьма затруднительной: грунт за многие годы был плотно спрессован проезжающей по дороге техникой. После зачистки был зафиксирован прямоугольный каменный ящик размерами 170 100 90 см, ориентированный с З на В, состоящий из шести поставленных на ребро, плотно подогнанных друг к другу каменных плит. Верхние и боковые грани плит были подтесаны; две плиты из малинового сланца, четыре — из зеленовато-серого. Сохранность плит — плохая, камень расслаивался и осыпался во время зачистки. Первоначально обнаруженные кости ока-

зались лежащими в беспорядке в 20 см от южной стенки каменного ящика с внешней стороны. Череп был ориентирован на ЮВ. Уровень залегания костей погребения совпадает с уровнем верхних граней каменного ящика. Какого-либо сопроводительного инвентаря не обнаружено. Это погребение было зафиксировано нами под номером 1. Беспорядочное положение костей и уровень их залегания наталкивает на мысль о переотложенном состоянии погребения, что не противоречит данным, полученным от местных жителей, которые сообщили о неоднократном выравнивании дороги на этом участке с помощью грейдера.

В каменном ящике было зачищено погребение трех человек: один детский (подростковый?) и два взрослых костяка. Все скелеты лежали на спине и были ориентированы головами на запад. Данное погребение было зафиксировано под номером 2. Детский костяк по уровню находился выше двух взрослых и, возможно, был подхоронен в ящик позже. Скопления древесных угольков отмечены в западной части ящика, у черепов погребенных. На некоторых костях заметны следы красной и черной краски. Красная подсыпка и мелкие комочки красной краски встречаются возле костей скелетов. Местами сохранились небольшие белые пятна берестяного тлена. Для всех трех костяков характерна плохая сохранность, большинство костей грудного отдела (позвонки, ребра) почти полностью отсутствует. Кости верхних конечностей лежат в беспорядке. У одного из погребенных, уложенного на дне ящика у южной стенки, отсутствуют кости обеих ног ниже коленных суставов, сохранилась только одна стопа, лежащая в анатомическом порядке. У другого нижнего скелета, уложенного у северной стенки, отсутствуют стопы вместе с суставными сочленениями. Костяки были уложены на специально сооруженной «подушке» из грунта, выравнивающей положение тел в ящике, который был сооружен под уклон: западная часть его находилась ниже восточной на 30 см. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Исследованное нами погребение находилось в 300 м к северу от Дома культуры с. Озерное, при строительстве которого в 1976 г. были обнаружены погребения в каменных ящиках, также впущенные в округлую земляную насыпь [3]. В целом элементы погребальной обрядности исследованного погребения совпадают с материалами раскопок погребений каракольской культуры, которые были исследованы в с. Озерном [1–3].

Литература

1. Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.
2. Кубарев В. Д., Соёнов В. И., Эбель А. В. О новых памятниках каракольской культуры в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 45–47

3. Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–85.

А. А. Ветров

Обряд сожжения в федоровской погребальной традиции (по материалам могильника Чекановский Лог-10)

В погребальном обряде федоровской культуры можно выделить два основных способа захоронения останков умерших:

- помещение тела умершего в погребальную камеру (ингумация);
- сожжение и помещение праха в могилу (кремация).

Погребения по способу трупосожжения достаточно хорошо известны по федоровским памятникам Южного Зауралья, Казахстана и Сибири, и неоднократно описывались исследователями [2; 3]. Это сожжение на стороне с последующем погребением кальцинированных останков и сопровождающего инвентаря в могиле. Кроме того, можно выделить так называемые «биритуальные» захоронения. Под «биритуализмом» понимается сочетание двух способов обращения с умершими (кремация и ингумация) в погребальном обряде в одной могиле [5, с. 43].

Необходимо отметить практически полное господство обряда кремации только в Зауралье. В результате картографирования погребений, совершенных по обряду сожжения, выявлена закономерность: по мере продвижения с запада на восток количество таких погребений уменьшается, уступая место способу трупоположения.

Грунтовый могильник Чекановский Лог-10 (далее ЧЛ-10) расположен на правом берегу Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края, в 1,5–1,7 км к юго-востоку от с. Корболиха. За время аварийных раскопок (1999–2005 гг.) под руководством М. А. Демина и С. М. Ситникова на этом памятнике вскрыто 104 грунтовых погребения эпохи развитой бронзы (андроновская культура). Ведущим способом захоронения на данном памятнике является трупоположение. Могил, где обнаружено трупосожжение, лишь пять (т. е. 5,2% от общего количества), две из них «биритуальные».

Как показывают материалы могильника ЧЛ-10, различные способы обращения с умершими не зависели от каких-либо особых характеристик погребальной камеры (размера, глубины, дополнительных конструкций). Для захоронения как тела, так и кремированных останков умерших сооружались совершенно одинаковые могильные ямы. В обоих случаях (кремация и ингумация) могилу сооружали обычных размеров, без поправки на то, что ее площадь велика для небольшого количества праха. Размеры могильных ям, очевидно, зависят от двух факто-

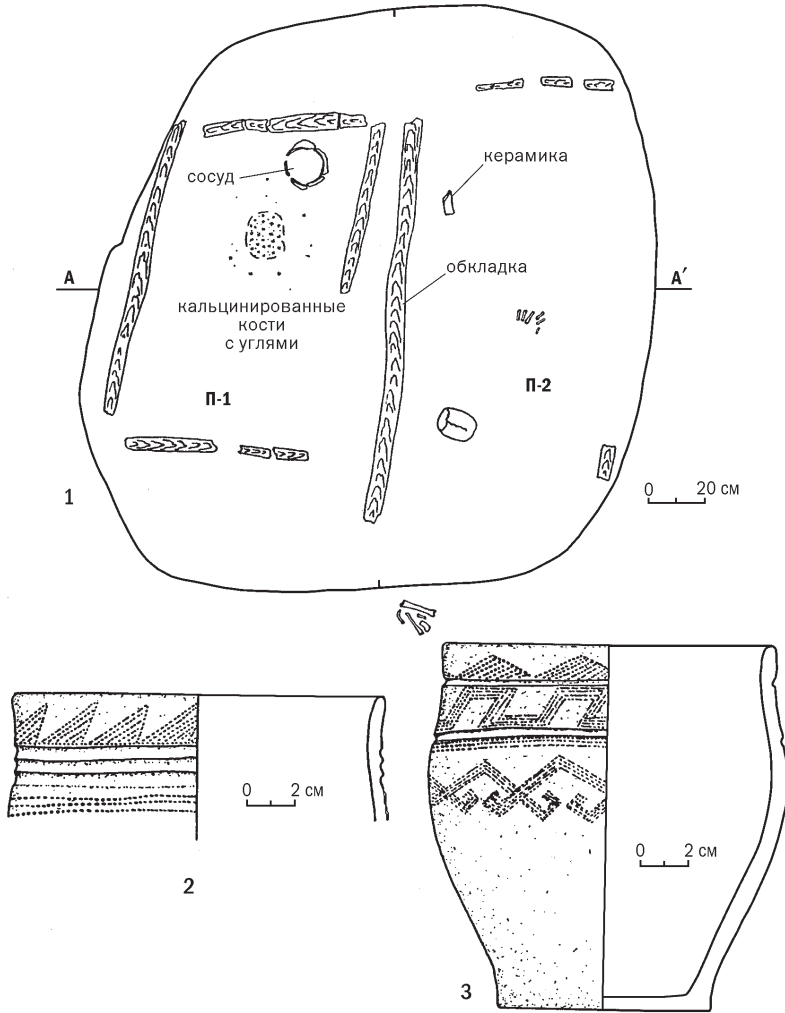

Рис. 1. Грунтовый могильник Чекановский Лог-10.
 1 – план могилы № 10; 2, 3 – сосуды

ров: физических данных погребенного и количества погребенных в могиле [1, с. 105]. Длина детских захоронений составляет 50–90 см, длина могильных ям взрослых андроновских захоронений – от 1,3 до 3,05 м, ширина – от 0,8 до 2,95 м. Сопроводительный инвентарь погребений по обряду кремации достаточно однообразен и полностью аналогичен по-

гребениям с труположением. Он представлен одним либо двумя сосу- дами. Кроме этого, в могиле № 3 был обнаружен альчик копытного жи- вотного. Другие виды сопроводительного инвентаря в погребениях с трупосожжением отсутствуют, что характерно для могил с кремацией данного региона. Ориентировка могил в целом представляет широтную направленность обычных погребений (СЗ–ЮВ, СВ–ЮЗ, В–З).

На фоне исследуемых могил нестандартным является парное погре- бение могилы № 10 (рис. 1, 1). Погребения совершены по способу ингумации и кремации в одновенцовых срубках. По способу труположения погребен был мужчина старше 30 лет, без сопроводительного инвента- ря. По способу трупосожжения погребен ребенок в возрасте до одного года (возрастное определение выполнено К. В. Солодовниковым на осно- ве сохранившихся фрагментов костей черепа) в сопровождении двух «богато» орнаментированных горшков. Сосуд № 1 – горшководной фор- мы с богатой орнаментацией. Венчик украшен заштрихованными равно- сторонними треугольниками, шейка и тулово – меандровидным орна- ментом (рис. 1, 3). Обломки сосуда № 2 (рис. 1, 2) обнаружены рядом с со- судом № 1. Это горшок, украшенный по венчику рядами заштрихован- ных косоугольных треугольников, по шейке – тремя рядами каннелюр, по плечикам – тремя горизонтальными оттисками мелкозубчатого гре- бенчатого штампа [4]. Нехарактерным (для погребального обряда мо- гильника ЧЛ-10) является постановка двух нарядно-ритуальных сосу- дов при погребении младенца.

Половозрастной состав погребенных по обряду кремации опреде- лить достаточно сложно. Отсутствуют антропологические данные (воз- раст, пол) в отношении сожжений, большинство могильников раскопан- ны не полностью, не создана еще единая классификация погребального обряда, а значит, не выявлены в сооружениях и инвентаре устойчивые признаки для половозрастной дифференциации погребенных. Опреде- ление общего количества кремированных погребенных на первый взгляд не представляет затруднений, оно должно соответствовать обще- му количеству могильных ям, а также общему количеству зафиксиро- ванных костных скоплений. Такое предполагаемое соответствие будет основываться на традиционном для андроновской культуры преоблада- нии одиночных ингумированных погребений. Обычно в пределах грани- ц дна фиксируются сильно фрагментированные кремированные кости в скоплениях или россыпью.

Сожжение производилось на стороне с последующим погребением праха в могиле с инвентарем, который действию огня не подвергался. То, что труп сжигали вне могильной камеры, легко определяется по ря-

ду признаков: отсутствию прокала под скоплением кремированных останков, форме и размерам скопления, отсутствию обожженных конструкций и стенок могильной ямы. Интересно и то, что в некоторых погребениях вещи располагались так, как будто там был погребен реальный человек, а не его прах, то есть их расположение очень похоже на расположение вещей при погребениях по обряду труположения. Не совсем ясна ситуация в тех погребениях, в которых обнаружены компактно сложенные кучки кремированных останков человека. Тот факт, что в некоторых случаях расположение кальцинированных костей, органического тлена и украшений в могилах напоминали аналогичные положения останков при ингумации, позволил ряду исследователей предположить, что в этих случаях пепел заключался в какую-то емкость. Возможно, мы имеем дело со следующей ситуацией: прах умершего человека, сожженного на специальном погребальном костре, собирали в мешочек и помещали его внутрь могилы либо в куклу-манекен. Говоря о том, что сожженные останки умерших помещались в «куклу» необходимо иметь в виду, что в «куклу» заключались не просто пережженные, а предварительно измельченные, «приготовленные» кости. М. П. Грязнов заметил, что останки после сожжения могли помещаться в некое подобие умершего, которому придавали положение, предусмотренное обрядом ингумации.

Таким образом, анализируя погребальный обряд трупосожжения на основе андроновского грунтового могильника ЧЛ-10, можно сделать вывод о том, что обряд кремации стабилен на всей территории распространения андроновской (федоровской) культуры, хотя имеются локальные особенности, выраженные в категориях сопроводительного инвентаря, оформлении могильной камеры и надмогильного пространства.

Литература

1. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 199 с.
2. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М., 1985. 259 с.
3. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 2. М., 1951. С. 94–151.
4. Ситников С. М. Отчет об аварийных раскопках Верхнеалейской археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического университета летом 2001 г. в Третьяковском районе Алтайского края. Барнаул, 2001. 65 с. Архив ЛИК БГПУ. Б. н.
5. Усманова Э. Р. К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 43–47.

С. В. Горохов

Археологические и геофизические исследования Умревинского острога

Умревинский острог входит в число оборонительных пунктов, связанных с освоением русскими территории Верхнего Приобья в начальный период вхождения земель Западной Сибири в состав Российского государства в XVIII в.

Археологическое исследование острога началось в 2000 г. А. В. Шаповаловым и было продолжено в 2002–2004 гг. А. П. Бородовским [1]. Геофизическое исследование памятника проводилось в 2002 г. прибором электромагнитного сканирования (ЭМС-2), разработанного в лаборатории электромагнитных полей института геофизики СО РАН канд. физ.-мат. наук А. К. Манштейном, Исследование охватило полностью южную половину острога и северо-восточный угол.

В археологии Западной Сибири начиная с 1980-х гг. успешно применяются различные геофизические методы. В отличие от средств электроразведки, которые уже довольно давно используются в отечественной и зарубежной археологии, применение средств электромагнитного сканирования имеет эпизодический характер. Для аппаратуры ЭМС разработан комплекс управляющих обрабатывающих программ. Внутренний процессор осуществляет управление аппаратурой и хранение информации. С помощью компьютера класса Notebook на месте может быть обработана информация и получен результат в виде геофизической карты [2; 4, с. 5].

Результатом работы прибора ЭМС-2 является составление картографического образа памятника, а представленные на карте его конфигурация и внутренняя структура служат основой для планирования содержания и объема традиционных раскопочных работ (рис. 1). Карта позволяет наглядно представить себе изучаемый объект, задействовать в анализе механизмы зрительного восприятия, ассоциативное мышление, что позволяет получить дополнительную информацию [2].

Элементами геофизической карты являются участки грунта, имеющие определенное сопротивление электромагнитным волнам, источником которых является ЭМС-2. Разность сопротивлений различных участков грунта вызвана неоднородностью структуры самого грунта. В нашем случае такая неоднородность является следствием антропогенного воздействия. В зависимости от мощности культурного слоя (МКС) эти участки изображаются на карте различными цветами – от ярко-оранжевого до ярко-синего. Соответствие между МКС и цветовой гаммой на карте удалось установить, сопоставив геофизическую карту с видимы-

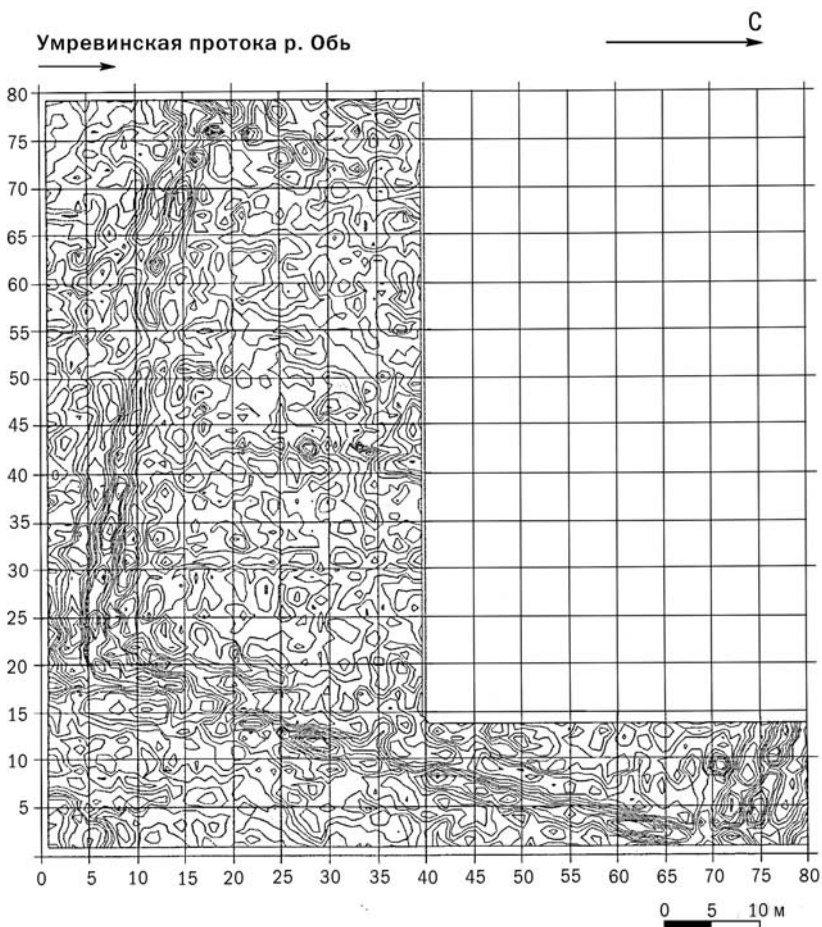

Рис. 1. Геофизическая карта Умревинского острога

ми остатками оборонительных сооружений на местности (рис. 2). Так на геофизической карте отчетливо видны контуры структуры грунта, которые своими размерами, очертаниями и взаимным расположением четко соответствовали земляным оборонительным сооружениям (рвам и валам), заметным на местности. Сопоставив взаимное расположение рвов и валов со структурами на геофизической карте, удалось установить соответствия между цветовой гаммой тех или иных участков карты и МКС. Относительно незначительному культурному слою (КС) соответст-

вуют цвета оранжевой гаммы, так как рвы имеют такую окраску (поверхность рва представлена материком, а значит, КС отсутствует). Относительно мощному КС соответствуют цвета сине-зеленой гаммы. В частности, в этой гамме цветов представлены валы, которые образованы путем искусственного сооружения насыпи, а значит, являются КС.

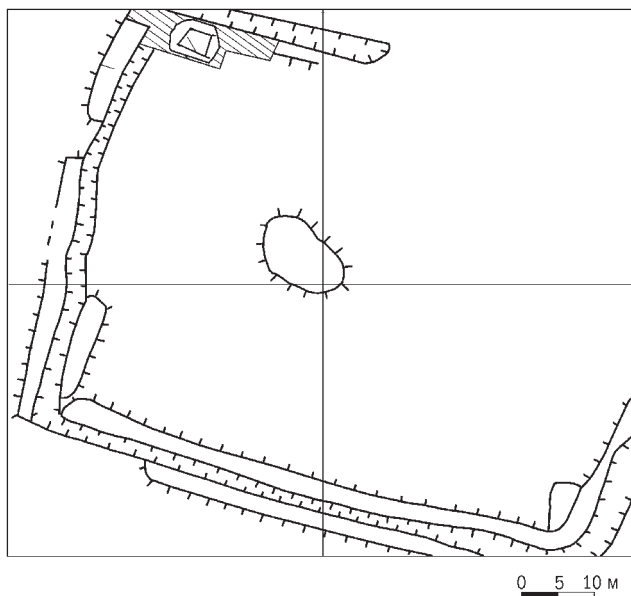
На основе интерпретации данных геофизического исследования нами был проведен анализ остальной площади Умревинского острога, выявивший ряд структурных элементов, которые на местности неразличимы и могли быть выявлены только в ходе археологических раскопок. На южном участке было обнаружено несоответствие земляных оборонительных сооружений на местности данным геофизического исследования. Геофизическое исследование показало непрерывность системы валов на этом участке острога и, наоборот, разрыв рва шириной около 4 м на одном из участков. Ранее составленный топографический план показывает здесь разрыв вала и непрерывный ров и обозначает это место как «въезд». Такого рода разночтения между данными геофизики и топографии свидетельствуют о том, что мы имеем дело с несколькими строительными периодами на памятнике, так как первоначально существовавший вал (о его существовании на этом участке говорит геофизика) впоследствии был нивелирован (укатан) и в настоящий момент на местности неразличим. Напротив, ров на этом участке в период существования въезда был частично заполнен: об этом говорят данные геофизики, показывающие в этом месте наличие КС, который мог образоваться только вследствие заполнения рва.

В центре площади острога геофизическое исследование выявило наличие мощного культурного слоя (до 1,5 м), которое соответствует возвышенности (около 1 м) на местности. На топографическом плане эта возвышенность представлена овалом. Данные геофизики указывали на более сложную планиграфическую структуру объекта, которая скрыта дерновым слоем. Археологические исследования этого участка в 2003 и 2004 гг. показали, что возвышенность является остатками избы приказчика. Геофизическая структура объекта совпадает с контурами расположения остатков сооружения. Таким образом, данные геофизического исследования позволили более точно определить структуру объекта, чем визуальные наблюдения, и получить более четкое представление о структуре объекта до археологических раскопок.

Первоначально холм в центральной части острога и соотносимая с ним структура на геофизической карте были идентифицированы как место нахождения церкви. Однако раскопки 2003 г., как было сказано выше, показали, что этот холм является остатками избы приказчика.

Рис. 2. Топографический план Умревинского острога

Это заставило искать церковь в другом месте. Одним из вариантов является участок в 10 м к востоку от юго-восточного угла оборонительных сооружений. Здесь геофизическое исследование выявило наличие мощного культурного слоя (1–1,5 м).

На участке между южным въездом и избой приказчика находится площадка, геофизическая структура которой говорит о том, что это отдельный структурный элемент. Мощность КС на этом участке острога ниже (что следует из цветовой гаммы геофизической карты), по всей видимости, это была площадь, границы которой задавали южный въезд и изба приказчика, и которая образовалась после строительства южного въезда.

В 2002–2004 гг. были осуществлены археологические раскопки западного и частично южного тына. При этом были выявлены погребения, которые находились в пределах тыновой ограды острога или перерезали ее. Так как эти погребения присутствовали на раскопе и западного, и южного тына, было сделано предположение, что юго-западный угол острога занимает некрополь начала XIX в. [3, с. 269]. Геофизическое исследование подтверждает это предположение. Рассматриваемый участок содержит структурные неоднородности, представленные участками с мощностью культурного слоя до 1,5 м. Никаких локальных возвышенно-

стей местности в этой части острога топографическое исследование не показало. Значит, зафиксированные прибором ЭМС-2 участки могут быть представлены заполнением могилы. Кроме того, эти элементы геофизической карты ориентированы по линии СВ–ЮЗ, что соответствует ориентации могил. Окончательную информацию об археологической структуре смогут дать только раскопки этого участка.

Юго-восточный угол острога занимает геофизическая структура, соотносимая со структурой острога, ее природа пока неясна.

Для соотнесения элементов топографической и геофизической карт было выполнено их совмещение. Полученную карту нельзя использовать для анализа площади острога и прилегающей территории, так как пространственное расхождение заранее известных элементов двух карт достигает 5 м. Таким образом, можно говорить о том, что геофизическая карта является более точным топографическим планом острога (в пределах тех топографических элементов, которые содержит; например, система рвов и валов), чем традиционный топографический план. Это связано с тем, что шаг ЭМС-2 на местности равен 1 м, а топографический план построен по точкам, выбор которых диктует местность.

Эти исследования показали также возможности прибора ЭМС-2 по идентификации аномалий грунта. Прибор справляется с выявлением степени антропогенного воздействия через определение мощности КС, но не способен установить структуры грунта размерами менее чем 1 м (например, не удалось выявить канавку тына, ширина которой не превышает 35 см).

Таким образом, в результате геофизического исследования была установлена более точная топографическая структура памятника, а также обнаружены скрытые структурные элементы объекта на основе МКС (данные геофизики) и заранее известных характеристик памятника (типа «острог»). Эти данные на отдельных участках объекта позволили выявить строительные периоды и дать прогноз на участки, не подверженные археологическим раскопкам.

Литература

1. Бородовский А. П. Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. С. 258–265.
2. Бородовский А. П., Манштейн А. К. Использование средств электромагнитного сканирования при изучении археологических памятников юга Западной Сибири (исследовательская программа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Новосибирск, 1998. С. 483–488.
3. Горохов С. В. Археологические исследования Умревинского острога в 2003 г. // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к

юбилею профессора Е. И. Соловьевой): Материалы регион. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 15–16 апр. 2004 г.) / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск, 2004. С. 268–270

4. Молодин В. И., Пардингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс И., Гришин А. Е., Новикова О. И, Ефремова Н. С., Чемякина М. А., Мыльникова Л. Н., Васильев С. К, Беккер, Фассбиндер Й., Манштейн А. К., Дядьков П. Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в барабинской лесостепи. Новосибирск, 2001.

Ю. Ф. Кирюшин, К. Ю. Кирюшин, В. П. Семибратов

Исследования комплекса финального неолита-энеолита Тавдинского грота в 2005 г.¹

Тавдинский грот находится в Тавдинском карстовом массиве в 7 км выше по течению от с. Манжерок, у подножия Большой Тавдинской пещеры, располагается на высоте 18–20 м, что соответствует высоте второй надпойменной террасе Катунь. Площадь грота невелика, около 30 м², высота – от 3,50 до 2 м. Вход обращен на ЮВ. Раскоп шириной 1 м и длиной 8 м был заложен вдоль продольной оси грота с выходом на предвходовую площадку. Вскрытая мощность рыхлых отложений составила 2,65 м. В результате исследований зафиксировано три литологических горизонта, которые содержат археологический материал.

С л о й 1. Супесь светлая пылеватая лессовидная, лишенная растительности. Слой содержит битое стекло, неорнаментированные фрагменты керамических сосудов, остеологический материал и линзы золы. Распространен только во внутренней части грота. Максимальная мощность – до 15 см.

С л о й 2. Суглинок темно-серый песчанистый, гумусированный, мощность – от 80 до 110 см. По характеру расположения и количеству обломочного материала слой подразделяется на несколько подгоризонтов.

Слой 2А датируется скифским временем. Этот комплекс представлен фрагментами керамики, костями животных, рыб и птиц. Особенно интересна находка изделия, выполненного из рога крупного самца косули, на котором вырезано антропоморфное изображение.

Слой 2Б. Найдены фрагменты венчиков от 15 сосудов, 4 фрагмента днищ, около 140 экземпляров обломков стенок. Особый интерес представляют коллекции каменных артефактов, для изготовления которых использовались окатанные речные гальки и куски известняка.

С л о й 3. Супесь светло-коричневого оттенка, пройдена на глубину от 50 до 70 см. Заполнение слоя на 15–20% состоит из обломков известняков и сланцев. К слою 3 приурочены материалы, относящиеся к эпохе финального неолита – раннего энеолита. Находка фрагментов тонко-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а.

стенных сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом (рис. 1, 1–5), и толстенной неорнаментированной керамики позволяет отнести этот комплекс к позднему этапу среднекатунской позднеолитической культуры [2; 4]. Каменные артефакты, найденные в гроте, пока многочисленны (вскрытая площадь слоя – 5 м²), но достаточно выразительны. Основным сырьем для изготовления орудий служили кремень и мелкозернистые кварциты. Продукты оформления нуклеусов представлены боковым сколом и снятием ударной площадки нуклеуса, пластинчатым отщепом (рис. 1, 9).

Орудийный набор представлен круглым скреблом, выполненном на сланцевой плитке (рис. 1, 8), тремя наконечниками стрел (рис. 1, 15–17) и одним обломком наконечника (рис. 1, 18), острием (рис. 1, 19), скребком, отбойником (рис. 1, 13), резцом на мелкой пластине (рис. 1, 11) отщепами с ретушью. Интерес вызывает находка изделия из рога косули (рис. 1, 7), которое, скорее всего, использовалось как отжимник. В слое встречено изделие из рога (рис. 1, 6) неизвестного назначения.

Отходы производства представлены первичными отщепами (средние – 2 экз., мелкие – 3 экз.), обычными отщепами (мелкие – 14 экз., средние – 3 экз.) проксимальными фрагментами пластин (рис. 1, 10). Очень интересна находка металлического (медного?) шила (рис. 1, 14). Наибольший интерес вызывает находка 29 перламутровых бусин (рис. 1, 12). Диаметр бусин – от 9 до 12 мм.

Находка металлического шила в материалах третьего слоя имеет принципиальное значение для определения периодизационной принадлежности не только материалов Тавдинского грота, но и всех памятников позднего этапа среднекатунской культуры. В археологической литературе появление металлургии меди в Западной Сибири традиционно связывали с появлением на Алтае населения афанасьевской культуры в конце IV тыс. до н. э. Находка металлического (медного?) шила вместе с каменными изделиями и керамикой среднекатунской культуры заставляет вновь обратиться к проблеме нижней границы освоения металлургии меди. Не исключено, что начальные этапы освоения металлургии меди относятся к середине IV тыс. до н. э. и связаны с носителями среднекатунской культуры.

Интерес вызывает находка в материалах третьего слоя бусин, которые, как правило, не встречаются на поселенческих комплексах (исключение – Чарышский навес [1]). Обычно такие находки характерны для погребальных комплексов [5; 6].

Работы на памятнике будут продолжены в 2006 г. Представляется перспективным изучение третьего слоя. Применение методов радиоугле-

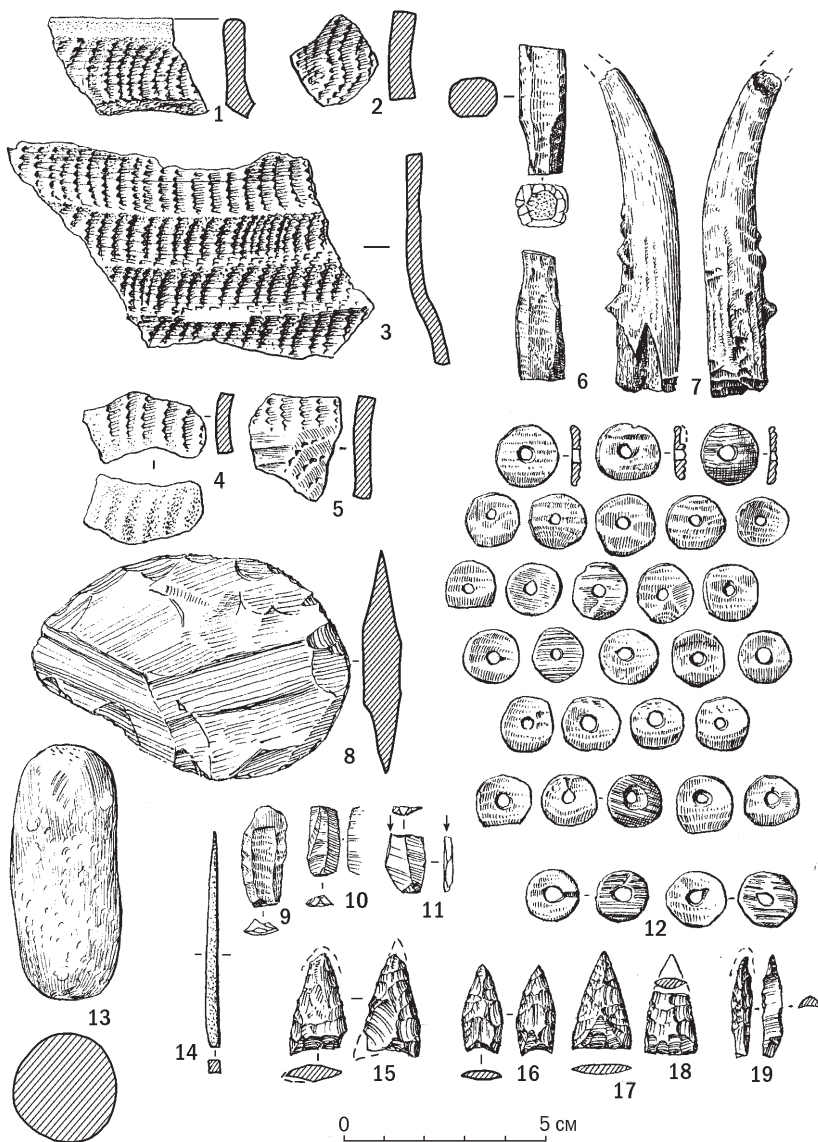

Рис. 1. Материалы третьего слоя Тавдинского грота. 1-5 – керамика; 6-7 – рог; 8-11, 13, 15-19 – камень; 12 – раковины; 14 – металл (медь?)

родного датирования позволит уточнить возраст третьего слоя памятника. По аналогии с материалами горизонтов 4 и 4А поселения Тыткескень-2 [2–4], третий слой Тавдинского грота предварительно можно датировать второй третью IV тыс. до н. э. Дальнейшее исследование памятника и применение естественнонаучных методов при камеральной обработке материалов позволит уточнить периодизационную принадлежность артефактов третьего слоя.

Литература

1. Горбунова Т. Г. Украшения памятника Чарышский навес (Усть-Канский район, Республика Алтай) // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): Материалы XLIV регион. (с международ. участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2004. С. 175–176.
2. Кирюшин К. Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.
3. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 80–84.
4. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Неолит Горного Алтая // История Республики Алтай. Т. 1. Древность и средневековье. Горно-Алтайск, 2002. С. 85–97.
5. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. 116 с.
6. Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2005. 128 с.

К. Ю. Кирюшин, А. В. Кондрашов, В. П. Семибратов

Исследование одиночного кургана древнетюркского времени на территории природного парка Бирюзовая Катунь в 2005 г.

Памятники древнетюркской культуры на левобережье Нижней Катунь изучены слабо. Это можно связать с двумя факторами: а) исследовательским — небольшим объемом проводимых полевых работ за все время изучения (с 1926 по 2005 г., работы единичны и носят характер разведочных), б) культурным — регион выступает как граница распространения ареала культуры и число средневековых объектов немногочисленно. Соответственно, проведение исследования необходимо для выяснения характера культурогенеза на периферии ареала древнетюркской культуры.

На сегодня в результате обследования территории микрорайона природного парка «Бирюзовая Катунь» в 2003–2005 гг. были выявлены следующие объекты: одиночный курган Тавдинские пещеры-1 (исследован П. И. Шульгой в 2004 г.), одиночный курган и поминальная ограда Бирю-

зоявая Катунь-1 (курган обнаружен в 2002 г. П. И. Шульгой и получил название «одиночный курган Тавдушка-1», но поскольку объект попадает в зону музеефикации природного парка «Бирюзовая Катунь», было принято решение ввести единую систему наименований памятников). Последние два объекта располагаются в 3 км от устья р. Тавдушка вверх по течению р. Катунь на второй надпойменной террасе, на небольшом мысу, на его самой высокой точке, в 20–25 м от берега реки. Курган и оградку разделяет расстояние в 40 м по линии СС3–ЮЮВ.

Одиночный курган Бирюзовая Катунь-1. До зачистки курганная насыпь визуально просматривалась слабо и была сильно задернована. После зачистки и снятия насыпи зафиксирована конструкция сооружения в виде неровного овала диаметром 4,5 и высотой 0,35 м из окатанных речных галек и рваного камня, края которого укреплены под овальной крепидой (в один ряд, диаметром 3–3,5 м, из крупных речных валунов). Длинной осью насыпь ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В стенку крепиды встроена дополнительная подчетырёхугольная пристройка-оградка из двух секций размером 0,45–0,55 м. В архитектурном плане насыпь была сооружена по принципу конструктивной вязки, когда речная галька перекрывала друг друга, как бы связывая соединения между собой. В насыпи обнаружено более 30 фрагментов разновременной керамики, часть из них средневековая.

Пятно могильной ямы в центре крепиды первоначально не читалось. Погребение выявлено только после контрольного прокопа. Заполнение представлено светло-серой супесью. Размеры и форма реконструируются по положению погребенных. Захоронение ориентировано по линии СВВ–ЮЗЗ, погребальная яма овальной формы, ее размеры 2,10–1,20 м, глубина 0,65–0,70 м.

В могильной яме обнаружено погребение человека в сопровождении коня по антитезе друг к другу (рис. 1). Костяк человека ориентирован на СВВ, лошади – на ЮЗЗ. Между скелетами человека и животного зафиксировано свободное пространство в 0,20–0,25 м (следы перегородки или органики не зафиксированы). Череп человека приподнят на 0,05 м по отношению к телу, руки вытянуты вдоль туловища, ноги расположены прямо. Скелет лошади помещен на брюхо, передние и задние ноги подогнуты под тело, голова упирается в передние конечности. Погребенный – взрослый мужчина 50–55 лет (*senilis*, по определению С. С. Тур), полностью лишившийся, в силу возраста, зубов на верхней челюсти, так что даже образовался костный валик, а все альвеолы заросли.

Погребальный инвентарь представлен: 1) предметами вооружения (рис. 2, 4–6) – четыре фрагментарно сохранившихся железных наконеч-

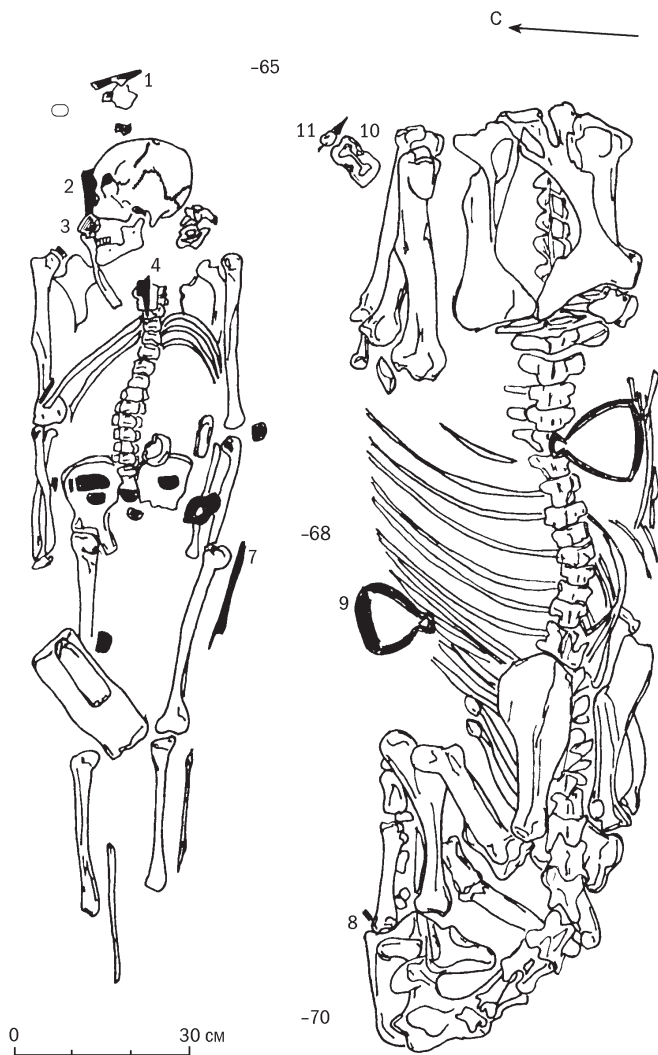

Рис. 1. План погребения: 1 – железный наконечник стрелы; 2 – железное тесло; 3 – сердцевидная железная бляха; 4 – фрагмент железного ножа; 5 – функциональная и декоративная (железная) гривнура пояса; 6 – зернотерка и курант; 7 – железный нож; 8 – железные удила; 9 – железные стремена; 10 – костяная подпружная пряжка; 11 – железный наконечник стрелы со «свистулькой»

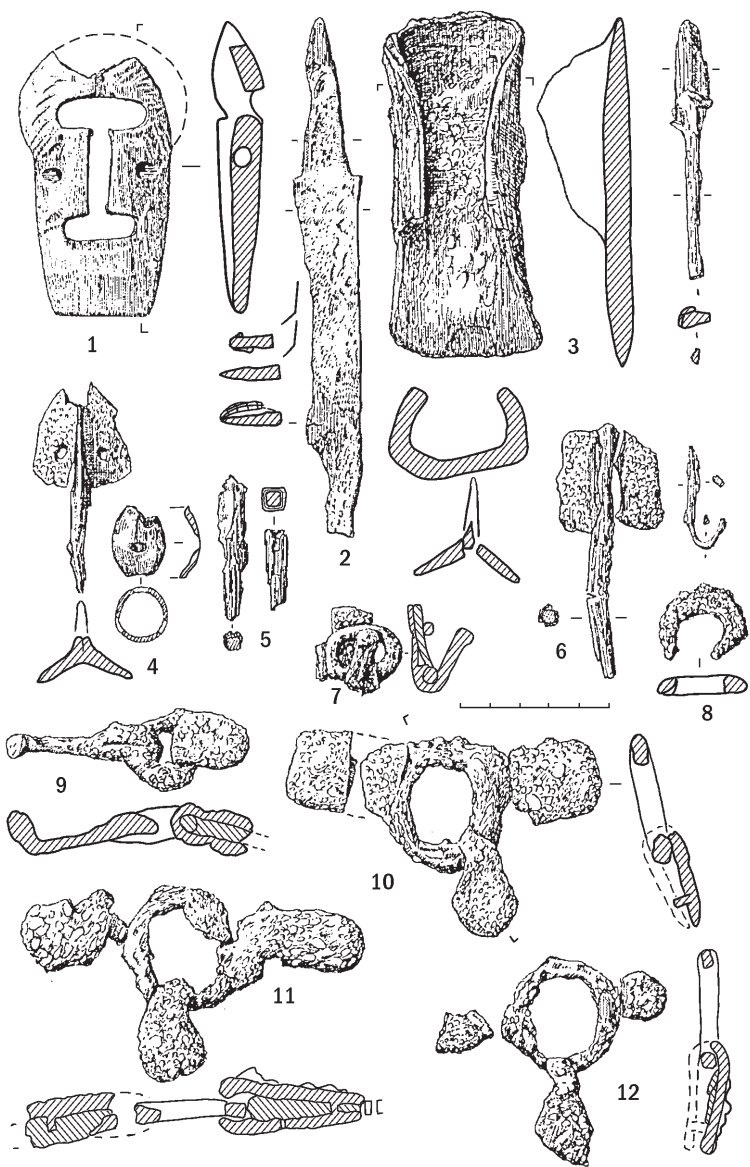

Рис. 2. 1 – костяная подпружная пряжка; 2 – железный нож; 3 – железное тесло; 4–6 – фрагменты железных наконечников стрел; 7–12 – детали стрелкового пояса

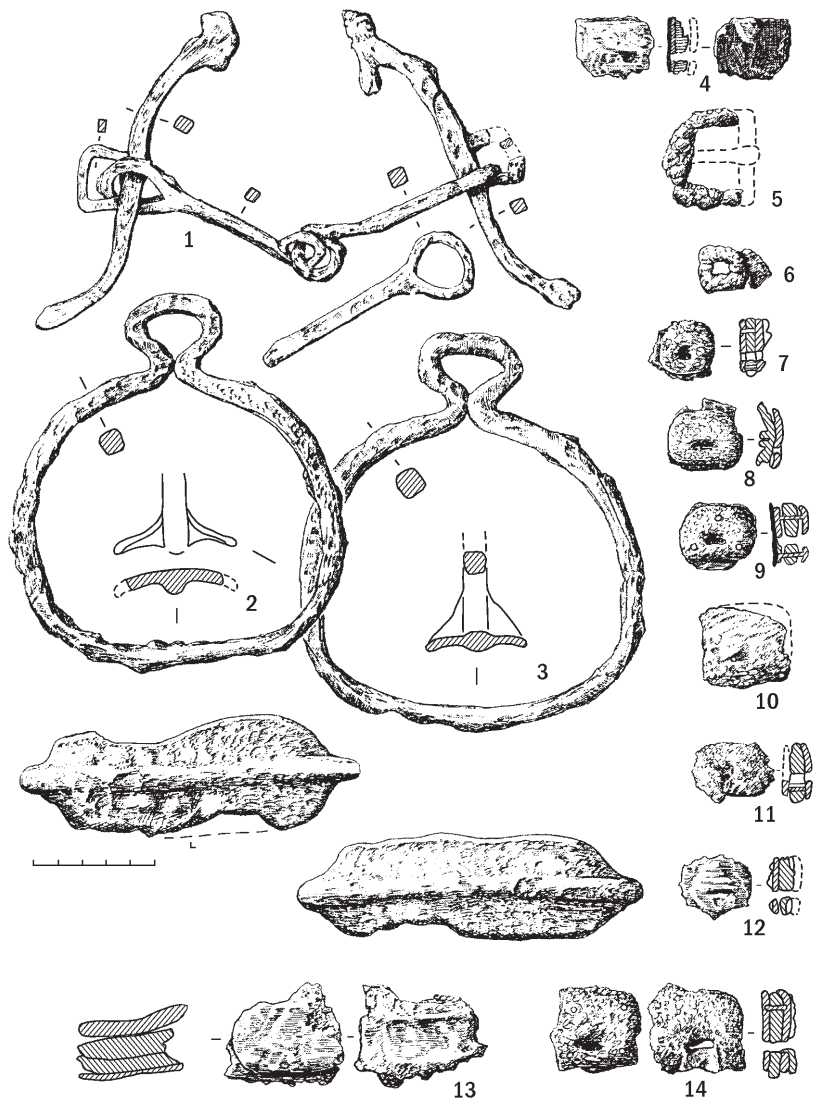

Рис. 3. 1 – железные удила; 2, 3 – железные стремена; 4–14 – детали основного пояса

ника стрелы: два трехлопастных, один из которых с костяной свистулькой, и два черешка, с фрагментами лопастей, которые локализируются в районе головы человека; 2) орудиями труда (рис. 2, 2, 3) – крупное железное тесло под нижней челюстью человека, железный нож из двух фрагментов, у правого бедра и на груди погребенного, каменная зернотерка и курант над левым коленом человека; 3) украшениями костюма в виде гарнитуры из стрелкового (рис. 2, 7–12) и основного (рис. 3, 4–14) поясов. Стрелковый – пряжка-крюк и три распределительных трехлопастных кольца. Основной – пряжка (обломок рамки), десять блях-накладок (прямоугольно-прорезные и сегментовидно-прорезные), фрагмент наколенника. Кроме того, отдельно находилась малая портупейная пряжка; 4) снаряжение верхового коня (рис. 3, 1–3) – железные удила с псалиями в челюстях лошади (внутренние звенья крюковидные, внешние – кольчатые; псалии S-видные, стержневидные, верхнее окончание в виде «сапожка», нижнее в виде шишечки), два стремени по бокам у брюшной части (стремена «восьмерковидные», с петельчатым ушком, выделяется ребро жесткости, подножка заоваленная, зауженная), подпружная пряжка у правой бедренной кости (роговая, массивная, с округлой рамкой, «однотавровая», с длинным щитком, язычок не сохранился).

Найденные предметы имеют многочисленные аналогии в памятниках древнетюркской культуры Горного Алтая, часть предметов, в частности стрелкового пояса (пряжка-крюк) имеют «кудергинский» облик, но в целом комплекс датируется катандинским этапом древнетюркской культуры Горного Алтая (2-я пол. VII – 1-я пол. VIII вв. н. э.).

У правого бедра погребенного было обнаружено скопление зерен растений, которые, судя по локализации и черному органическому пятну с фрагментами кожи, видимо, были помещены в мешочек и напрямую связаны с находкой зернотерки и куранта. Предварительное определение палеокарпологических образцов (М. М. Силантьевой) показало наличие «просовидного» комплекса семян и ряда сопутствующих сорняков, за исключением орешков осоки: *Panicum milliaceum* L. – просо обыкновенное (посевное), *Galeopsis speciosa* Mill. (пикульник красивый) и *G. ladanum* L. (пикульник мягковолосый), *Stachys palustris* L. (чистец болотный), *Sinapis arvensis* L. (горчица полевая), *Stellaria media* L. (звездчатка средняя – мокрица), *Potentilla sp. cf. supina* L. (лапчатка низкая), *Carex sp. cf. acuta* L. (осока острая). Определена основная зерновая культура – просо обыкновенное (посевное) и небольшое количество семян сорных растений. Их наличие свидетельствует о развитом неорошаемом земледелии и возделывании яровых культур на территории, где произрастало просо при сравнительно влажном климате.

Таким образом, нами выявлено погребение древнетюркской культуры (Бирюзовая Катунь-1). Мужчина (*senilis*), погребенный по обряду одиночной ингумации в сопровождении коня, занимал относительно привилегированное положение в обществе, поскольку с ним помещены все основные атрибуты, маркеры полноправного мужчины-ег-а (предметы вооружения, два поясных набора и конская амуниция), однако в силу возраста утратил свое социальное значение и сохранил лишь общую атрибутику, слабо отражающую его былую роль. Присутствие зернотерки с курантом и скопления зерна в черной органике (мешочек?) в сочетании с отсутствием зубов на верхней челюсти погребенного позволяют предположить, что старик был уже не в состоянии питаться твердой пищей и основу его рациона составляла пища растительного происхождения.

К. Ю. Кирюшин, Д. А. Пугачев, В. П. Семибратов

Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка — новый памятник неолита-энеолита Барнаульского Приобья¹

Летом 2005 г. в НПЦ «Наследие» поступила информация от В. Роженева о том, что в г. Новоалтайске в районе железнодорожной станции Развилка, на ул. Репина (рис. 1, 1) в обрыве найдены человеческие кости. По этой информации на место находок выехали специалисты НПЦ «Наследие» и АлтГУ К. Ю. Кирюшин, А. В. Кондрашов, Д. А. Пугачев и В. П. Семибратов. В результате обследования места находки было установлено, что кости происходят из двух разрушающихся погребений. В органах охраны памятников информация о наличии объекта археологического наследия отсутствовала, памятник на охране не состоял и не был включён в списки объектов историко-культурного наследия. В результате обследования составлен план памятника и подготовлена документация для его постановки на государственную охрану. Вновь выявленный объект археологического наследия получил название «Новоалтайск-Развилка». Памятник расположен на правом берегу Оби, на семи-метровой надпойменной террасе, на небольшом возвышении (1 м), большая часть которого занята приусадебным участком дома № 17 по ул. Репина, в 300–350 м к СЗ от триангуляционного знака. На территории памятника расположена опора ЛЭП. Вдоль края террасы проходит грунтовая дорога. ЮЗ часть памятника разрушена земляными работами и продолжает разрушаться водной и ветровой эрозией. Погребения обнаружены в осыпи разрушения. Памятник находится в крайне аварийном состоянии, для его сохранения необходимы срочные аварийные раскопки.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а.

Рис. 1. План схема расположения грунтового могильника Новоалтайск-Развилка. Место находки обозначено треугольником.

Летом 2005 г. на памятнике исследованы две наиболее аварийные могилы. Могила № 1 практически полностью разрушена. При снятии дерна встречен развал сосуда эпохи поздней бронзы. При зачистке на глубине 50 см прослежено заполнение могильной ямы, которое выделялось на фоне материка за счет более сильной гумусации. При зачистке раскопа на уровне могильного пятна в восточной части раскопа найден фрагмент большемысской керамики, орнаментированный отпечатками гладкой качалки. В заполнении могилы, в северной ее части, обнаружены только фрагменты черепной коробки человека.

Могила № 2 обнаружена в срезе (обнажении?). При зачистке осыпи зафиксированы берцовые кости человека. В этом месте был заложен раскоп размерами 1,2 2 м. Могильное пятно при зачистке не фиксировалось. Вся площадь раскопа была зачищена на уровне 0,45 м. На глубине 0,42 м был обнаружен скелет человека. По определению С. С. Тур костяк принадлежит юноше в возрасте до 20 лет. Он погребен на спине, в вытянутом положении, головой на север. Южная часть погребения разрушена. Кости ног до колен отсутствуют. Положение костей в погребении нарушено. Ребра правой стороны лежат не в анатомическом порядке. Кости черепа представлены только фрагментом верхней челюсти, смещенной в сторону несколько выше правого плеча, и обломком нижней челюсти обнаруженным на глубине 0,42 м в 0,6 м к СВ от скелета. Скорее всего, погребение частично разрушено расположенным рядом огородом.

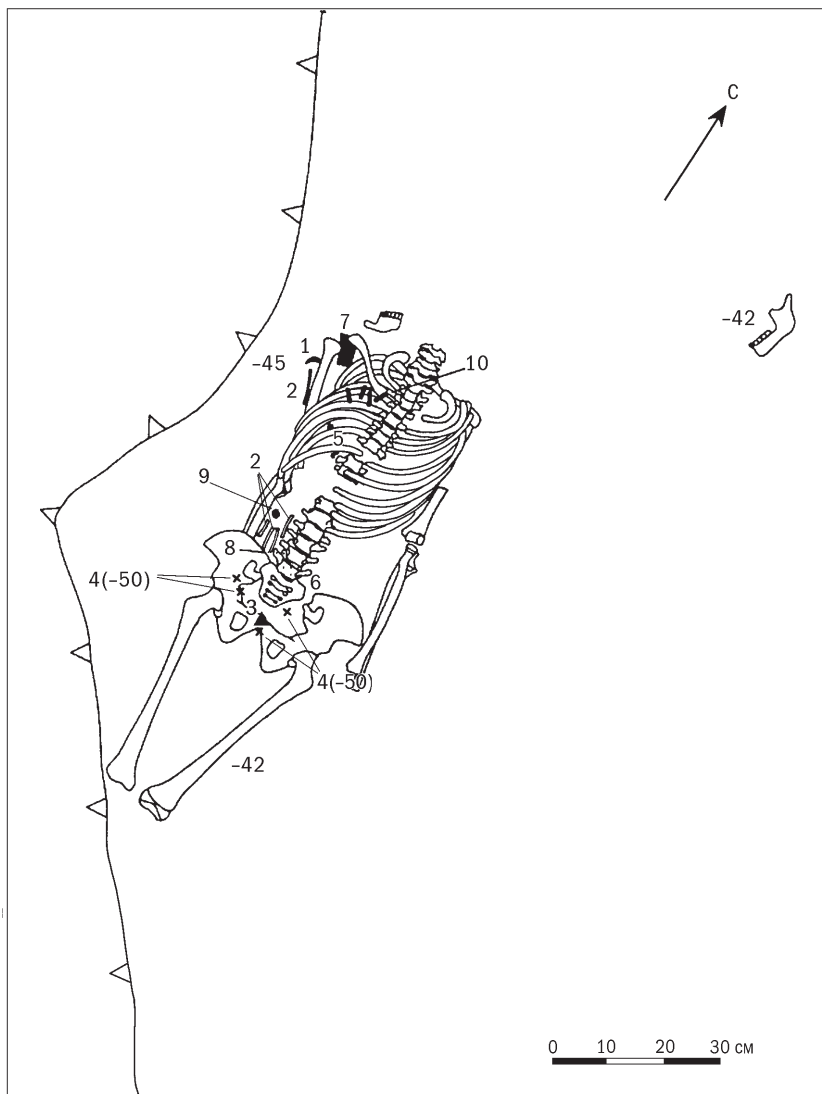

Рис. 2. План погребения № 2 могильника Новоалтайск-Развилка

При расчистке погребения на правом предплечье (рис. 2, 2) был найден миниатюрный каменный топорик (рис. 2, 3). Справа от правой плечевой кости – украшение из просверленного зуба животного (рис. 2, 4).

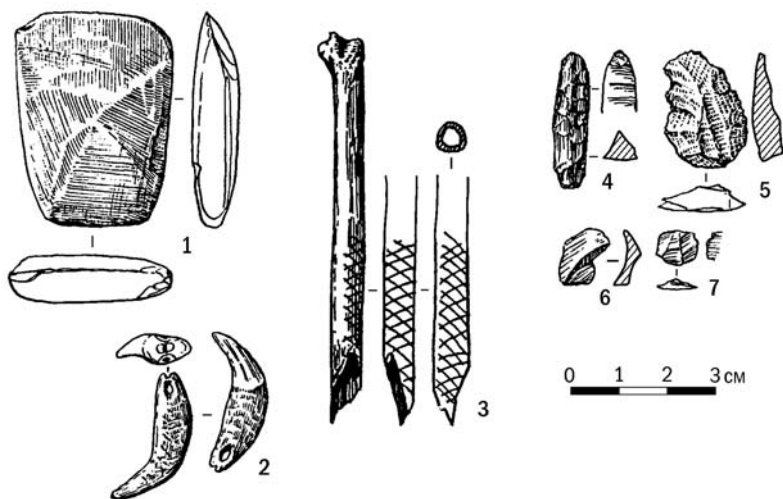

Рис. 3. Инвентарь из могилы № 2 (1, 4–7 – камень, 2 – зуб, 3 – кость)

Справа от плечевой кости и выше костей таза справа от позвоночника найдены кости птиц и позвонок животного или крупной птицы. Из кости птицы изготовлен игольник украшенный орнаментом из прорезанных линий, образующих «сеточку» (рис. 3, 3). В верхней правой части грудной клетки найдены четыре фрагмента зубов крупного грызуна (резцы бобра?) (рис. 3, 2). Чуть ниже встречены два прямоугольника, выполненные из створок крупных речных или озерных моллюсков (рис. 2, 2). Скорее всего, эти находки являются деталями украшения костюма. После снятия костей скелета под тазовыми костями на глубине 0,5 м найдены четыре каменных отщепов, реберчатый скол и кусочки охры.

Обнаруженное погребение относится к числу наиболее ранних на Алтае. Положение умершего в могиле в вытянутом положении на спине, украшения из резцов бобра, просверленных зубов животных и раковин моллюсков характерно для погребальных комплексов Фирсово-ХI, Усть-Иша, Большой Мыс [2], Солонцы-5 [5]. Ориентация погребённого головой на север находит ближайшие аналогии на ГМ Фирсово-ХI [3, с. 106]. Компактное нахождение в погребении отходов каменной индустрии (отщепов и реберчатого скола) находит аналогии в погребении № 1 могильника Солонцы-5 [5], хотя необходимо оговориться, что в Солонцах-5 коллекция отщепов более представительна. В погребальных комплексах Алтайского края пока не известно аналогов игольнику, орнаментированно-

му прорезанными линиями образующими «сеточку» (рис. 3, 3). Наиболее близкими являются изделия из неолитических погребений Ангары (Окладников, 1974), но ангарские образцы отличаются более крупными размерами. В. И. Молодин отмечает, что костяные игольники характерны для неолитических захоронений таежной зоны Евразии, продолжают бытовать в период энеолита и раннего металла и при этом имеют тенденцию к уменьшению в размерах и оформлению изделий орнаментом [7].

Настоящая работа является публикацией материалов полевых исследований и не претендует на окончательные выводы. В ближайшее время мы планируем продолжить исследование с привлечением методов естественных наук. Вполне возможно, что трассологическое обследование игольника с орнаментом позволит установить, каким орудием, металлическим или каменным, наносился узор.

Культурная принадлежность погребальных комплексов Усть-Иша и Большой Мыс, вопросы хронологии и их периодизационная принадлежность являются дискуссионными. Б. Х. Кадиков датировал эти погребения III–IV тыс. до н. э. и высказал предположение о более раннем возрасте Усть-Иши по сравнению с Большим Мысом. Мнение о более раннем возрасте Усть-Иши было поддержано практически всеми исследователями [2, 6]. Полученные в последний год радиоуглеродные даты [5], дали несколько неожиданные результаты, согласно которым погребения на Большом Мысу имеют более ранний возраст.

Результаты радиоуглеродного датирования погребений № 2, 4, 11 могильника Большой Мыс и могил № 1 и 9 Усть-Иши требуют определенного переосмысления имеющихся хронологических и периодизационных схем и ставят под сомнение традиционные сравнительно-типологические методы датирования погребальных комплексов неолита-энеолита Алтая. Вместе с тем следует отметить, что полученные датировки по Усть-Ише и Большому Мысу, скорее всего, реально отражают хронологию этих памятников.

Еще большие различия прослеживаются во взглядах на культурную принадлежность и периодизацию могильников Фирсово-ХI, Усть-Иша, Большой Мыс, Солонцы-5. Культурная принадлежность Усть-Иши и Большого Мыса рассматривалась в рамках верхнеобской [6], кузнецко-алтайской [9] неолитических культур, к которой Н. Ю. Кунгурова отнесла также могильник Солонцы-5 [4]. Нам импонирует точка зрения Ю. Ф. Кирюшина, который отнес могильник Большой Мыс к большемысской энеолитической культуре [1], восемь погребений ГМ Фирсово ХI – к эпохе энеолита [3, 10], а Усть-Ишу – к неолиту.

Отметим, что объединение в одну культуру погребений на Большом Мысу и поселенческих комплексов с большемысской керамикой поддерживается не всеми исследователями. Одним из аргументов в пользу подобного объединения, по мнению Ю. Ф. Кирюшина, являются находки большемысской керамики в межмогильном пространстве. Находка большемысской керамики, орнаментированной отпечатками гладкой качалки, рядом с разрушенным погребением № 1 может иметь важное значение для определения культурной принадлежности памятника.

В настоящее время из могилы № 2 ГМ Новоалтайск-Развилка отображены на радиоуглеродный анализ кости человека. Полученные результаты позволят нам определиться с хронологией памятника, и только после этого можно будет решать вопросы его периодизационной и культурной принадлежности. Поэтому на данном этапе исследования мы намеренно отказываемся от определения его культурной принадлежности. Отнесение памятника к определенной эпохе также требует дополнительных лабораторных исследований, но, скорее всего, погребение № 2 Новоалтайск-Развилка относится к финальному неолиту-энеолиту, и его предварительная датировка может быть определена только в широких пределах – IV тыс. до н. э.

Литература

1. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.
2. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. 116 с.
3. Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б., Нехвидавичюс Г. Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительное подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири: Сб. науч. ст. Барнаул, 1994. С. 99–110.
4. Кунгурова Н. Ю. Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры. Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 30–41.
5. Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2005. 128 с.
6. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Из истории Сибири. Вып. 9. Ч. 1. Томск, 1973.
7. Молодин В. И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири: Материалы совещания. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 36–58.
8. Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Ново-сибирск: Наука СО, 1974. 320 с.

9. Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука СО, 1978. С. 11–22.
10. Фролов Я. В. Работы в Первомайском и Павловском районах Алтайского края // Археологические открытия 1997 года. М.: Наука, 1999. С. 322–323.

Т. А. Кузнецова

Бюллетени археологической практики студентов НГПУ¹

Археологическая практика для студентов исторического факультета обязательный компонент обучения. В настоящий момент «работа в поле» обеспечивается определенным комплексом методических изданий. Тем не менее при проведении практики для первого курса учебный процесс иногда подменяется только производственными целями (использование студентов как рабочей силы). Такой подход противоречит целям археологической практики. Бессистемность в изучении археологии при отсутствии четких задач приводит к тому, что студенты по окончании работы на памятнике смутно представляют себе, что же они «копали» и чем занимались [4, с. 4].

Если рассматривать методические издания полевых исследований за последние 30 лет, видно, что методическое обеспечение археологической практики до конца 1980-х гг. было посвящено конкретным темам, например ведению полевой документации, обработке и описанию археологической коллекции (Посредников, 1978; Бородовский А. П., Глушков И. Г., Матющенко В. И., 1984; Уманский, 1987). В этом списке выделяется работа Т. Н. Троицкой, которая освещает вопросы полевой археологической практики в целом [13].

Начиная с 1990-х гг. выпускается методическое обеспечение, посвященное археологической практике. С 1995 по 2000 гг. в методических публикациях был перерыв, связанный с кризисом проведения полевой практики. С начала 2000 г. выходит новая серия методических изданий, в которых выделяются две основные цели учебной полевой практики:

- 1) научно-образовательная, направленная на получение студентами методологических навыков работы с конкретными археологическими объектами (умение различать памятники, определять их типы, вести полевую документацию; овладение методикой работы с разными типами археологических памятников);

- 2) учебно-воспитательная (навыки установки, обустройства лагеря, обеспечение его функционирования; выработка умений, необходимых

---

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, доцент кафедры ИМК НГПУ А. П. Бородовский.

для жизни в полевых условиях; приобретение знаний по организации взаимоотношений внутри относительно изолированного коллектива) [1, с. 5–6].

Для студентов ИФ НГПУ была разработана серия периодических изданий – «Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета», редактор-составитель – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН А. П. Бородавский. Выпуск этих методических пособий начался в 2002 г., к настоящему времени вышло 5 выпусков. Практически в каждом номере помещена пояснительная записка, в которой характеризуются цели всего издания и каждого конкретного выпуска, соответствующие указанным выше целям.

В первом бюллетене (2002) опубликована общая информация о районах проведения археологической практики студентов исторического факультета НГПУ. Сюда включен также необходимый комплекс документов и законодательных актов для обоснования легитимности проведения археологической практики: Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах, статьи федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», статьи кодекса РФ «Об административных правонарушениях», статьи Гражданского кодекса РФ, Лесной билет и договор с директором лесного хозяйства о проведении археологических исследований [4, с. 2].

Второй выпуск Бюллетеня под редакцией Т. В. Мжельской, И. А. Дуракова (2003) продолжил серию отчетно-информационных публикаций по итогам учебной археологической практики студентов НГПУ. Здесь подведены, в основном в форме воспоминаний студентов, итоги работы полевой практики отрядов под руководством А. В. Новикова, И. А. Дуракова, Т. В. Мжельской за 2002 г., приведен также библиографический список студенческих работ, опубликованных в тезисах конференции за период с 1998 по 2002 г. В выпуске помещена программа археологической практики с объяснительной запиской, где обозначены главные цели проведения практики – обучающие, познавательные и педагогические [2, с. 2, 15–16].

Третий выпуск (2003) представлен специальной информацией, необходимой для прохождения археологической практике студентами – первокурсниками. Описываются особенности подготовки и проведения археологической практики, техника безопасности в экспедиционных условиях, оказание первой медицинской помощи, ведение полевой документации, полевого дневника, правила написания докладов, условные обозначения, антропологический, остеологический определители, опреде-

литель возраста (по стертости зубов) и пола (по костям), т. е. затрагиваются и бытовая, и рабочая сферы практики [6, с. 2].

В четвертом выпуске Бюллетеня (2004) размещена учебная программа подготовки к полевой археологической практике с пояснительной запиской и учебно-тематическим планом теоретических занятий. Опубликованы основы методики реставрации предметов из различных материалов, приведены нумизматический определитель для русских монет XVIII–XIX вв., инструкции по организации и снабжению студенческого археологического лагеря, образцы оформления полевого студенческого дневника и составление полевой документации в электронном виде [7, с. 2, 4–6].

В пятом выпуске приведены программы практики, документация, необходимая для проведения практики, музейная документация, информация по работе с некоторыми археологическими памятниками (каменные надгробья), правила сохранения археологических находок, советы по оборудованию экспедиционного транспорта, список необходимых продуктов [8, с. 2].

Таким образом, значение серии «Бюллетеней полевой археологической практики» заключается в основном в том, что они являются периодическим изданием, информация в котором постоянно пополняется и обновляется. В этих методических пособиях обобщается конкретный опыт Центрально-Алтайского археологического отряда ИАЭТ СО РАН, на базе которого студенты НГПУ проходят археологическую практику, публикуются программы практики, нормативные документы и документация, необходимая для ее проведения. Кроме того, представляются итоги всей археологической практики вуза по окончании каждого полевого сезона, приводятся библиографические списки студенческих работ, опубликованные в тезисах конференций (РАЭСК). «Бюллетени» формируют современный подход к археологической практике как учебной и исследовательской деятельности. Роль практикантов в археологических исследованиях значительна, но эффективность работы студента на раскопе зависит от его подготовленности, поэтому большинство разделов бюллетеней посвящены именно этой цели.

Литература

1. Археологическая практика: программа и учебно-методические указания / Сост. Алексеев А. Н. Якутск, 2004.
2. Бородовский А. П. Студент-художник в археологической экспедиции (возможности и варианты сотрудничества) // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995.
3. Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологическая практика студентов ИФ // Историческое образование в школе и вузе в условиях его диверсификации (региональный компонент). Новосибирск, 2000.

4. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Вып. 1 / Сост. Бородовский А. П. Новосибирск, 2002.
5. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Вып. 2 / Сост. Мжельская Т. В., Дураков И. А. Новосибирск, 2003.
6. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Вып. 3 / Сост.: Бородовский А. П. Новосибирск, 2003.
7. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Вып. 4 / Сост. Бородовский А. П. Новосибирск, 2004.
8. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Вып. 5 / Сост. Бородовский А. П. Новосибирск, 2005.
9. Крупянко А. А., Старостин Б. К. Методика полевых исследований (полевая археологическая практика с применением физических методов). Владивосток, 2003.
10. Методические рекомендации и программы обработки и описания археологической коллекции для студентов ИФ / Сост. Бородовский А. П., Глушков И. Г., Матющенко В. И. Омск, 1984.
11. Методические рекомендации. Ведение полевой археологической документации. Составитель: В. А. Посредников. Барнаул, 1978.
12. Методы полевого археологического исследования (методические указания к проведению полевой археологической практики). Якутск, 1994.
13. Троицкая Т. Н. Полевая археологическая практика и научный кружок в подготовке будущего учителя к краеведческой работе. Новосибирск, 1980.
14. Уманский А. П. Археология СССР: программное и внепрограммное обучение (методические рекомендации по повышению эффективности обучения и воспитания студентов). Барнаул, 1987.

А. И. Кукушкин

Археологическая разведка в Целинном районе

Летом 2005 г. в рамках работы Чумышской археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического университета автором проведено археологическое обследование рек Каменка и Татарка. Целью разведки было выявление ранее неизвестных памятников археологии. В ходе работы выявлены два археологических объекта.

Каменка – поселение находится в приустьевой зоне р. Каменка в 500 м к северу от с. Победа. Поселением занята часть 12-метрового мыса, образованного поймой Чумыша и правым берегом Каменки. В шурфе встречены фрагменты керамики, орнаментированные жемчужником и наколами (рис. 1, 1, 2), и кости животных. Зафиксирована следующая стратиграфия: дерн – 5–7 см, темная гумусированная почва, содержащая находки – 15–20 см, материковая глина. Следов каких-либо конструкций не зафиксировано. Судя по составу теста и орнаменту посуды, памятник можно предварительно датировать ранним железным веком.

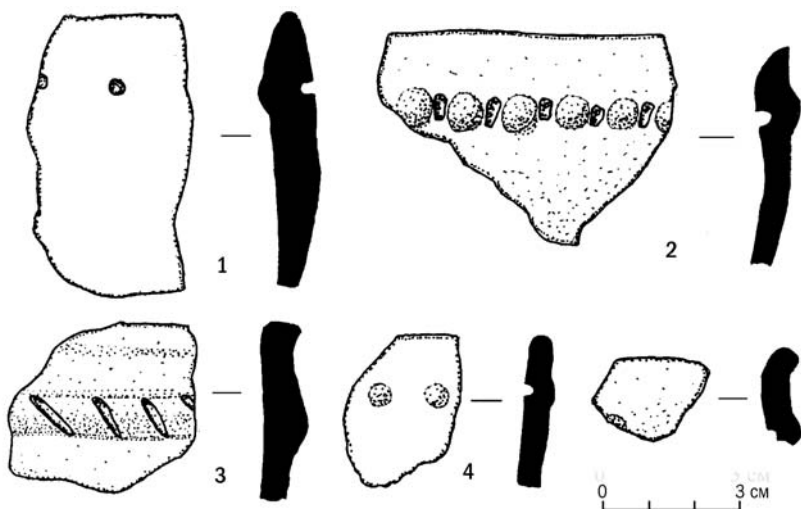

Рис. 1.

Татарка – поселение. Памятник расположен в 700 м выше устья Татarki, на левом берегу пруда. Поселение располагается на высоте 1,5 м от уреза воды; по всей видимости, это связано с подъемом уровня воды в результате строительства плотины. В шурфе встречены фрагменты керамики, орнаментированные жемчужником и наlepным валиком (рис. 1, 3–5) и кости животных. Зафиксирована следующая стратиграфия: дерн – 5–7 см, темная гумусированная почва, содержащая находки, – 25–30 см, материковая глина. В южной части шурфа встречен золотистый слой мощностью 10–15 см. Орнамент посуды дает возможность предварительно датировать поселение эпохой раннего железа.

Результаты работ 2005 г. дают возможность сделать предположение относительно характера вновь выявленных объектов. По всей видимости, поселение Каменка является так называемым «летником», подтверждением чему служит его высокое расположение и слабая насыщенность культурного слоя. Появление подобных памятников, вероятно, связано с использованием отгонной системы скотоводства [1]. Специфика топографии поселения Татарка, напротив указывает на его долговременный характер, что подтверждается значительной насыщенностью культурного слоя.

Литература

1. Кукушкин А. И., Белоусов Р. В. Новые памятники эпохи раннего железного века на р. Чумыш // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). Барнаул, 2005. С. 79–92.

А. Л. Кунгуров

Новый тип палеолитических местонахождений Рудного Алтая

В 2005 г. Алтайским госуниверситетом продолжены обследования территории Третьяковского района Алтайского края, в ходе которых было выявлено свыше 20 новых археологических памятников различных эпох, представленных стоянками, местонахождениями, поселениями, курганными группами. Наиболее интересные результаты принесла разведка верхнего течения р. Каменка, истоки которой находятся на отрогах горы Ревнюха (1 110 м над уровнем моря). Скальное обрамление долины верхней трети реки составляют породы среднего отдела девонской системы (эльфийский ярус). Наиболее полно представлены порфириды, туфы, песчаники, сланцы. Присутствуют выходы ревневской зеленой полосчатой яшмы. Вулканические кристаллические образования имеют кислый состав. В среднем течении река пересекает образования среднего отдела девонской системы (живетский ярус), представленные фальзитами, кварцевыми порфирами, туфами, порфиритами, сланцем, песчаником, аргиллитами, алевролитами и конгломератными образованиями отдельностей этих пород. В нижнем течении Каменки цоколь составляют ордовиковые интрузивные образования (гранодиориты, кварцевые диориты, диориты, граниты и плагиограниты). Вдоль долины, ограничивая ее с юго-запада, юга и северо-востока, фиксируются четкие тектонические нарушения, в нижней части (от с. Первокаменка) совпадающие с юго-западной бровкой долины.

В тектоническом районировании долина р. Каменки относится к Змеиногорской подзоне Рудно-Алтайской структурно-формационной зоны северо-восточной части Зайсанской складчатой системы Обь-Зайсанской (Варисцкой) складчатой области. Стадия развития – средняя граувакковая и ранняя кварцево-керофитовая, структурный этаж геосинклинального комплекса – верхний. В нижнем течении Каменка пересекает Алейский антиклиналий.

Четвертичные отложения имеют покровный характер. В верхней трети преобладают дефлюкционные отложения различных отделов четвертичного периода. Имеются выходы на поверхность древних кор выветривания. Кровлю покровных отложений представляют лессовидные золотые и субаэральные супеси и суглинки. В нижней части долины река пересекает четвертичные делювиальные щелнистые суглинки и покровные лессовидные толщи. По всей протяженности долины документируются доступные для добывания выходы пригодного для древней утилизации сырья (яшмы различных оттенков, кварциты, роговики, окремненные песчаники и т. п.).

Проведенные в 2003–2005 гг. работы позволили зафиксировать в долине Каменки следующие памятники [1–5].

Палеолитические стоянки

1. Гора Сыроватая 1	5. Усть-Березовый 1	9. Верх-Каменка 3
2. Гора Сыроватая 2	6. Дьяков Лог 1	10. Верх-Каменка 4
3. Гора Сыроватая 3	7. Верх-Каменка 1	11. Гончаров брод
4. Березовая Гора 2	8. Верх-Каменка 2	

Курганные могильники

12. Тараскина Гора 1	16. Тараскина Гора 5	20. Тараскина Гора 9
13. Тараскина Гора 2	17. Тараскина Гора 6	21. Тараскина Гора 10
14. Тараскина Гора 3	18. Тараскина Гора 7	22. Усть-Каменка 1
15. Тараскина Гора 4	19. Тараскина Гора 8	23. Усть-Каменка 2

Поселения эпохи бронзы и железного века

24. Гора Сыроватая 4	27. Гончарова грива 1	30. Охромов лог 3
25. Гора Сыроватая 5	28. Охромов лог 1	31. Охромов лог 4
26. Ефимов ручей 1	29. Охромов лог 2	32. Охромов лог 5

Значительный интерес вызывают Верх-Каменки 1–4, которые представляют собой новый, ранее на Алтае не известный тип местонахождений. Как уже отмечалось при описании геолого-геоморфологической структуры долины Каменки, ее верхняя треть представляет собой, по существу, ущелье с достаточно крутыми склонами. Эти склоны образованы отрогами горы Гольцовка (СЗ) и Сыроватая (ЮВ). Никаких выложенных участков, уступов, а тем более террас борта долины не содержат. Выше устья руч. Пихтового река настолько мала, что теряется среди влаголюбивой травянистой и кустарниково-древесной растительности, занимающей днище долины. На обследованном отрезке ширина дна долины не превышает 10–15 м и расположена только на 0,5–1,5 м выше уреза воды. Склоны долины сложены крутыми делювиально-колювиальными осыпями и смывами, достаточно часто встречаются цокольные обнажения. Днище же достаточно пологое, изрезано старицами реки и сложено мелкой фракцией продуктов разрушения скальных пород и суглинисто-песчаными аллювиальными наносами. Слабопетляющее русло реки активно размывает невысокие борта днища долины, обнажая слабоотсортированный грубоокатанный валунно-галечниковый пласт, подстилающий рыхлую полутораметровую толщу. Его мощность по нашим наблюдениям, не превышает 1 м. Ниже залегают тяжелые серо-голубые иловатые глинистые породы и цоколь. На многочисленных небольших отмелях речки, образовавшихся на ее изгибах, а также про-

сто в осыпях берега найдено большое количество каменных изделий с яркими признаками леваллуазской техники расщепления камня. Подчас каменные артефакты составляли значительный объем галечных отелей. Нами идентифицировано четыре пункта, хотя, по-видимому, практически весь отрезок долины Каменки в ее верхнем течении представляет собой одно сплошное местонахождение, заполненное тысячами изделий. Обращают на себя внимание следующие особенности этого интереснейшего места Рудного Алтая:

1) отсутствие пригодных для долговременных поселений и стоянок участков горного обрамления долины реки;

2) невозможность естественной доставки каменных артефактов из других мест из-за слабой транспортирующей силы Каменки и отсутствия самих этих мест;

3) отсутствие на отмелях реки находок после выхода ее из горной долины в урочище Гольцовский мост;

4) обилие артефактов, в том числе выразительных орудийных и нуклеидных форм при незначительном количестве отходов производства (рис. 1).

Перечисленные моменты позволяют предположить, что значительно перемещения каменных изделий в пространстве как по горизонтали, так и по вертикали не было. Они находятся по преимуществу там, где их оставили древние мастера камнеобработки и охотники. Заглаженность поверхности части изделий связана с ее шлифованием песком и мелким гравием (корразирование), который река несет в изобилии, особенно в период весеннее-осеннего усиления водообильности. Отмечается «односторонняя» окатанность крупных предметов и достаточно хорошая сохранность мелких, что подтверждает наше предположение. Наиболее вероятная интерпретация указанных местонахождений — остатки временных охотничьих стоянок мужской рабочей группы, на которых осуществлялись подготовка амуниции и орудий к охоте, разделка добычи и подготовка ее к транспортировке на место долговременного базового лагеря. Охотники останавливались прямо на берегу Каменки, здесь же в колювии, аллювии или цокольных обнажениях добывали сырье (преимущественно цветные яшмы, кремль и порфиры) и производили его обработку. После завершения процесса основная часть изделий оставалась на месте и постепенно внедрялась в аллювий долины. Именно этим объясняется характер комплекса, имеющегося яркий «охотничье-разделочный» облик. Скопление на протяжении тысячелетий брошенных орудий привело не только к образованию своеобразно культурного слоя, но и к попаданию изделий в р. Алей. Вне всякого

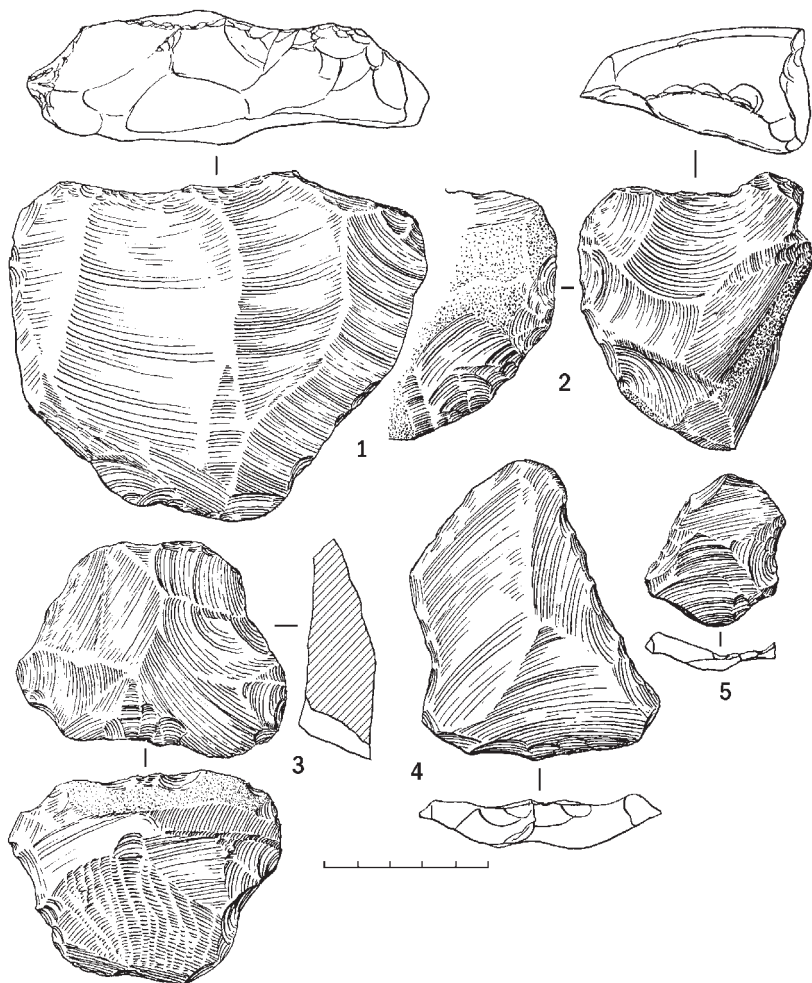

Рис. 1. Каменные изделия леваллуазского облика с местонахождений на р. Каменке. 1, 2 – леваллуазские нуклеусы с Верх-Каменки 1; 3 – радиальный нуклеус с Верх-Каменки 2; 4, 5 – треугольные сколы с Верх-Каменки 4

сомнения, подобные комплексы должны быть обычны для Рудного Алтая, их открытие замедляется из-за того, что отмели малых рек в их верхнем течении, как правило, никто не осматривает. Открытие других местонахождений, подобных Верх-Каменским, поставит вопрос о методике их исследования и более глубокой интерпретации в рамках изуче-

ния производительных сил ранних присваивающих обществ. Возможная предварительная датировка местонахождений на р. Каменка — эпоха позднего мустье — ранний верхний палеолит.

Литература

1. Кунгуров А. Л. Археологические памятники около с. Гольцовка (Змеиногорский район) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 12. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 129–132.
2. Кунгуров А. Л. Палеолитические мастерские-каменоломни в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том УП. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. С. 142–145.
3. Кунгуров А. Л. Каменный век Рудного Алтая. Часть 1. Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. 176 с.
4. Кунгуров А. Л., Гончаров А. В. К археологической карте Рудного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып.13. Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. С. 81–86.
5. Гончаров А. В., Кунгуров А. Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том IX. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. С. 327–330.
6. Кунгуров А. Л., Грушин С. П. К археологической карте Третьяковского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 114–119.

О. В. Малышкина

Полевые археологические дневники студентов НГПУ¹

Археологическая практика — это учебный процесс, который должен заключаться не только в работе на раскопе, но и в ее осмыслении. Для этого студентами исторического факультета НГПУ используется дневник полевой археологической практики.

В Положении о порядке проведения практики студентов из приказа Минобразования России дневник упоминается как один из вариантов отчетности [1]. Отчет о прохождении практики в любой форме, в том числе в виде полевого дневника, обязателен. Студент, ведущий полевой дневник, имеет четкое представление о том, чем он занимается, и может точно сформулировать принципы ведения археологических работ, в которых принимает участие, поскольку одним из правил ведения дневника является абсолютная точность и объективность записей.

История ведения полевых дневников студентами НГПУ начинается в 1960-х гг. Их вели старшекурсники Т. Н. Троицкой, когда занимались самостоятельным изучением археологических объектов. Дневники служи-

---

¹ Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент А. П. Бородовский.

ли отчетной документацией о проведенных работах. С содержанием этих дневников можно ознакомиться в бюллетенях полевой археологической практики студентов исторического факультета НГПУ за 2004 и 2005 гг., в которых опубликованы дневники А. Зиновьева и В. Дремова за лето 1961 г. [5, с. 27–32] и дневник В. Есина за лето 1966 г. [4, с. 31–40]. На примере дневников студентов Т. Н. Троицкой видно, что эти дневники со временем приобретают историческую ценность, так как становятся полноценными источниками по изучению археологических памятников Приобья.

Позднее в НГПУ сложилась устойчивая традиция ведения полевых дневников студентами на археологической практике. С 2000 г. А. П. Бородовский стал использовать полевой дневник в качестве отчетного документа по прохождению практики первокурсниками в его отряде. В свои дневники студенты записывают информацию об археологическом памятнике, на котором проходят практику, описывают находки и виды работ, в которых принимали участие, помещают археологические рисунки и планы, фотографии. В частности, в 2005 г. первокурсники снимали план своего лагеря, учились рисовать каменную насыпь кургана. Все эти рисунки выполнялись в дневнике. Кроме того, в дневниках записываются их личные впечатления о событиях, происходящих на практике.

Существуют определенные правила ведения полевых археологических дневников [2, с. 280–284]. В адаптированном виде правила опубликованы в одном из бюллетеней полевой археологической практики [3, с. 17–18]. Для дневника используется общая тетрадь. Текст пишется с одной стороны листа, так как другая сторона в дальнейшем может заполняться зарисовками, чертежами и заметками. Дневник должен быть подписан. Записи ведутся систематически, указываются даты. Не приветствуется наличие в тексте сокращений и значков. Переписывание дневника на чистовик не допускается. Записи содержат информацию о ходе работ, сооружениях, находках, описываются вскрываемые слои. В чертежах и схемах используется система условных обозначений. На планах всегда указывается их направление относительно севера и наиболее точный масштаб.

После прохождения студентами практики дневники сдаются руководителю. Впоследствии они обрабатываются, и создается один «Дневник практиканта» для каждого полевого сезона, который публикуется в газете исторического факультета НГПУ «ИСТИна». Он представляет собой выборку наиболее интересных фраз из дневников первокурсников [6, с. 6–7; 7, с. 6–8; 9, с. 6–7].

Персональный полевой дневник является одним из условий получения зачета по окончании археологической практики. Благодаря ведению дневника у студентов складывается полноценное представление о том, что такое археология. Кроме того, ведение такого дневника — это начальное обучение ведению археологической документации. Студенты, выбирающие в дальнейшем своей специализацией археологию, в следующем сезоне могут уже вести серьезную полевую документацию.

Археологический дневник позволяет проанализировать не только то, насколько хорошо студенты освоили деятельность, которой обучались, но и различные социально-психологические аспекты. Например, в 2003 г. было проведено исследование на основании анализа дневников и опроса студентов, которое показало степень адаптации первокурсников к условиям прохождения ими практики в различных местах ее проведения (Горный Алтай, Новосибирская область). Результаты опубликованы в факультетской газете [8, с. 6–7] и бюллетене археологической практики [4, с. 12–18].

Таким образом, дневник полевой археологической практики отражает образовательную сторону процесса ее прохождения, так как для преподавателя он является средством организации ежедневной работы студентов над анализом своей деятельности и своих впечатлений. Студенту, в свою очередь, дневник позволяет приобрести начальный опыт ведения документации в полевых условиях, потому что является основным способом фиксации информации при проведении полевых исследований. Благодаря такой работе студент может наиболее объективно и правильно осмыслить действительность археологической практики.

Литература и источники

1. Приложение к приказу Минобразования России от 25.03.03 № 1154.
2. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М., 1980.
3. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета, Новосибирск, НГПУ, 2003. Вып. 3.
4. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Новосибирск, НГПУ, 2004. Вып. 4.
5. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Новосибирск, НГПУ, 2005. Вып. 5.
6. ИСТИна, НГПУ, 2002, № 1.
7. ИСТИна, НГПУ, 2003, № 6.
8. ИСТИна, НГПУ, 2003, № 9.
9. ИСТИна, НГПУ, 2003, № 10.

А. Т. Сингаевский

Поселение скифского времени Береговая улица¹

В настоящее время на территории г. Барнаула известно свыше 70 археологических памятников. На первом этапе намеченной работы по их инвентаризации и оценке современного состояния нами были рассмотрены полностью утраченные в результате антропогенных или природных воздействий объекты. Одним из таких памятников является поселение по ул. Береговой, расположенное в нагорной части Центрального района г. Барнаула, между пер. Сычева и Присягина. Край приобского плато в этом месте постоянно осыпается, от самой улицы Береговой в настоящее время сохранился лишь небольшой участок. Поселение обнаружено в 1975 г. В. Б. Бородаевым и А. Л. Кунгуровым, собравшим на речной отмели около 150 фрагментов керамики, бронзовые шлаки и часть верхнего камня зернотерки [2, с. 19]. Материал со сборов был передан в АлтГУ (колл. 181). За исключением нескольких фрагментов эпохи поздней бронзы (рис. 1, 8, 11), керамический комплекс относится к скифскому времени. В основном представлены сосуды баночных форм, кувшины отсутствуют. Орнаментация типична для поселений каменной культуры. По наличию крупной печатной гребенки (рис 1, 3, 4) и резных линий (38%), образующих елочку, вертикальный зигзаг, один или несколько рядов наклонных линий, его можно соотнести с поздними памятниками, такими как МГК 1/1, Бочанцево I, датируемыми III–I вв. до н. э. [3; 4]. На ранних поселениях, как правило, представлена мелкозубчатая гребенка, выступающая разделителем, а резной штамп в три и более ряда встречается редко. Встречаются также жемчужник, чистый либо с разделителем, наколы и ямочный орнамент. Обломок биконического пряслица, обнаруженного на поселении, можно соотнести с основным комплексом. По всей поверхности он украшен отпечатками полулунного штампа и наколов различной формы.

Кроме Береговой улицы, в районе Барнаула зафиксировано около 20 поселений второй половины I тыс. до н. э. С одних имеются довольно представительные сборы («Цветы Алтая»), другие исследованы в результате охранно-спасательных мероприятий (МГК 1/1, Турина гора 1). Дальнейшее изучение этих объектов внесет серьезный вклад в решение вопросов охраны памятников, а также культурных взаимодействий населения Барнаульского Приобья в скифское время.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта главы администрации г. Барнаула, 2006 г.

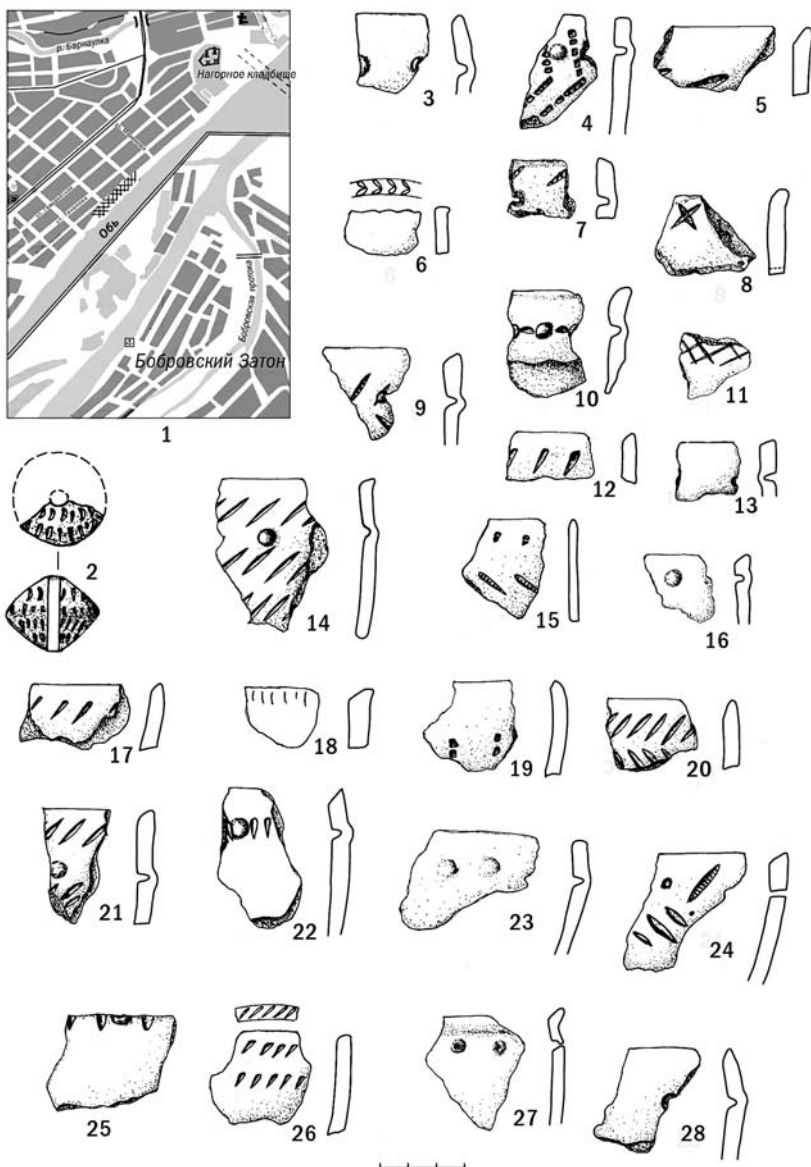

Рис. 1. Поселение на ул. Береговой: 1 – схема расположения памятника; 2 – пряслице; 3–28 – керамика

Литература

1. Бородаев В. Б. Археологические памятники в районе г. Барнаула // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул: Изд-во ГО СССР, 1977. С. 3–9.
2. Кирюшин Ю. Ф., Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7–31.
3. Сингаевский А. Т. Керамический комплекс поселения Малый Гоньбинский кордон 1.1 // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2004. С. 236–240.
4. Иванов Г. Е. Поселение Бочанцево-I — памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. Вып. II.

В. И. Соёнов

Археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2005 г.¹

В полевой сезон 2005 г. сотрудники кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета проводили разведочные и раскопочные работы на территории Республики Алтай.

Полевая практика студентов исторического факультета проведена А. В. Эбелем и Э. П. Дворниковым на Майминском археологическом комплексе. В ходе практики на песчано-гравийном карьере докопаны остатки конского костяка. По бронзовым стремечковидным удилам он датирован раннескифской эпохой.

Совместная алтайско-бельгийская экспедиция под руководством А. В. Эбеля (г. Горно-Алтайск) и Ж. Буржуа (г. Гент) осуществляла сплошное обследование участка долины от Тархатинского озера до с. Джазатюр в Кош-Агачском районе. Работы проводились с целью выявления курганов с мерзлотой по программе ЮНЕСКО «Мерзлотные могилы Алтая». В ходе работ на указанном участке картографированы все известные и вновь выявленные археологические памятники.

Археологическая экспедиция под руководством автора осуществляла работы в районах Республики Алтай по проекту РГНФ «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху». В ходе разведочных работ нами обследован ряд могильников гунно-сарматской эпохи. Пять из них расположены в Онгудайском районе. Два могильника находятся в долине р. Большой Ильгумень: могильник Чике-Таман III расположен за одноименным перевалом у подошвы горы, в 6 км к западу-северо-западу от с. Купчегень, на левобережье р. Большой Ильгумень, на 665 км автодоро-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04-01-61007а/т).

ги Новосибирск—Ташанта [15, с. 58]; могильник Усть-Купчегень I обнаружен на юго-западной окраине с. Купчегень в 1,5 км к юго-западу от центра, на краю заброшенного поля у склона горы, на левобережье р. Купчегень, правого притока Большого Ильгуменя. Детально обследован могильник Бичикту-Кая II, обнаруженный автором в 2001 г. на высокой террасе недалеко от места слияния Чуи и Катуня. С целью изучения топографического расположения памятников, планиграфии и форм надмогильных сооружений обследованы еще два могильника, относящиеся к гунно-сарматской эпохе: могильник Уркош I, обнаруженный А. С. Суразаковым в 1980-х гг. (название — по С. С. Матренину) и могильник Яломан XIV, обнаруженный С. С. Матрениным в 2003 г.

В Чемальском районе в ходе разведочных работ нами обследованы могильники Айрыдаш I [3, с. 197–200] и Куру-Сай, а также исследованы петроглифы гунно-сарматского времени на камнях древнего камнепада в долине Айрыдаш на правом берегу Катуня около с. Куяс. Петроглифы представлены зооморфными изображениями, выполненными в технике выбивки.

В полевой сезон 2005 г. нами производилась также проверка сведений о возможном наличии могильников гунно-сарматской эпохи в долине р. Чуя у устья р. Сары-Тума (Улаганский район), около с. Усть-Кан (Усть-Канский район), в окрестностях с. Апшуяхта (Шебалинский район), около с. Сугаш (Усть-Коксинский район).

В августе 2005 г. экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством автора и дендрохронологическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством И. Ю. Слюсаренко проведены совместные аварийные раскопки с целью получения образцов древесины для создания дендрохронологической шкалы гунно-сарматской эпохи на могильнике Курайка, расположенном на правом берегу пересыхающего русла р. Курайка, в 2 км к СВ от с. Курай Кош-Агачского района. На могильнике вскрыты два каменных кургана, в которых содержались погребения женщины и ребенка и докопаны остатки разрушенного погребения. Первые раскопки на Курайке произведены нами в 1994 г. [2]. Позже, в 2001 и 2003 гг., И. Ю. Слюсаренко и Е. С. Богдановым осуществлены вторичные раскопки практически всех ранее исследованных объектов, содержавших деревянные конструкции.

Исследования, проведенные археологами Горно-Алтайского государственного университета в 2005 г., расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая, материальной культуре населения, а также увеличили количество данных по гунно-сарматской эпохе в истории Южной Си-

бири и Центральной Азии. Полученные результаты позволяют провести корректировку в культурно-хронологической схеме этнокультурогенеза населения Горного Алтая и наметить планы дальнейших полевых исследований памятников.

Литература

1. Бородовский А. П., Ойношев В. П., Соёнов В. И., Суразаков А. С., Танкова М. В. Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск, 2005. 103 с.
2. Соёнов В. И., Эбель А. В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 113–135.
3. Суразаков А. С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990.

А. М. Соколов

Результаты археологической разведки в районе с. Дресвянка

Во время ежегодной работы Каменского археологического отряда Барнаульского государственного педагогического университета в мае 2005 г. был проведен мониторинг археологических памятников на правом берегу р. Оби в районе урочища Раздумье. Обследован район с. Дресвянка (рис. 1). В ходе обследования был собран подъемный материал.

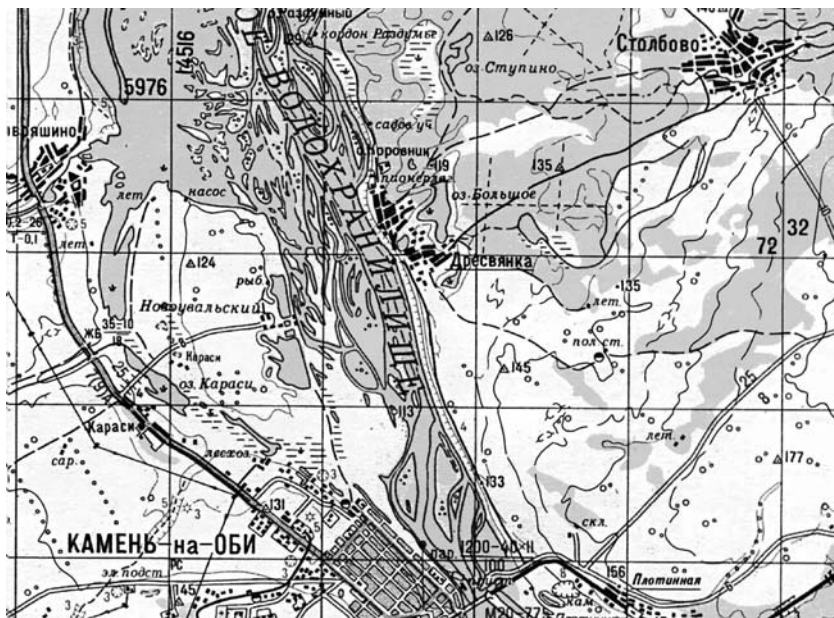

Рис. 1. Район с. Дресвянка

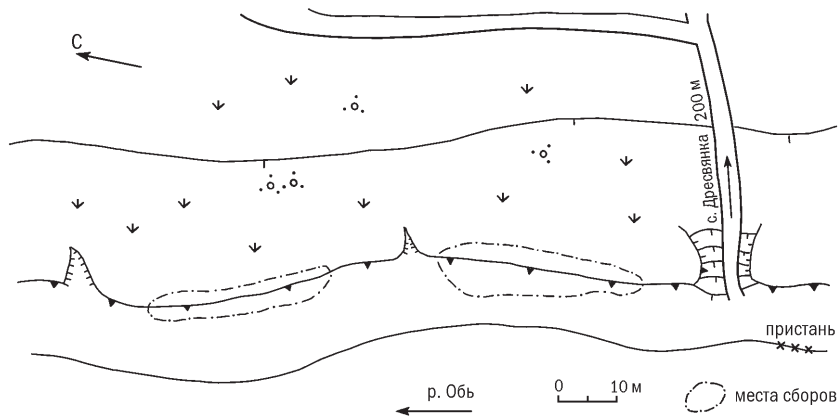

Рис. 2. Местонахождение Dresvyanka-пристань

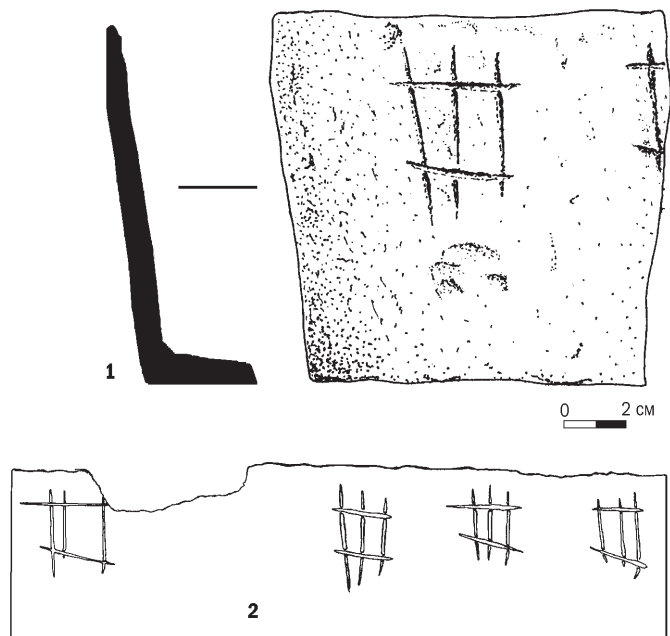

Рис. 3. 1 – сосуд; 2 – разворот орнамента

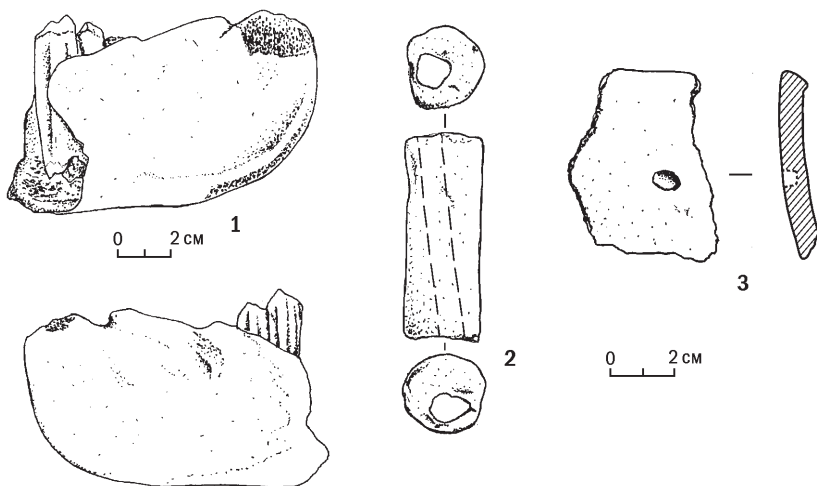

Рис. 4. Находки с местонахождения Дресвянка-пристань: 1 – костяное орудие, 2 – керамическое грузило, 3 – керамика

Село Дресвянка находится в 5 км от г. Камня-на-Оби, на правом берегу. Нами был обследован обрыв берега в районе деревни (рис. 2). Приблизительно в 50 м от пристани в береговой осыпи найден сосуд баночной формы (рис. 3, 1). Горшок имеет около 20 см в высоту, диаметр по венчику – около 15 см. Несмотря на малые размеры, изделие довольно массивное, грубой работы, сделано из плотного теста. В верхней части сосуда нанесен орнамент в виде четырех решеток, каждая из которых состоит из двух горизонтальных и трех вертикальных линий (рис. 3, 2). Орнамент нанесен не симметрично и имеет «пробел». Предварительно датируется поздним средневековьем или временем появления в этом регионе русских, примерно XVIII–XIX вв. Из отвала извлечено также несколько фрагментов без орнамента, схожих по составу теста и такой же грубой работы.

Большое количество собранного нами материала отражает этнографическое время (XIX–XX вв.). Это фрагменты глазированной посуды, керамическое грузило (рис. 4, 2). Среди материала необходимо выделить предметы, относящиеся к раннему железному веку, – венчик слабопрофилированного сосуда с орнаментом в виде округлого вдавления (рис. 4, 3), а также костяное орудие, сделанное из нижней челюсти животного (рис. 4, 1). Датировать его более точно не представляется возможным, так как его применение имеет широкие хронологические границы.

Говорить о культурной принадлежности населения, оставившего материал данного памятника, тоже довольно сложно. Памятник пока условно назван Дресвянка-Пристань. В этом районе имеется ряд разновременных археологических объектов, курганные группы Дресвянка I, Дресвянка II, поселение Дресвянка III. Все памятники принадлежат к различным эпохам и позволяют говорить о довольно длительном пребывании человека в этом регионе. Надеемся, что дальнейшие исследования памятника помогут выяснить этническую и культурную специфику региона.

А. Н. Телегин

Шестой год раскопок курганной группы Обьездное-1

В июле 2005 г. Степной отряд археологической экспедиции БГПУ (руководитель – автор) продолжил стационарные работы в окрестностях с. Родино Шипуновского района Алтайского края. В качестве объекта исследований, как и в предыдущие 5 лет, была выбрана курганная группа Обьездное-1. Памятник расположен в 5 км к северо-западу от бывшей д. Обьездное (ныне – стан полеводческой бригады № 4 СПК им. Гринько), на верхней террасе, являющейся водоразделом между оз. Зеркальное и системой мелких речек – левых притоков р. Алей. Он включает в себя 15 курганов, сгруппированных в несколько цепочек и протянув-

Рис. 1. План курганной группы Обьездное-1

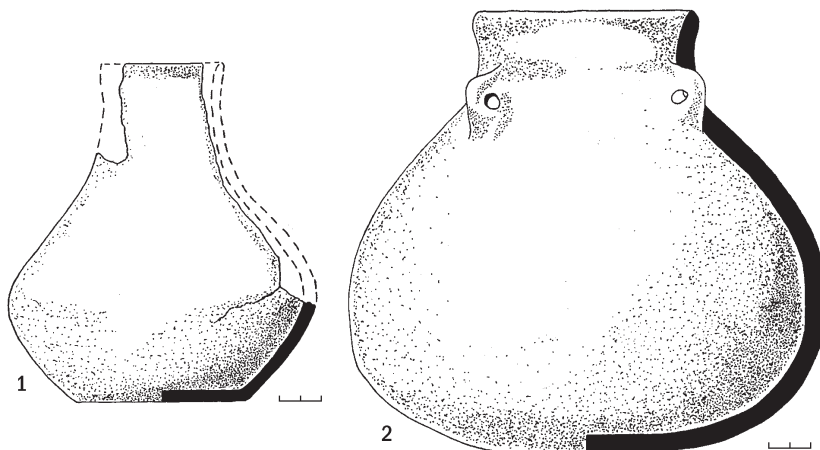

Рис. 2. Курганная группа Обьездное-1, курган № 2. 1 – могила № 6; 2 – могила № 1 (1, 2 – керамика)

шихся по верхней кромке террасы на 1,5 км. Территория памятника занята под пашню (рис. 1).

В 2005 г. раскопкам подвергся курган № 2 – один из крайних курганов юго-западной оконечности некрополя (рис. 1). К моменту раскопок его насыпь представляла собой округлую в плане и сегментовидную, с заметными уступами, в разрезе возвышенность. Насыпь состояла из черного гумуса, подстилаемого гумусом погребенной почвы. В центральной части кургана, между гумусным слоем насыпи и погребенным гумусом, присутствовали линзы могильных выбросов, состоящие из желтого суглинка. Диаметр кургана, по результатам измерений насыпи, составил около 30 м, высота – 1,95 м (от уровня погребенного горизонта).

Под насыпью кургана обнаружено одиннадцать могильных ям. Одна из них, центральная, была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Периферийные могилы, расположенные вокруг центральной, имели разную ориентацию, зависящую от того, в какой части образованной ими окружности они находились.

Основную часть сопроводительного инвентаря захоронений составили керамические сосуды разных форм. Общей, объединяющей всю керамику чертой является почти полное отсутствие орнамента на их поверхности (рис. 2; 3, 3). Оружие в находках представлено фрагментом клинка железного кинжала (рис. 3, 1). В число украшений входят многочисленные пластинки золотой фольги, обнаруженные в центральной могиле. Меньшая их часть являет собой фрагменты, а большая – целые

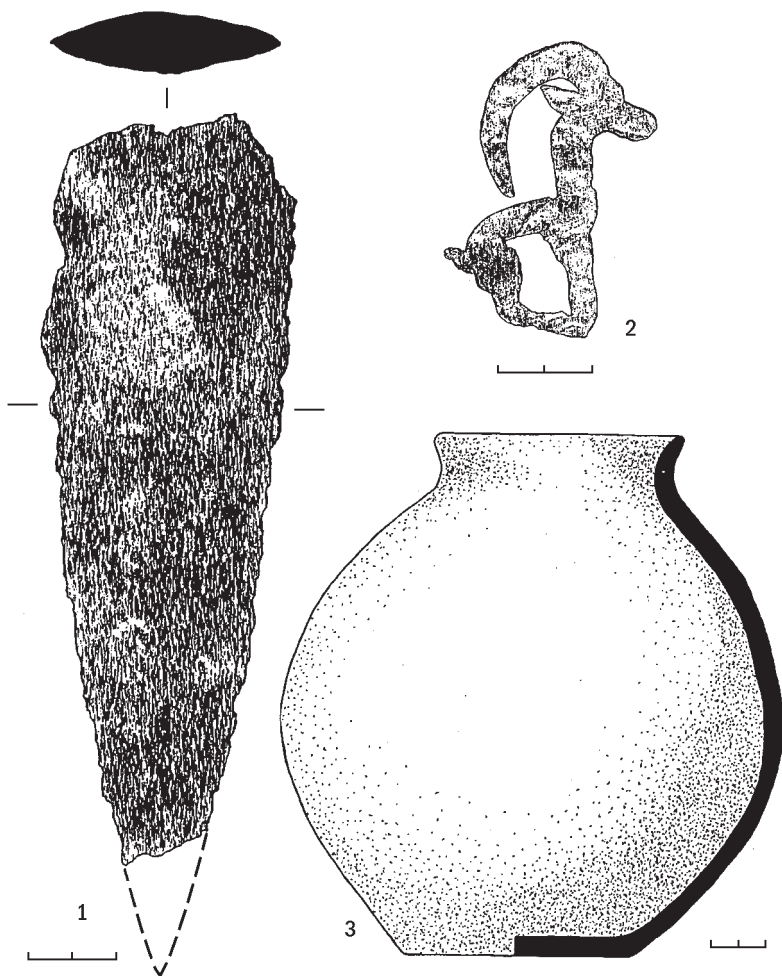

Рис. 3. Курганная группа Объездное-1, курган № 2. 1 – могила № 5; 2 – могила № 7; 3 – могила № 10 (1 – железо, 2 – золото, 3 – керамика)

бляшки прямоугольной формы, размером 3 6 мм. Целые бляшки имеют по одному отверстию в торцовых частях.

Чрезвычайно интересные находки были сделаны в не потревоженной грабителями могиле № 7. Останки погребенного в ней ребенка находились в деревянной колоде размером 1,78 0,45 м. Судя по расположению костей, умерший был уложен на спину в вытянутом положении. На

черепе погребенного сохранились остатки украшения головного убора, представленные полосками золотой фольги и двумя фигурками козлов, выполненных из такого же материала (рис. 3, 2). Рядом с черепом погребенного лежала кость ноги овцы и фрагменты железного предмета (ножа?). Между костями стоп и юго-восточным торцом колоды обнаружен развал глиняного горшка с ушками и 12 альчи́ков овцы.

Близкое сходство материалов кургана № 2 с материалами других раскопанных курганов данного некрополя позволяет предположить их хронологическую близость, рамки которой могут быть очерчены V–IV вв. до н. э.

А. С. Федорук

Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 г.¹

В полевой сезон 2005 г. Кулундинским археологическим отрядом АлтГУ было произведено обследование ряда памятников на территории Завьяловского, Баевского и Михайловского районов Алтайского края. Данная работа направлена на скорейшее введение в научный оборот наиболее интересных из полученных результатов.

Поселение Жарково 3 находится в Баевском районе в 2,5 км к СВ от с. Покровка, на второй надпойменной террасе р. Кулунда (рис. 1, 1). Обнаружено КАО АлтГУ в ходе мониторинга позднебронзовых памятников Кулунды [2, с. 115]. С целью уточнения датировки памятника на краю одной из западин нами был заложен разведочный шурф (рис. 1, 2) площадью 12 м². Он подтвердил, что западина является остатками котлована жилищной конструкции и дал следующую стратиграфию в жилище: дерн – 5 см, надув песка – 10 см, темная почва – 15–20 см, культурный слой рыжеватого цвета – 25–30 см, культурный слой темного цвета – 15–20 см, песок на дне котлована – 7–10 см. На прилегающем к жилищу участке шурфа разрез был несколько иной: дерн с незначительным надувом песка – 10 см, темная почва – 15–20 см, культурный слой рыжеватого цвета – 25–30 см, культурный слой темного цвета – 15–20 см. Кроме того, зафиксировано четыре столбовые ямки: одна – внутри котлована, три – за его пределами, но, вероятно, также имевших отношение к жилищной конструкции.

Основную массу находок составляют сильно утилизированные кости животных. Кроме того, на памятнике обнаружено 86 фрагментов керамических сосудов, 8 из которых орнаментировано (рис. 3, 1–6), ряд ве-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 03-01-00475а

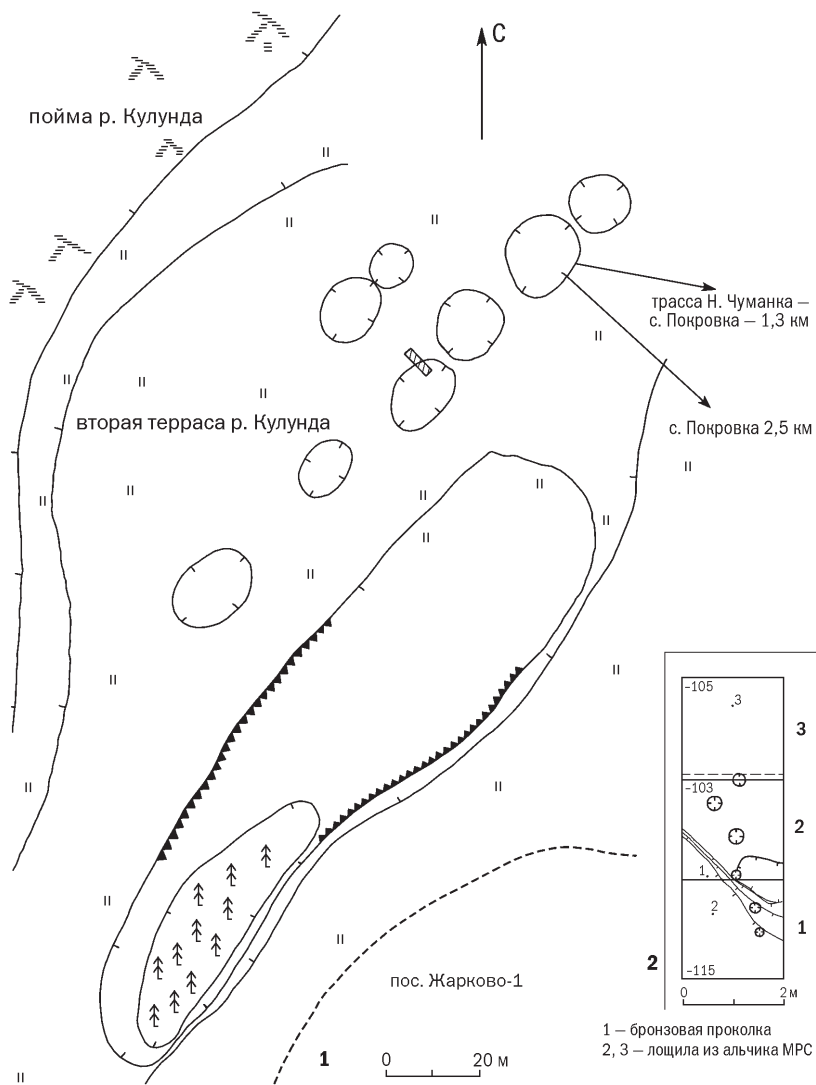

Рис. 1. 1 – план поселения Жарково-3; 2 – план разведочного раскопа

щей: бронзовая отливка проколки (рис. 2, 5), два сработанных альчика мелкого рогатого скота, применявшихся, видимо, для послелитейной доводки бронзовых изделий (рис. 2, 2, 3) [1] и фрагмент глиняного предме-

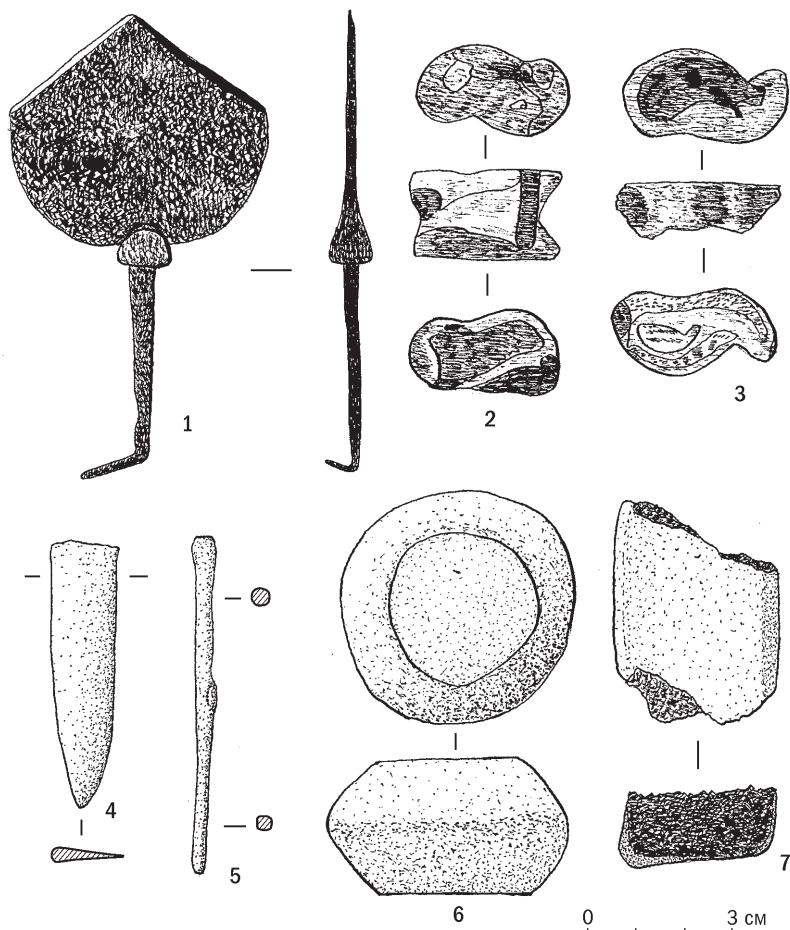

Рис. 2. Изделия, обнаруженные в ходе работ: 1 – железо; 2, 3 – кость; 4, 5 – бронза; 6 – камень; 7 – глина

та неясного назначения (рис. 2, 7). Комплекс датируется андроновским временем.

Поселение Сопка-1 находится в Баевском районе в 2–2,5 км к СЗ от с. Покровка, в месте слияния рек Кулунда и Пайва на высоком (около 3 м) елбане. По сообщению Н. Д. Брусника, долгое время здесь обитали барсуки. В настоящее время на елбане имеется около 20 охотничьих шурфов в норы барсуков. Нами подчищены стенки этих шурфов и зало-

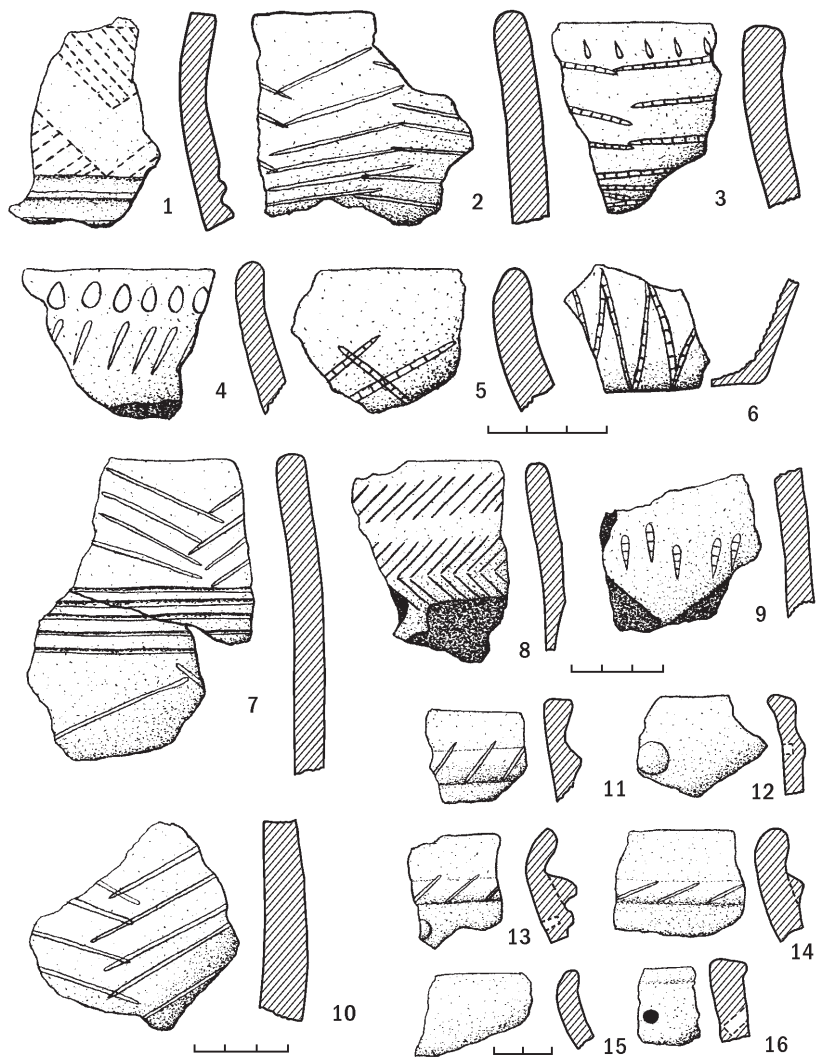

Рис. 3. Керамика с памятников Кулунды: 1–6 – пос. Жарково-3; 7–10 – пос. Сопка-1; 11–16 – пос. Горелый Кордон-1

жен свой разведочный шурф размерами 2 2 м, из которого получено 30 фрагментов керамики, в том числе орнаментированной (рис. 3, 7–10), датирующей памятник андроновским временем.

В Михайловском районе обследован комплекс памятников у кордона Горелый. Большинство обнаруженных материалов относится к переходному от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку времени. Это ряд орнаментированных фрагментов керамических сосудов (рис. 3, 11–16), фрагмент лезвийной части бронзового ножа (рис. 2, 4) и каменное изделие неясного назначения (рис. 2, 6). Кроме того, интересна находка железного черешкового наконечника стрелы, датирующегося монгольским временем (рис. 2, 1).

В целом богатая памятниками археологии Кулунда остается недостаточно изученным, но перспективным для исследования регионом, что подтверждают и результаты наших работ.

Литература

1. Кунгурова Н. Ю., Удодов В. С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 76–79.
2. Федорук А. С., Шамшин А. Б., Иванов Г. Е., Цивцина О. А., Раиткин С. С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 113–116.

Я. В. Фролов

О топографии памятников эпохи раннего железа (VI в. до н. э. — II в. н. э.) Фирсовского археологического микрорайона. По материалам полевых работ 2000–2005 гг.¹

В течение последних лет автором данной работы и сотрудниками НПЦ «Наследие» во главе с Н. Ю. Кунгуровой проводится ежегодное обследование состояния памятников Фирсовского археологического микрорайона. Фиксируются следы разрушений и проводятся сборы подъемного материала. В 2005 г. проведены аварийные раскопки вдоль трассы строительства линии связи на поселении Фирсово-9, на границе с поселением Фирсово-10. Проведенные работы свидетельствуют, что негативное антропогенное воздействие на памятники древности в этом микрорайоне не прекращается, ежегодно в том или ином месте происходят разрушения. В течение последних 10 лет обваливается край жилища на поселении Фирсово-10. Ежегодно в результате использования полевой дороги и разрушения оврага разрушаются культурные слои на поселениях Фирсово-6–9. Периодически (раз в 2–3 года) распаивается культурный слой поселения Фирсово-2, в результате чего слой размывается

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 0601005100.

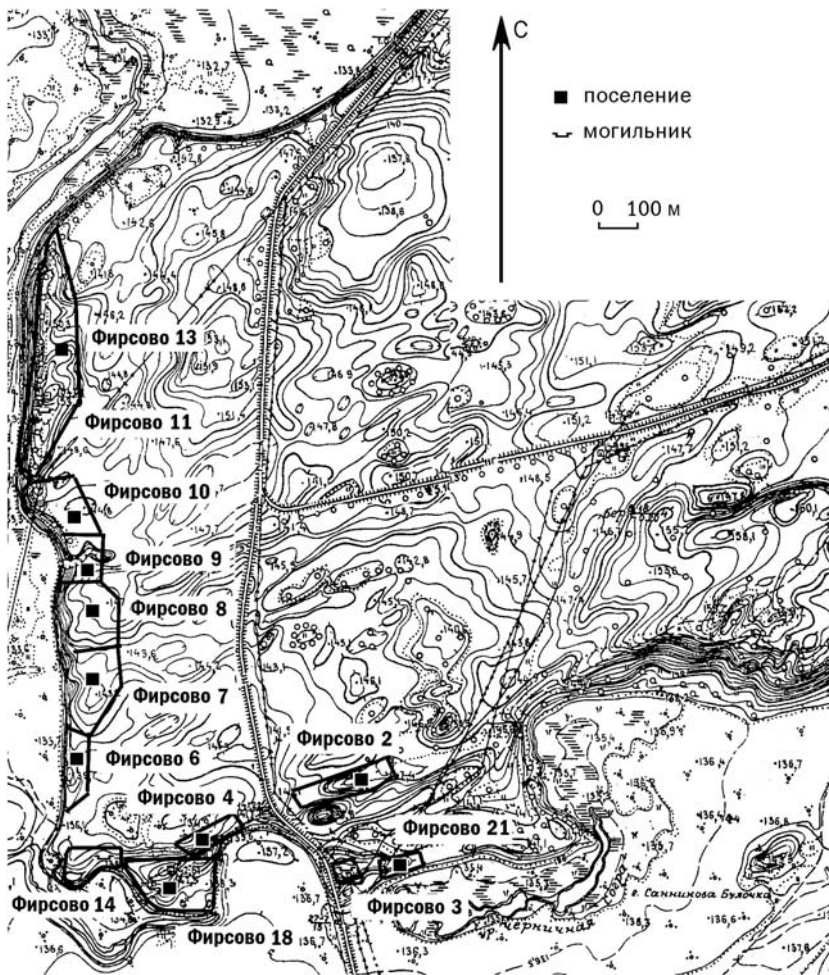

Рис. 1. Расположение памятников раннего железного века (VI в. до н. э. – II в. н. э.) в центральной части Фирсовского археологического микрорайона

и разрушается ветровой эрозией. Ежегодно при строительных и хозяйственных работах на садоводстве «Энергетик» разрушаются могильники Фирсово-11 и 12 и поселение Фирсово-13. Разрушаются памятники и в ходе строительных работ. Так, в 2004 г. серьезно повреждено поселение Фирсово-18: его поверхность была спланирована бульдозерами. В 2000 г. при прокладке кабеля разрушен культурный слой на поселении Фирсо-

во-10. В 1999 г. при планировании съезда в пойму разрушен участок на краю поселения Фирсово-18 и могильника Фирсово-14. В течение нескольких 1999–2000 гг. на могильнике Фирсово-14 зафиксированы следы самовольных (грабительских) раскопок. Грабители закладывали шурфы с целью поиска могил. Радует только то, что эти «раскопки» у них, судя по всему, успехом не увенчались.

Большинство разрушений на памятниках Фирсовского археологического микрорайона происходят на поселениях эпохи раннего железа. Ежегодный мониторинг этого типа памятников, сборы подъемного материала и охранные раскопки 2005 г. дают дополнительную информацию о топографии этих объектов о границах памятников, насыщенности их культурного слоя и т. д.

Одной из побудительных причин создания данной публикации послужил выход в 2005 г. статьи А. Т. Сингаевского и А. Б. Шамшина, посвященной анализу топографии памятников Фирсовского археологического микрорайона и сравнению материалов поселений и могильников скифского времени [3, с. 62–67]. Работая уже более 20 лет на памятниках Фирсовского микрорайона (с 1984 г.) под руководством А. Б. Шамшина, принимая участие в разные годы в раскопках всех объектов этого комплекса, проводя ежегодные обследования в течение последних 5 лет, я довольно четко представляю ситуацию на этих памятниках [4–7; 9; 10]. У меня сложилось представление о топографии памятников скифского времени в этой зоне, которое несколько отличается от позиции А. Т. Сингаевского и А. Б. Шамшина [3, с. 62–67]. Мне хотелось бы обратить внимание на отдельные неточности в интерпретации этими исследователями материалов эпохи раннего железа на Фирсовском археологическом микрорайоне.

Фирсовский археологический микрорайон был выделен А. Б. Шамшиным, в него вошли более 20 памятников археологии [8]. Территория его довольно обширна. Памятники этого комплекса тянутся вдоль края первой, современной, надпойменной террасы реки Оби от г. Новоалтайска, до с. Бобровка. Внутри микрорайона выделяется несколько компактных «кустов» могильников и поселений, один из которых локализуется в районе выхода р. Лосихи в Обскую пойму. Эта последняя группа памятников является своеобразным «ядром» всего комплекса. Здесь на правой надпойменной террасе р. Лосиха, в районе поворота террасы на север, памятники археологии тянутся сплошной цепочкой на протяжении почти 3 км. И на всем этом участке на всех без исключения объектах встречается керамика раннего железного века. Различается только концентрация этого материала. Все поселения этого времени, которые относят-

ся к староалейской культуре, приурочены к самой кромке берега. В этой зоне выделяется 10 поселений раннего железного времени: Фирсово-2, 4, 6–10, 13, 18, 21, и три грунтовых могильника этого же периода – Фирсово-3, 11, 14.

Возникает вопрос о взаиморасположении поселений и погребальных памятников. На рис. 1 видно, что погребальные памятники располагаются по краям сплошной зоны поселений Фирсово-3 и 11 и в центре микрорайона Фирсово-14. Все они находятся на мысовидных выступах террасы, определенным образом обособленных и возвышающихся над окружающей местностью. Предположение А. Т. Сингаевского о зависимости расположения поселений и могильников от сторон света не выдерживает критики. Так, он считает, что староалейской могильник располагается обычно южнее поселения; восточнее и соответственно южнее кладбища люди не селились, и это, по его мнению, связано с какими-то религиозными соображениями. Связывает он это с ориентацией рядов могил на староалейских некрополях по преимуществу на ЮЗ [3, с. 63, 65]. Как видно из представленного плана (рис. 1), поселения скифского времени в Фирсовском микрорайоне есть и к востоку от некрополя – это Фирсово-2, 4, 18, 21. Зная это, А. Т. Сингаевский считает, что поселение Фирсово-4 появилось позже, чем могильник Фирсово-14, и поэтому с ним не связано, а поселение Фирсово-18 связано с функционированием могильника [3, с. 63, 65–66]. Но аргументы А. Т. Сингаевского недостаточны. Так, непонятно на каком основании поселение Фирсово-4 датируется более поздним временем, чем Фирсово-10 и могильник Фирсово-14. Малое количество сосудов (2,8%), орнаментированных чистым жемчужником без разделений, в выборке М. Т. Абдулганеева на поселении Фирсово-4 не может служить аргументом в пользу более поздней даты. На этом поселении преобладает орнамент в виде жемчужника с разделениями 68,9% [1, рис. 23]. Не ясно, почему А. Т. Сингаевский считает, что жемчужник без разделений – это индикатор ранних памятников староалейской культуры. На самом деле это не так. Еще с переходного времени от эпохи бронзы к эпохе раннего железа одним из основных видов орнамента, маркирующих связь этой орнаментации с более поздней староалейской, является жемчужник с разделениями. В работе М. Т. Абдулганеева и В. Н. Владимирова жемчужник с разделениями и чистый жемчужник состоят в одном кластере признаков, и разделять их не имеет смысла [1, с. 47]. Также поселения Фирсово 4 и 10 рассматриваются в составе одной группы и датируются VI–II вв. до н. э. [1, с. 57]. А данные о «чистом» жемчужнике как орнаментации, характерной для ранних памятников степной и предгорной зон Алтая, у М. Т. Аб-

дулганеева неприменимы напрямую к староалейским поселениям Фирсовского микрорайона, тем более что на поселении Фирсово-6, которое М. Т. Абдулганеев относит к ранней группе, раскопки не проводились [1, с. 59].

Широкомасштабные раскопки проводились только на трех поселениях эпохи раннего железа — это Фирсово-4, 10 и 18. Неясно, почему поселение Фирсово-18, рассматривается как поминальник. Верхний слой памятника относится к раннему железному веку, четко отбивается стратиграфически. Это верхняя черная гумусированная прослойка толщиной от 20 до 40 см. Насыщенность этого слоя ничуть не меньше, чем на поселениях Фирсово-10 и Фирсово-4. Так что и на Фирсовском археологическом микрорайоне люди селились и восточнее, и южнее могильника. Так, при работах 2005 г. на поселении Фирсово-9 вскрыто 64 м². Раскоп представлял собой траншею длиной 32 м и шириной 2 м. На этой площади найдено только 11 венчиков от 11 сосудов. Насыщенность очень слабая. Основные находки концентрируются в полосе 10 м от края террасы: здесь найдено более половины всех находок из раскопа и 6 венчиков сосудов. На остальной площади концентрация находок падает в 3 раза. Это типичное распределение находок на поселениях староалейской культуры в этом микрорайоне, и оно не отличается от концентрации находок на поселениях Фирсово-10 и Фирсово-18.

Взаиморасположение других могильников и поселений староалейской культуры опровергает также выдвинутые предположения о зависимости выбора места расположения этих памятников от мировоззренческих представлений населения, оставившего их, связанных со сторонами света. Например, на комплексе памятников Малый Гоньбинский Кордон 1 наблюдается совершенно противоположное расположение могильников к северу от поселений.

Грунтовые могильники староалейской культуры только в случае широкомасштабных раскопок в их районе можно связать с конкретными поселениями. Так, наиболее достоверно привязываются могильники Малый Гоньбинский Кордон I (мог. 1, 3, 5) с поселением 1 на этом же комплексе памятников. Могильник 1 располагается здесь в нескольких десятках метров к северу от поселения. Могильник 2, представленный одиночными захоронениями, находится прямо на площади поселения, могильник Фирсово-14 — наоборот, в нескольких десятках метров к югу и западу от комплекса поселений раннего железного века в этом районе. Могильник Обские Плесь-2 располагается также в нескольких десятках метров к югу от поселений Обские плесь-1, 3, 4. На комплексе памятников на Ближних Елбанах поселение Ближние Елбаны-1 располагается

примерно по центру дюнной гряды ближе к западному ее краю. Могильники раннего железа располагаются на северной (БЕ 3) и южной оконечностях гряды (БЕ 12) а также в центральной части к СВ поселения Ближние Елбаны-1 (БЕ 7). Могильник на БЕ 12 перекрывает поселение ранне железного века на этом же памятнике [2, табл. 1].

Таким образом, можно предположить, что грунтовые некрополи возводились в непосредственной близости от поселений, на возвышенных местах, отделенных от поселения небольшой ложбиной. Могильник был виден с поселения. Все упомянутые выше поселения Фирсовского микрорайона, по всей видимости, представляют собой сезонные стоянки; на них не найдено остатков жилищ, хотя культурный слой на этих памятниках имеет довольно значительную мощность — в среднем 30–50 см. Это говорит о том, что люди здесь жили долгое время и использовали, вероятно, жилища наземного типа. Большая площадь поселений, видимо, свидетельствует о том, что они носят сезонный характер и в новый сезон жилища на поселениях возводились не всегда на одном месте. Поэтому при росте могильника границы поселения и некрополя могли сближаться или даже перекрывать друг друга, так как четкой границы поселения не было. Это все хорошо наблюдается при обращении к топографии некрополей и поселений на Фирсовском археологическом микрорайоне.

Литература

1. Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н. э. Барнаул, 1997. 148 с.
2. Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА. № 48. М.; Л., 1956. 256 с.
3. Сингаевский А. Т., Шамшин А. Б. Поселения староалейской культуры Фирсовского археологического микрорайона. Барнаул на рубеже веков: Итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 62–67.
4. Фролов Я. В. Изучение памятников VI–I вв. до н.э. Барнаульского Приобья сотрудниками Алтайского университета // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 64–67.
5. Фролов Я. В. Ритуальные «клады-приношения» у детских погребений староалейской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 163–166.
6. Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Погребения людей в скорченном положении из могильников раннего железного века Барнаульского Приобья // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 123–125.
7. Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219–226.

8. Шамшин А. Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 326–331.
9. Шамшин А. Б., Фролов Я. В. Исследования могильника раннего эпохи раннего железа в окрестностях г. Барнаула // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 77–80.
10. Шамшин А. Б., Фролов Я. В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 99–102.

2

ЭТНОГРАФИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

В. Е. Авдеев

Промыслы населения приобских сел в XX в. (по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г. в Шелаболихинский район)

Общеизвестно, что в конце XIX — начале XX вв. промыслы составляли значительную долю в крестьянском хозяйстве и являлись подспорьем, особенно в сложные периоды. Некоторые виды промысловых занятий сохранялись в алтайской деревне на протяжении всего XX в. и существуют в настоящее время.

В ходе экспедиции 2005 г. собран значительный материал по развитию промыслов в Шелаболихинском районе¹. Интервью были записаны в селах Шелаболиха, Селезнево, Иня. Возраст респондентов составлял от 55 до 75 лет. По этнической принадлежности все опрошенные — русские.

Условиями развития тех или иных видов промыслов в сельских населенных пунктах являлись наличие материала (сырья), потребность в продуктах промысла или в денежных средствах от их продажи, владение промыслом и наличие лесных и водных ресурсов.

Полевые исследования показали, что наибольшее значение для населения рассматриваемых сел имели добывающие промыслы, такие как рыболовство, охота, сбор ягод и грибов, и обрабатывающие, в первую очередь пимокатание.

Самым массовым из добывающих промыслов крестьян было рыболовство. Это обусловлено большим количеством водоемов на территории района: система Оби с притоками, озера, приречные протоки — и обилием в них рыбы. По словам А. И. Паневина, «водился сазан, карась, щука, в 1961 году запустили леща». Рыбной ловлей занимались мужчины в свободное от работы время и дети. Крестьяне приобских сел ловили рыбу для собственного питания. Орудиями ловли в XX в. являлись мордушки, сплетенные из ивовых прутьев, проволоки, «верши», фетили, сети, неводы, удочки. В настоящее время жители с. Иня заготавливают рыбу на зиму: солят «сухим посолом», коптят, делают консервы. Для копчения рыбы используют коптильни кустарного производства [2].

Кроме семейного рыболовства, в советское время получила развитие промышленная заготовка рыбы. Для этого в приобских селах создавались артели. Об одной из них нам рассказала П. Н. Демина: «В советское время была у нас рыболовецкая артель. Мужчины сами приходили в ар-

---

¹ Полевые материалы экспедиций предыдущих сезонов используются участниками экспедиций в научных работах. См., напр., [1].

тель, было их две бригады, ловили рыбу на лодках неводами, потом свозили рыбу на базу, которая находилась в центре села Шелаболиха. С базы рыбу увозили в Барнаул» [3].

Охота в крестьянском семейном производстве приобских сел играла меньшую роль, чем рыболовство. Промышляли в Инском и Касмалинском бору, на заливных лугах преимущественно лисиц, волков, зайцев, лосей. Из птиц охотились в основном на дикую утку. Орудиями охоты являлись капканы, ловушки, ружья. Для зимней охоты использовали са модельные лыжи [4].

В с. Иня и других селах, расположенных у бора, большое распространение получил сбор ягод и грибов. По свидетельству информаторов, собирали различные виды грибов, чаще грузди, подтопольники, свинушки. Из ягод собирали клубнику и землянику. Сбором грибов и ягод занимались женщины и дети [5].

Развитие в Шелаболихинском районе скотоводства, в частности овцеводства, явилось основой для распространения пимокатания. Как и в других районах Сибири, валенки (пимы) считались основным видом обуви в зимнее время. Спрос на них в условиях сибирской зимы был очень велик, поэтому молодежь охотно перенимала навыки этого мастерства у старшего поколения. Катали валенки не только для своей семьи, но и на заказ. По устным свидетельствам, сезон катания валенок начинался осенью и заканчивался весной. Шерсть использовали только осенней стрижки, так как она очень хорошо скатывается. Пушили шерсть на шерстобитных машинах, которые в начале XX в. существовали в крупных селах и в городах. По словам М. Д. Черкашина, «в колхозный период шерстобитки были в каждом колхозе» [6].

Количество шерсти для валенок зависело от их размера. На мужские валенки шло 5–6,5 фунтов шерсти, на женские – 3,5–4 фунта. Шерсть делили на две части и приступали к закладке. Для этого требовался лоскут ткани, по размерам больше будущего валенка. Шерсть раскладывали равномерно, затем ткань сворачивали и приступали к сращиванию шерсти по форме валенка легкими вращательными движениями ладоней. Затем заготовку помещали в водный раствор серной кислоты и выдерживали около 3 часов. На ведро воды требовалось примерно 100 г кислоты. Чем больше кислоты, тем тверже и холоднее получаются валенки, но катать их становится легче. После этого заготовку периодически помещали в кипяток, обминали руками и катали вальком. Затем внутрь валенка вставляли металлический прут и продолжали катать вальком, рубелем подправляли валенок и надевали на колодку. Колодки изготавливали в основном из березы, так как сосна не выдерживала высокой

температуры. Для каждого размера существовали свои колодки. Насаженные на колодку валенки сушили в русской печи от 12 до 24 часов, в зависимости от температуры печи. После просушивания валенки чистили пемзой и опаливали длинные волоски на огне.

Пимокаты работали в специально отведенных для этого небольших помещениях или в банях. Наряду с домашним промыслом в Шелаболихинском районе существовали и промартели, в которых работали несколько человек [6].

Литература и источники

1. Грибанова Н. С. Кустарные промыслы и трудовые традиции населения Зонального района в конце XIX – первой половине XX в. // Зональный район: история, люди, судьбы. Барнаул, 2003. С. 271–279.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Иня). Паневин Анатолий Иванович, 1946 г. р., кассета № 99.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Шелаболиха). Демина Пелагея Николаевна, 1931 г. р., кассета № 105.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Иня). Карпов Владимир Семенович, 1937 г. р., кассета № 95.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Иня). Чернодаров Владимир Петрович, 1947 г. р., кассета № 96.
6. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Селезнево). Черкашин Михаил Данилович, 1931 г. р., кассета № 98.

Д. О. Афонькин

Сплав леса в Шелаболихинском районе во второй половине XX в. (по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г.)

Традиционно крестьяне использовали реки для доставки строительных материалов и топлива из таежных районов к местам проживания. Зимой лес возили по льду санным путем, летом его сплавливали. В исторической литературе сплав леса не получил должного освещения. Однако полевые источники свидетельствуют о широком распространении лесосплава по рекам Алтайского края на протяжении XX в. Так, в ходе экспедиции 2003 г. в Бийском районе был собран материал по крестьянскому и промышленному сплаву леса по р. Бия.

Материалы, полученные в ходе прошедшего полевого сезона в Шелаболихинском районе, свидетельствуют о развитии лесосплава по р. Иня во второй половине XX в. У жителей с. Иня, работавших на лесосплаве, были взяты интервью на эту тему. Как было установлено в ходе опросов, начало масштабных лесозаготовок и развитие лесосплава было связано с планировавшимся строительством Каменской ГЭС: «Когда намети-

ли строить Каменскую ГЭС, началась сплошная вырубка леса...» [1]. В связи с этим в 1950-е гг. в с. Иня наблюдается значительный рост численности населения. Респонденты утверждают, что «приезжали сюда на заготовки, на заработки...» [1].

По устным свидетельствам, для Каменской ГЭС лес заготавливали зимой в Инском бору. Для этого формировались бригады, в которые входили как мужчины, так и женщины. Участие женщин в лесосплаве информаторы объясняют нехваткой трудоспособных мужчин в послевоенное время: «...Работали женщины и поварами и банщицами, и лес плавил тоже, мужиков-то мало было, война всех сгубила» [2]. Как показало интервьюирование, детский труд на сплаве широко не использовался, но иногда подростков привлекали для помощи взрослым. Нина Ивановна Пройдакова, 1932 г. р., работавшая на сплавном участке в 12-летнем возрасте, свидетельствует: «Была я на побегушках – принести что-нибудь или позвать кого-либо» [3].

После заготовки в бору лес свозили на высокие берега Ини. До того, как «в 1956–1957 гг. пригнали технику», зимой бревна перевозили на лошадях, впряженных в сани с подсанками. Для перевозки леса использовались и так называемые «ропуски», на которые бревна закатывали вручную с помощью «покатов» – приспособлений для погрузки. Для облегчения доставки леса создавались «ледянки». Вот как об этом рассказывал В. С. Карпов: «Для того чтобы сани не утопали в снегу и лошадям было легче идти при перевозке, делали такие дороги, как „ледянки“. Сначала расчищают дорогу, прикатают ее, а затем на лошадях с цистернами поливают водой. А для того, чтобы лошади не скользили, их подковывали» [2].

На берегу лес складывали штабелями, а с наступлением весеннего паводка скатывали в реку: «А потом, весной, когда оттает все, снег водой возьмется, и прям туда, на лед все сталкивают. Столкнут, и потом тут быстренько минеры идут, пробьют весь лед. И все, и покатилося» [2]. По словам информаторов, по воде Ини лес до деревни шел бревнами – «мулем». Его несло в беспорядке сильным течением. И только в районе с. Иня, где течение было слабым, лес собирали в «кошель». Для этого делали основу из бревен, скрепленных между собой тросами, в которую собирали пльвущие свободно бревна: «А потом в него набирают бревен полностью. Он длинный такой, метров 150» [4].

Главной задачей сплавщиков было, по их рассказам, успеть сплавить лес до того, как спадет вода. В случае резкого понижения сооружали дамбу и искусственно поднимали уровень: «Бывает, вода упадет, и все, приходится по речке толкать... В таких случаях бульдозером закапыва-

ют дамбу, подымут воду и отпускают опять» [4]. Для того, чтобы лес не разносило при сильных разводах и не выбрасывало на берег, делали откосы (обстановы) в виде плетней [3].

При впадении Ини в Обь лес сортировали, после чего грузили на платформы или баржи и транспортировали в Камень-на-Оби и Новосибирск, где позже и началось строительство гидроэлектростанции, предполагавшееся вначале около Камня-на-Оби.

По рассказам очевидцев, сплавливали осину, сосну, березу, реже – лиственницу, поскольку она тяжелая и часто тонула. Для чистки реки от осевшей коры и «топляков» (утонувших бревен) ежегодно создавались специальные бригады. «И потом, осенью, когда все закончится, по расчистки шли, реку чистили» [2].

В 1950–1960-х гг. XX в. сплав был прекращен. Основной причиной этого, по мнению респондентов, является отмена строительства Каменской ГЭС. Однако имеются свидетельства о загрязнении и обмелении Ини, что также могло явиться причиной прекращения сплава.

Сплав леса по р. Иня во второй половине XX в. имел большое значение для развития с. Иня: благодаря заготовке и сплаву леса местные сельчане получали рабочие места, выросла численность населения. Промышленная заготовка леса способствовала развитию материально-технической базы села и культурно-бытовой инфраструктуры населенного пункта. Вокруг Ини образовались новые населенные пункты.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Иня). Тенякшева Р. Д., 1932 г. р. Кассета № 94.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Иня). Карпов В. С., 1937 г. р. Кассета № 95.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Иня). Пройдакова Н. И., 1936 г. р. Кассета № 95.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Иня). Чернодаров В. П., 1947 г. р. Кассета № 96.

Е. А. Бельгибаев

Современное состояние традиционной культуры туба

Результаты полевых этнографических исследований среди коренного населения Чойского и Турочакского районов Республики Алтай (этнические туба) нами уже публиковались [1–6]. Однако они касаются лишь отдельных сторон традиционной культуры туба и не дают цельной картины ее современного положения. В настоящем сообщении предприня-

та попытка обобщения разнопланового материала, полученного нами в течение последних нескольких лет (2001–2004 гг.).

В настоящее время в этнокультурном отношении туба мало отличаются от окружающего русского населения края, мононациональные поселки практически отсутствуют. Однако в некоторых местах расселения рассматриваемой этнической группы сохранились отдельные черты традиционной культуры, прежде всего ее материальной сферы, — элементы одежды, утвари и средства передвижения. Сохраняют актуальность в жизни аборигенного населения также охота и собирательство.

Первый блок собранной информации связан с традиционной хозяйственной деятельностью населения. Практически все сведения об этой сфере культуры получены с широким использованием метода реконструкции. Прежде всего удалось полностью записать календарную систему [5, с. 533]. Она стала реальным отражением адаптации к природно-климатическим условиям и ресурсным возможностям освоенного туба ландшафта. Название месяцев, как и у большинства других народов Сибири, фиксируют у них различные природные явления (климатические, погодные и др.) и наиболее важные с точки зрения хозяйственной деятельности населения события. Их анализ позволяет сделать вывод, что в пределах этнической территории туба получили развитие охота, рыболовство, собирательство, земледелие и скотоводство. Так, январь назывался *кочкор ай* (месяц барана), март — *көрүк ай* (месяц бурундука), апрель — *кандык ай* (месяц кандыка), май — *шаун ай* (месяц посева), октябрь — *чана ай* (лыжный месяц).

Помимо годового цикла занятий, материалы содержат также описание культурных явлений, необходимых для нормального функционирования каждой отрасли хозяйства. Для звероловства это границы отдельных родовых охотугодий, ряд орудий и средств пассивной формы охоты — черканы, ставные луки, силки, кулемы, петли, капканы, манки, для рыболовства — удочки, сетные и закрытые ловушки, запорные сооружения, колющие орудия, для собирательства — шести, вальки, ручные лотки, берестяные сеницы, для земледелия — мотыги, серпы, цепы, для скотоводства — специальные ножи для рубки травы, косы-горбуши, вилы, грабли. Единичные экземпляры этих предметов до сих пор встречаются в местах расселения туба (мотыги, вальки и ручные лотки).

К материалам о хозяйстве тесно примыкают также сведения о традиционном домашнем производстве. К ним относится прежде всего информация, связанная с производством домотканого холста и выделкой кожи. Технология их изготовления и необходимый для этого орудийный комплекс у туба почти не отличался от челканского [3, с. 63–64, 67–68].

Интерес, пожалуй, представляет коленчатый скребок (*саур*), использовавшийся в скорняжном деле. Однако аналогичный инструмент известен по этнографическим материалам у северо-западных соседей туба — кумандинцев [7, с. 153, 156, рис. 2–3].

Информация о материальной культуре туба составляет второй блок полевых материалов. Она состоит из описания постоянных и временных жилищ, промысловой и повседневной одежды, домашней утвари и средств передвижения. Традиционные постройки (летники) сохранились лишь в пос. Ново-Троицк. Они представляют собой прямоугольные срубы с крышами в виде усеченной пирамиды. Однако удалось реконструировать полуземлянки и наземные жилища северных и южных групп туба [1, с. 44–46]. Для временных построек выделены односкатный, двускатный и четырехскатный типы.

Значительную часть собранных материалов составляют сведения о традиционной одежде. Она вышла из употребления еще в 1930-е гг. Исключение составляют лишь сапоги с холщовыми голенищами (*ар одок*). Однако в процессе бесед с информаторами удалось воссоздать технологию изготовления и покрой мужских и женских рубаш, халатов, штанов, головных уборов. У туба имела место также промысловая одежда, основу которого составляла верхняя плечевая одежда (*киис тон*).

Практически полностью у исследуемой этнической группы сохранился традиционный набор домашней утвари. Более того, отдельные ее элементы используются в быту местным населением до сих пор. Эти предметы в основном связаны с приготовлением толокна (*талгана*) и крупы. Среди них встречаются ручная мельница (*тербеен*), зерноотерка (*на-сак*), деревянная ступа (*сокы*), сито (*элек*), металлический котел. Местами практикуется также изготовление молочной водки с использованием традиционного самогонного аппарата. Из деревянной утвари встречаются блюда (*тепиши*), чашки (*чуйшей*), ковши (*суска*), ведра (*агаиш конок*), маслобойки (*шапшак*). Берестяные изделия представлены прямоугольной в плане коробкой с низкими стенками (*кыйбек*), коробом (*терки*) и цилиндрической емкостью (*туюс*).

Из традиционных средств передвижения местным населением используются подволоки (*чана*) с лыжным посохом (*таяк*) и местами двухполозные волокуши (*чарга*). Ранее для доставки провианта к месту промысла охотники применяли специальные и временные нарты, а также различные другие способы транспортировки грузов, например заплечный берестяной короб (*комдо*, *колчак*) и меховой мешок (*тухтуй баштык*), сшитый из шкуры теленка. Кроме того, получены сведения по технологии изготовления долбленок (*кеве*) и плотов (*сал*).

Третий блок материалов представлен сведениями о традиционной духовной культуре туба. Ее носителями ныне является лишь узкий круг людей преклонного возраста. Вплоть до настоящего времени среди населения бытуют разного рода мифы и былички о лесных жителях (*алвун*) и духах-хозяевах тайги, рек, озер. Имеют также место явления, связанные с культом родовых гор и леса. Нами записана серия благопожеланий (*алгыш*) и обращений к природе Алтая и отдельным ее объектам (тайге, горам, реке и т. д.).

Тем не менее целый ряд явлений, сопряженных с традиционной духовной культурой туба, забыт или остался лишь в памяти старшего поколения информаторов. Из полученных материалов следует выделить данные о миропонимании, религиозно-мифологических представлениях, пантеоне, шаманизме. Материалы также содержат описание нескольких вариантов обряда жертвоприношения лошади (*тайэлга*) [2, с. 182–185]. Вероятно, в них получили отражение разные культурные традиции, восходящие к древним тюркам и, возможно, кыпчакам.

Интерес представляет также материал, посвященный обряду чалаба. Он проводился в мае и, видимо, являлся общим праздником весны. В этом плане любопытно также весеннее мероприятие, называвшегося у туба «тайганы кодортон» (букв. «подымать дух тайги»). В нем при стечении всего населения того или иного поселка деятельное участие принимал шаман (кам). Основной целью его обращений к хозяину Верхнего мира являлось обеспечение благополучия родового коллектива. Шаман спрашивал хорошей погоды, урожая, чтобы скот рос и плодился, а в тайге и реках водилось много зверя и рыбы.

В целом полевой этнографический материал по традиционной культуре туба складывается из трех источников. Прежде всего это явления, не потерявшие своей актуальности для отдельных групп населения. Они немногочисленны, но достаточно четко вычлняются из других сфер культуры. Второй источник информации – элементы материальной культуры, сохранившиеся, но уже не используемые в быту и хозяйственной деятельности. Часть из них хранится не только в отдельных домохозяйствах, но и в школьных музеях. Наконец, самую обширную источниковую базу составляют сведения, полученные в ходе опросов и реконструкций.

Литература

1. Бельгибаев Е. А. Традиции срубной и каркасной техник в домостроительстве туба // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр.: В 3 ч. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004. Ч. 2. С. 43–47.
2. Бельгибаев Е. А. Обряд жертвоприношения лошади, его место в традиционной культуре северных алтайцев // Интеграция археологических и этнографических иссле-

- дований: Сб. науч. тр. / Отв. ред. К. Н. Тихомиров, Н. А. Томилов. Алматы; Омск: Изд. дом «Наука», 2004. С. 182–185.
3. Бельгибаев Е. А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004.
  4. Бельгибаев Е. А. Традиционные религиозно-мифологические представления северных алтайцев об окружающем мире // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения: Сб. музея археологии и этнографии им. В. М. Флоринского. Томск: Томский гос. ун-т, 2005. Вып. 1. С. 230–234.
  5. Бельгибаев Е. А., Бурнаков В. А. Традиционный календарь туба // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы год. сессии Ин-та археологии и этнографии Сибири СО РАН 2002 г.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 532–536.
  6. Бельгибаев Е. А., Бурнаков В. А. Проблемы реконструкции традиционного мировоззрения коренного населения таежного Алтая (по материалам этнографии челканцев и туба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы год. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2002 г., посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А. П. Окладникова). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. II. С. 21–24.
  7. Кунгурова Н. Ю., Назаров И. И. Материальная культура кумандинцев как объект историко-культурного наследия Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 151–158.

Е. А. Бельгибаев, И. И. Назаров, В. В. Николаев

Новые материалы по семейной обрядности кумандинцев

Семейная обрядность составляет наиболее значимую часть традиционной обрядовой культуры, поскольку охватывает практически весь жизненный путь человека: рождение, брак, смерть. Однако обряды жизненного цикла до сих пор изучены слабо. Наиболее полно в специальной литературе рассматривается свадебная обрядность кумандинцев [1]. Обряды, связанные с рождением ребенка и первыми годами его жизни, являются наименее изученными аспектами этнографии кумандинцев, сведения о них в специальной литературе носят общий или отрывочный характер. Между тем изучение этой области традиционной культуры, особенно погребально-поминальной обрядности, может способствовать разрешению проблем этнической и этнокультурной истории не только кумандинцев, но и народов сопредельных территорий.

Цель настоящей статьи – введение в научный оборот новых сведений по семейной обрядности кумандинцев. В основу работы положен полевой материал, собранный авторами в ходе этнографических экспедиций АлтГУ (2001–2004 гг.) в населенных пунктах Красногорского и Солтонского районов Алтайского края и Турочакского района Республики Алтай.

Обряды жизненного цикла включают в себя три блока: свадебный, родильный и погребально-поминальный. В рамках каждого из них, как и у других групп населения Сибири, выделяются по три этапа: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный; предпохоронный, собственно похороны и поминальный; предродильный, собственно роды и послеродильный.

Свадебная обрядность

Вступление в брак было важным событием в жизни двух молодых людей. От правильности выполнения всех обрядов и следования обычаям зависела дальнейшая судьба молодой семьи. В процессе подготовки и проведения праздника активное участие принимали не только брачующиеся стороны, но и социум в целом.

По достижении девушкой и юношей брачного возраста начинались свадебные приготовления. При браке через сватовство родители молодого человека искали невесту (*ухдесе, келин*). В прошлом выбор должен был отвечать экзогамным ограничениям, в настоящее время считается предпочтительным брать девушку не из своего села, а из соседнего. Если девушку долго никто не сватал, то она прибегала к помощи шамана.

Со временем роль жениха в обряде сватовства претерпела изменения. Если ранее он принимал в этом действе минимальное участие, то позднее его значение выросло: жених проявлял активность в ходе переговоров сватов (*куда, кудаай*) с представителями противоположной стороны и сам подбирал будущую невесту. О прибытии гостей, в число которых могли входить как родственники юноши, так и специально нанятые люди, родители девушки предупреждались заранее.

При насильственной краже девушки жених осуществлял подготовку. Он договаривался о помощи с друзьями и односельчанками избранницы, которые предоставляли ему информацию о передвижениях девушки. В условленное время ее выкрадывали, укутав в шубу, связав ноги и положив поперек лошади. Через три дня сторона молодого человека ехала на простины. Отец девушки обвязывал ворота веревкой, что затрудняло проезд через них. Возможно, ранее этот обычай имел какое-то значение, сейчас же его объясняют как стремление унижить сватов.

Период между сватовством и свадьбой был насыщен приготовлениями обеих сторон к торжеству, встречами и угощениями брачующихся. Организацию праздника брали на себя ближайшие родственники жениха и невесты. Например, мать невесты вышивала полотенце, которое впоследствии вешали у иконы в доме молодых.

Основными блюдами на празднестве были сваренное в казане мясо и «*тутпач*» (галушки), от которого и произошло название свадебного пира. Торжество под влиянием православия устраивали обычно в дни христианских праздников: Троицу, Масленицу, Петров и Ильин день. Исключение составляла Пасха. В прошлом же браки кумандинцы заключали осенью, в новолуние.

К приезду свадебного поезда в аиле жениха (или за оградой) ставили балаган (*шалыг-одог*, *чайлю*, *уген*). Постройка делалась из 3–9 молодых березок 2–3-метровой высоты, верхушки которых были связаны вместе. Балаган был накрыт полотенцем, вытканным матерью невесты. По другой информации, если девушка была «честной», то сооружение покрывали красной тканью, если нет – любой другой. В свадебную постройку жених заводил свою избранницу, где ей делали женскую прическу две незамужние девушки из родов молодых. В волосы вплетали красные ленты и надевали на голову платок.

По окончании действ в балагане девушка выходила, и молодых обливали водой или осыпали снегом, в зависимости от времени года. По другой информации, жених должен был отбить невесту при ее появлении из свадебной постройки. Для этого он и его родственники обливали противоположную сторону водой из ведер. После этого молодой человек разбирает свадебный балаган и уносит березки в лес. В этом ему старались помешать присутствующие – они пытались поджечь березки. По другим данным, молодожены некоторое время жили в свадебной постройке, а затем ее разбирали и строили дом. Жених вводил свою избранницу в дом и ставил ее в центре. Шаман обходил ее по ходу солнца, ударяя себя веничком по предплечьям и спине, как бы подгоняя ездовое животное. Считалось, что это способствовало очищению девушки. За эту работу кама одаривали.

После всех описанных обрядов начинался свадебный пир. Гости рассаживались в доме за столом, а в прошлом располагались у костра в соответствии с возрастом. На празднике существовал запрет на использование ножа при приготовлении и употреблении пищи, чтобы не навредить семейной жизни молодых; по той же причине запрещалось ломать кости животного (коня или барана). На свадьбе устраивалось «парное пение» молодоженов. Песни пели и остальные присутствующие. Пожилые женщины надевали красные юбки с погремушками и танцевали. На второй день свадьбы устраивали «мусор» (*учус*): делали большую кучу из старых тряпок и других ненужных вещей. Если девушка выходила замуж «честной» (после брачной ночи демонстрировали простыню), то в кучу мусора бросали разбитую посуду, а если нет, то солому.

Первый год брака и рождение первенца были самыми важными моментами семейной жизни у кумандинцев. Этот период можно охарактеризовать как переходный, когда помощь и участие родителей и родственников молодоженов были жизненно важными. Если муж (*иже*) или жена (*абахай*) умирали в течение первого года сожителства и у них не было детей, то вдовец (*абахай унхан*) или вдова (*иже чок*) не считались состоявшими в браке.

Родильная обрядность

Зачатие, а затем и рождение полноценных здоровых детей имело большое, главным образом экономическое значение для семьи. Мальчик в перспективе был потенциальным охотником и рыбаком, а следовательно, кормильцем семьи. Кроме того, он становился впоследствии продолжателем рода и наследником имущества отца. Девочки были менее желательны в силу того, что в будущем, после замужества, покидали отчий дом. В этой связи сформировались определенные обычаи, направленные на рождение ребенка конкретного пола. Например, чтобы родился мальчик, клали топор под брачное ложе.

После того, как становилось известно, что женщина беременна, вступали в силу различные ограничения. Например, запрещалось посещать источник (*аржан суда*), так как считалось, что его дух мог забрать «кут» еще не родившегося ребенка. После родов для защиты матери и новорожденного в течение 40 дней запрещалось выносить из дома огонь.

Роды происходили в доме. Роженице помогала бабка-повитуха (*киндик-ана, кортуяш, урякен*). В случае тяжелых родов гладили по животу в направлении выхода младенца. Новорожденного повивальная бабка обмывала в деревянной емкости теплой водой и заворачивала в домо-танную материю. За проделанную работу она получала полотенце. Между бабкой-повитухой, которая фактически играла ту же роль, что и крестная у христиан, и ребенком устанавливались крепкие и уважительные отношения на всю жизнь.

Дальнейшее благополучие младенца связывали с сохранностью пуповины и последа. Их клали в туес вместе. Мать закапывала его с восточной стороны дома возле завалинки. Отвод не отрезали, а дожидались отпадения.

Рождение ребенка было большим праздником не только для семьи, но и для их родственников и жителей села. Многодетные семьи у кумандинцев, как и у других тюркоязычных народов, пользовались уважением, существовало выражение: «Один ребенок – не ребенок, два ребенка – полребенка, три ребенка – ребенок» (*«Пыр пала – пала епись, ике пала – полпала, ич пала – пала»*). По прошествии нескольких дней но-

ворожденного называли в честь кого-либо из умерших родственников, чтобы память о них не умирала, а также чтобы ему передались лучшие качества предка. В честь самоубийц и несчастных людей имен не давали.

Когда ребенку исполнялся год, родители спутывали ему ноги нитками и затем разрезали. Этот обычай был связан с представлениями о том, что новорожденный появляется на свет «спутанным», а следовательно, не может ходить.

Погребально-поминальная обрядность

Со смертью человека начиналась подготовка покойного (усрхан, улькан) к дороге в иной мир. Заранее к погребению никто ничего не готовил, так как считалось, что этим можно навлечь преждевременную гибель. Трагическое событие накладывало на соплеменников охранительные ограничения. Пока в доме находился покойник, в гости не приходили. Члены семьи, где случилось несчастье, также были ограничены в свободе передвижения по деревне. При встрече с ними соседи их сторонились. С наступлением сумерек им запрещалось выходить на улицу.

Сразу после смерти 2–3 старших родственника или ровесника обмывали тело покойного (мужчину – мужчины, женщину – женщины). Во время этого обряда «обмывальщики» для того, чтобы покойнику было хорошо в загробном мире, что-то наговаривали. После обмывания покойника одевали во что придется. Для умершего шамана шили одежду специально.

Пока усопший находился в доме, делали гроб (*карт, чайан*) из необработанных рубанком досок пихты (*кизбе*), кедра (*чурук, кусух*), сосны (*шибе*) или осины (*аспак*). Сбитый из дерева «ящик» не обшивался и состоял из собственно гроба и крышки. Позднее богатые люди стали обшивать гроб черной тканью (*кара тавар*).

Душу усопшего в потусторонний мир провожал шаман. Перед камланием всю посуду в доме переворачивали вверх дном, чтобы душа умершего не спряталась. Рядом с телом человека ставили блюда с блинами и другой пищей, а также высокие туюски, в которых шаман замешивал тесто и впоследствии стряпал лепешки. Во время камлания кам бил себя левой рукой венником с ленточками или березовой веточкой (*садырлак*) по правой стороне груди. Он ритмично двигался и вел «разговор» с покойным о том, как тот умер, почему и т. д. Считалось, что если шаман сильно рыдает, то, значит, жалеет усопшего. После завершения обряда родственникам сообщались результаты: удалось ли изгнать злого духа и т. д. Камлание проводилось в присутствии родственников отошедшего в мир иной (в противном случае терялся смысл действий кама), либо, по другим сведениям, без свидетелей.

Перед выносом тела несколько человек отправлялись копать могилу (*ире, оро*), место которой определяли родственники. Возвратившись, они выносили тело в полдень в гробу головой вперед и клали на телегу (*абра*) или сани (*шанак*). Крышку гроба (*чаяным крышка*) прибавляли у могилы. После выноса покойника на окно ставили стакан с водой и хлебом. Воду периодически меняли, а хлеб нет, и через сорок дней выливали и скармливали скотине соответственно. С проникновением на Алтай христианства на могилах стали ставить деревянный крест (*крест*) и оградку (*читын*).

В «ящик» с усопшим клали трубку и кисет с табаком, а также туюс, в котором находилось по три пирога с салом без соли, картошка, яйца и кусок хлеба. Кроме того, с шаманом обязательно клали спички и палочку, которой он камлал.

Различий в захоронениях между утопленниками (*суга тушкан*), самоубийцами (*понуль турень*) и умершими естественной смертью в ходе экспедиций нами не отмечено. Людей, не вернувшихся с охоты, ждали в течение 3 дней, а затем приглашали шамана для камлания. Если человека не находили, то могилу не копали.

В то время, пока умершего хоронили, женщины, оставшиеся в деревне, готовили пищу к поминальной трапезе (*ульхан*). Обязательной ритуальной пищей были блины (*плинесайчлар*) и кисель. Если семья была бедной, то на поминальный обед соседи приносили свою еду. Сначала за стол садились мужчины, затем женщины и только после них дети. Последними ели родственники покойного. Каждый гость должен был попробовать все блюда и только потом встать из-за стола.

На сороковой день (*абыс комныр*) устраивали поминки, на которых обязательно присутствовал шаман. Он окуривал веткой можжевельника все комнаты дома и провожал душу умершего.

Таким образом, в настоящее время старшее поколение кумандинцев еще сохраняет память о традиционной семейной обрядности, которую можно реконструировать, опираясь на материалы по обрядам жизненного цикла соседних таежных групп Алтая (туба, челканцам, шорцам). При этом следует отметить, что некоторые обряды и обычаи, возникшие под влиянием православия и пришлых групп населения (русских и др.), сейчас воспринимаются как исконно присущие кумандинцам.

Литература

1. Славнин В. Д. Очерк представлений о браке и свадебной обрядности у чедыберов // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Барнаул: АзБука, 2005. С. 71–91.

Е. А. Болотова

Брак у русских Солтонского района Алтайского края в военные и послевоенные годы (гендерный анализ проблемы)

Великая Отечественная война привела к сокращению числа мужчин – потенциальных партнеров для брака, что повлекло за собой нарушение гендерного равновесия в этом отношении. Информаторы рассказывают следующее. А. И. Солохеева 1934 г. р.: «Я вот даже помню, с нашей деревни молодых ребят, молоденьких вовсе забирали, сама-то я небольшая еще была. Вот они ни один не вернулись», А. И. Воронова 1927 г. р.: «...Сколько похорон приходило. У меня вот два брата, на одного похоронка, а другой без вести, и никто не попользовался имя... Ну, молодые выходили, конечно, замуж. Тогда их тоже мало было, и в армию брали, и все, не хватало мужиков»¹.

Т а б л и ц а 1
Общее количество браков по годам

Год	Количество браков	Год	Количество браков	Год	Количество браков	Год	Количество браков
1939	75	1942	28	1945	83	1948	75
1940	73	1943	30	1946	127	1949	100
1941	68	1944	56	1947	119		

Данные подсчитаны автором по Актовым записям о браке Солтонского района (1939–1947 гг. – Кислогольский, Солтонский, Сузопский, Макарьевский сельские советы, 1948–1949 гг. – Кислогольский, Солтонский, Макарьевский сельские советы).

Традиция русских крестьян Алтая в начале XX в. устанавливала возрастную границу вступления в брак для девушек до 20 лет у переселенцев и до 25 у старожилов. В предвоенные годы эта тенденция сохраняется. В военные и послевоенные годы уменьшается возраст брачующихся, число вступивших в брак до 20 лет возрастает с 5,3% до 20,6% у мужчин и с 14,6% до 53,5% у женщин; встречались 16–17-летние как невесты, так и женихи. До 67,7% мужчин и 87,9% женщин заключали браки до 26 лет против 43,9% и 58,6% довоенного периода (табл. 2). В результате возросла конкуренция между женщинами, и увеличилась вероятность приобретения статуса «старой девы» девушками, не успевшими до войны приобрести на себя роль жены. В группе риска оказались женщины 1920–1923 г. р. А. Н. Антропова, 1919 г. р., рассказывала по этому поводу: «У нас в Павловке девок 7–8 остались не замужем. А вот в войну... девкам по 22, надо уж рожать, замуж выходить, а война четыре года. Если ей перед

¹ В работе использованы материалы из личного архива автора.

Т а б л и ц а 2
Возрастной состав брачующихся, %

Год	Возраст вступающих в брак, лет															
	До 20		20–25		26–30		31–35		36–40		41–45		46–50		От 51	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
1939	2,6	14,6	37,3	44,0	18,6	10,6	14,6	10,6	6,6	9,3	9,3	4,0	8,0	6,6	2,6	4,0
1940	5,3	12,0	38,6	45,2	17,3	15,0	11,0	9,6	11,0	6,8	4,1	4,1	4,1	5,3	6,6	2,6
1941	20,6	29,4	27,9	42,6	30,9	16,2	5,9	2,9	7,3	1,5	1,5	1,5	4,4	1,5	2,9	2,9
1942	14,3	53,5	39,3	28,5	17,8	14,3	10,7	3,8	10,7	—	—	—	—	—	7,1	3,8
1943	13,3	30,0	40,0	43,3	20,0	6,7	10,0	10,0	3,3	6,7	10,0	—	—	3,3	3,4	—
1944	12,5	22,4	55,2	65,5	13,8	3,4	3,4	1,7	6,9	—	—	1,7	—	1,7	5,2	1,7
1945	13,2	13,2	43,4	61,4	22,9	10,8	4,8	8,6	8,6	1,2	—	1,2	2,4	1,2	8,6	4,8
1946	11,8	18,1	36,2	60,6	30,7	9,4	13,4	10,2	3,9	3,9	2,3	0,8	2,3	1,5	5,5	3,1
1947	11,7	18,5	46,2	57,1	23,5	14,3	9,2	5,9	4,2	1,7	1,7	0,8	—	1,7	3,3	—
1948	4,0	16,0	56,0	52,0	14,7	16,0	6,7	6,7	8,0	4,0	1,3	—	5,3	—	—	2,7
1949	12,0	16,0	40,0	45,0	15,0	15,0	11,0	7,0	6,0	7,0	1,0	1,0	4,0	—	3,0	—

войной 22, да война 4 года, это 26, вот эти и остались. А подросли — какой 18-летний 26-летнюю возьмет».

Претерпели изменение нормы брачного выбора, к мужчинам стали предъявляться меньшие требования на «брачном рынке» в плане их происхождения, здоровья, равного с невестой материального положения, возраста или этнической принадлежности. В поле брачного выбора женщин чаще стали включаться мужчины, традиционно считавшиеся женихами «второго сорта»: вдовцы, разведенные (табл. 3), калеки, представители других этносов. Увеличилась доля вторых, третьих и даже четвертых браков (табл. 4). В Солтонском районе, имеющем достаточно пестрый этнический состав населения, доля смешанных браков составляла в предвоенные годы 5–6%. В отдельные военные и послевоенные годы она увеличивалась до 9–13%, причем женщины заключали смешанные браки в среднем в 2 раза чаще, чем мужчины (табл. 5). Общественное мнение в этом вопросе стало более лояльным, о чем свидетельствуют высказывания информаторов: «А тогда чё, мужиков-то не было, ну, они и рады были...» (Новожилова М. Д., 1930 г. р.).

Часто любовь как критерий выбора партнера оттеснялась на задний план необходимостью иметь в доме «хозяина» или хозяйку. Жительница с. Макарьевка рассказывала: «...Одному-то как жить... Какой там к черту любовь. Я первый раз вышла, а его в 41-м забрали, я здесь намучилась, в войну, до 18 лет всех забрали, одни бабы остались, какая тут любовь —

Т а б л и ц а 3
Семейное положение брачующихся, %

Семейное положение	Год										
	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
Вдов/девица	–	4,1	1,5	7,1	–	3,4	–	–	0,8	–	2,0
Вдов/разведена	–	1,3	1,5	–	–	–	–	–	–	–	–
Вдов/вдова	2,6	6,8	5,9	3,8	–	6,9	3,6	4,7	2,5	6,6	3
Разведен/разведена	–	1,3	1,5	–	–	–	–	–	–	–	–
Разведен/вдова	1,3	–	–	–	3,3	1,7	–	0,8	0,8	–	–
Разведен/девица	–	1,3	1,5	–	3,3	5,1	–	2,3	0,8	1,3	–
Холост/разведена	2,6	1,3	1,5	–	3,3	1,7	3,6	1,5	–	–	1
Холост/вдова	1,3	–	1,5	3,8	–	1,7	4,8	2,3	–	2,6	4

он пришел с трудармии, куда-нибудь толкнуться... Нравился – куда там, хромой был... Родители меня замучили, у меня ребенок... Им бы меня куда-нибудь сбазлать» (Антропова А. И., 1919 г. р.).

Даже к началу 1950-х гг. ситуация изменилась мало: например, А. И. Солохеева, 1934 г. р., вышла замуж в 1954 г. по совету своих родных, мотивируя это тем, что «отца-то не было уже. Тогда плохо жили, думали, с мужиком легшее будет». Как видим, позиция брака как традиционного своеобразного средства приспособления женщины и мужчины к жизни в сельской среде в исследуемый период несколько усиливается.

Женщины, которым не удалось примерить на себя роль жены, старались реализовать хотя бы роль матери и любовницы. Это ослабило традиционные представления русских крестьян о браке как о структуре, организующей сексуальную жизнь человека и деторождение. Общественное мнение проявляло в этом отношении лояльность в связи с аргументами, оправдывающими подобное поведение, считавшееся в русской традиции девиантным. По этому поводу респонденты высказываются следующим образом: «Ой, полно народили... Они после войны родят да именины делают. Плясать пойдут... У нас приходил Семен, у него у пятерых были дети. Стань их обсуждать – „Ха, вы счастливые, до войны нарожали, а мы должны без детей жить“... У нас много было девок застарелых, у меня золовка двоих родила» (Антропова А. И., 1919 г. р.). Или: «У нас тут одна родила, дак его сразу на улицу понесли, а так-то надо маленько скрываться... от чужого мужика, стыдно вато маленько» (Смирнова А. М., 1913 г. р.).

Мужчины, имея большой выбор и востребованность у противоположного пола, не всегда могли устоять перед соблазном внебрачных связей.

Т а б л и ц а 4
Количество повторных браков, %

Брак по счету	Год										
	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
Первый	88,4	82,7	80,9	78,4	66,7	73,6	80,8	87,4	92,5	89,4	90
Второй	10,6	17,3	17,6	17,8	26,7	22,4	18,0	12,6	6,7	10,6	10
Третий	—	—	1,5	3,8	3,3	—	1,2	—	0,8	—	—
Четвертый	—	—	—	—	3,3	—	—	—	—	—	—

Т а б л и ц а 5
Национальный состав брачующихся, %

Характер брака	Год										
	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
Моноэтнические	94,7	93,2	97,1	89,3	90	94,9	86,8	91,4	91,6	98,7	92
Смешанные	5,3	6,8	2,9	10,7	10	5,1	13,2	8,6	8,4	1,3	8
Оба русские	92,0	91,8	94,1	85,7	90	91,4	80,8	87,4	89,1	96,0	87
Русский/другой этнос	4,0	4,1	1,5	3,8	—	1,7	3,6	2,3	3,3	—	3
Русская/другой этнос	1,3	2,6	1,5	7,1	10	3,4	9,6	5,5	5,0	1,3	5

Многие «погуливали» от жен, как говорят в деревне, и к незамужним, и к «солдаткам», как называли солдатских вдов (Воронова А. И., 1927 г. р.). Бывали и случаи, когда заключенные до войны браки распались из-за того, что люди после долгой разлуки менялись, становились чужими друг для друга.

Война наложила отпечаток и на саму структуру свадебного обряда. Возможно, она стала последней каплей, приведшей к исчезновению и без того упрощившейся после коллективизации традиционной русской свадьбы. Информаторы следующим образом описывают собственное заключение брака: «Это сейчас — регистрация, гулянья, но свадьбы делали, а вот регистрироваться я не помню чтоб ходили» (Солохеева А. И., 1934 г. р.), «После войны какая там свадьба. Пиво маленько варили и посидели, и вся свадьба» (Новожилова М. Д., 1930 г. р.), «Какой свататься?.. Да у нас никакой свадьбы не было, просто сошлись, и всё... А рожаться стали — надо уже регистрироваться» (Русакова Т. В., 1929 г. р.), «Мы убежали замуж, убегом, а потом уж на другой день пошли на прощание к имя. К тятю» (Воронова А. И., 1927 г. р.). Как наиболее устойчивый элемент сохраняется сватовство невесты, только уже в «скудном» варианте.

В военный период сокращается и собственно число зарегистрированных браков. Если в 1940 г. было заключено 75 браков, то в 1942 г. — 28, хо-

тя в последние два года войны эта цифра стала увеличиваться (см. табл. 1). Регистрация брака в исследуемый период вообще считалась необходимой только при рождении ребенка.

Таким образом, в военные и послевоенные годы наблюдалось нарушение традиционного гендерного равновесия, проявившееся в изменении брачных норм, снижении требований к мужчинам как брачным партнерам, росте конкуренции между женщинами. Значение брака как института организации сексуальной жизни и деторождения ослабло.

А. П. Бородовский

Технология изготовления лодок-долбленок на севере Верхнего Приобья

Технология изготовления долбленых лодок известна с эпохи неолита и существует по меньшей мере 6–8 тысяч лет. Для северной части Верхнего Приобья наиболее древние свидетельства существования лодок-долбленок относятся к эпохе позднего средневековья. При исследовании курганной группы Кротово-15 (Сузунский район Новосибирской области) Е. А. Сидоров обнаружил два захоронения в лодках-долбленках [1, с. 245, рис. 98, 1, 2].

Начиная с XVIII в. для верхнеобского региона появляются письменные свидетельства изготовления лодок-долбленок. В отписке томского воеводы Григория Петрово-Соколова от декабря 1708 г. говорится, что «томчане русские люди, чатские татаровя и белые выезжие калмыки в летнее и осеннее время в урочищах Таволганских лесов и по рекам Ине и Берди для звериного, хмелевого и лодочного промысла» [5, с. 18].

В Целинном районе Алтайского края в окрестностях с. Победа известна находка лодки-долбленки, изготовленной из соснового бревна. Лодка была обнаружена в правобережной пойме р. Чумыш при впадении р. Повелянки в оз. Родионово [4, с. 16, 41, рис. 13]. По мнению А. Л. Кунгурова, этой лодкой пользовались шорцы или первые русские переселенцы Причумышья.

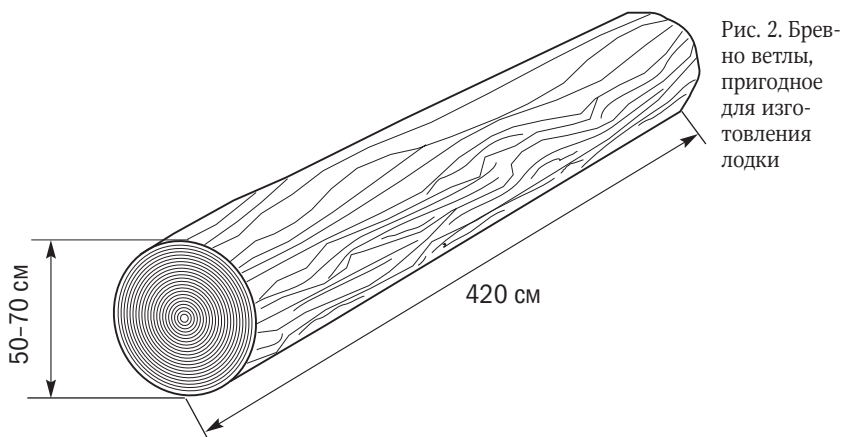
В Новосибирской области в с. Юрт-Акбалык Кольванского района, на территории компактного проживания потомков томских (эуштинских) татар и переселенцев рубежа XIX–XX вв. из Татарстана, до сих пор сохранилась традиция изготовления лодок-долбленок. В целом ряде сел Обского левобережья (Чаус, Умна, Красный Яр), на границе Кольванского района Новосибирской области и Кожевниковского района Томской области (Батурино Чилино, Базой) можно встретить такие транспортные средства (рис. 1) [2, с. 26–29; 3, с. 8]. Они хранятся внутри хозяйственных

Рис. 1. Ареал распространения лодок-долбленок

дворов жилых построек, на улицах, у заборов, при входе в усадьбу, а также непосредственно на р. Уени в местах рыбного промысла. Если лодка длительное время не используется, то она хранится перевернутой вверх дном на краю первой надпойменной террасы р. Уень, если используется, то часто располагается вверх дном непосредственно на береговом склоне рядом с водой, а весло помещается под ней. В зависимости от количества человек рядом с лодкой находится одна или две доски-сиденья.

По словам местных жителей, раньше практически каждый мужчина с. Юрт-Акбалык с подросткового возраста был способен изготовить себе такую лодку. В настоящее время в селе осталось несколько мастеров, которые делают лодки-долбленки для себя и на продажу. Среди них Рафик Шафирович Мавлютов, 1938 г. р., Юрий Галимзат (прозвище «Каза-

чок») 1954 г. р., Галимзан Шакирович Газизов, 1937 г. р.; его внук, 26 лет от роду, также владеет технологией этого промысла, племянник Гумар Мавлютов около 50 лет обучался мастерству у деда, начиная с 14 лет, в 15–16 лет сам стал изготавливать лодки; Александр Викторович Ибрагимов, 1985 г. р., с 15 лет помогал отчиму в изготовлении лодок.

В широкой обской пойме на берегах р. Уень в теплое время выбирается ветла, ствол которой составляет обхват рук взрослого человека. Весьма нежелательно внутреннее кольцевое расслаивание дерева по его структуре. Несколько фрагментов таких заготовок находилось рядом с домом Р. Ф. Мавлютова около уже готовых лодок-долбленок.

На создание лодки уходило около недели, включая выбор дерева, его транспортировку и сам процесс изготовления. В качестве сырья для лодки использовалась толстая ветла, в толщину на 20–30 см больше обхвата рук взрослого человека (рис. 2), поиск которой был достаточно непростым делом. Ее выбирали зимой или летом около берегов Оби или на ее островах. Дерево требовалось плотное, однородное, без сучков и внутренних трещин. Как правило, все такие деревья росли далеко от деревни, и эта проблема решалась двумя способами: изготовлением полуфабриката лодки на месте заготовки, а затем перевозом его в деревню, либо транспортировкой бревна ветлы необходимых размеров в деревню. По берегам р. Уень ветел, пригодных для изготовления лодок, найти было нельзя, потому что ветлы здесь отличались большим количеством веток, стволом с трещинами и небольшими размерами. Только у р. Обь росли высокие ветлы, из которых можно было изготовить до двух лодок. Поскольку средняя длина готовой лодки составляла 4,2 м, исходная высота дерева должна была составлять более 10 м. При выборе дерева учиты-

вась еще несколько качеств. Кора у него должна быть «прямой», т. е. с равномерным вертикальным узором рельефа. Если же кора была «вертанутая» (наклонный рельеф и рисунок), то дерево не использовалось, поскольку при долблении лодка могла лопнуть. Кроме того, кора должна быть совершенно здоровой и без трещин.

Изготовление лодок начиналось в конце марта – апреле. Если заготовка была привезена в деревню, работы велись во дворе усадьбы. Для изготовления использовался ряд инструментов: топор и 2–3 тесла («бальзя» по-татарски), которыми последовательно углубляли полость будущей лодки. Инструменты использовали в порядке увеличения кривизны их лезвия. На заключительном этапе обработки для выравнивания стенок использовался топор с загнутыми под углом внутрь краями.

Одной из самых ответственных операций была разметка (рис. 3). Для этого на бревне-заготовке шнуром отмечалась осевая промерная. От концов заготовки откладывалось внутрь бревна по 60 см, затем от этой точки на двух краях откладывалось в разные стороны по 5–6 см. В центре заготовки откладывался аналогичный размер, и весь контур соединялся шнуром в виде «восьмеркообразного» очертания с приостренными краями. После разметки носовые края лодки подрубались топором, и начиналась разметка шпонками-чопиками для контроля равномерности толщины стенок лодки при ее выдалбливании. Шпонки-чопики изготавливались из пробкового корьевого слоя «тирек» (тополя, ольхи?), найти которое в настоящее время достаточно сложно. В настоящее время мастеру известно только одно дерево, растущее в окрестностях деревни. Для шпонок заготавливали толстый слой коры и распиливали его на тонкие брусочки, из которых выстругивали округлые шпонки размера 18 × 9 мм. Затем их закрепляли в корпусе в отверстиях, сделанных

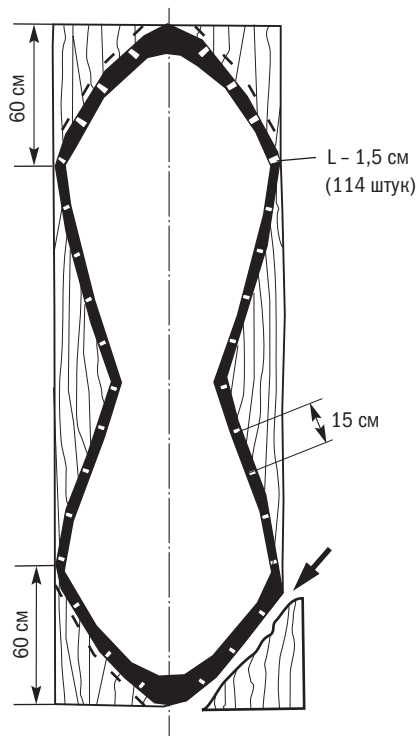

Рис. 3. Разметка лодки-долбленки

желобчатым сверлом, которое прорезало древесину, а не рвало ее, как сверло обычного типа. Среднее количество чопиков в одном ряду – 10 штук, общее их количество – до 126. Расстояние между рядами около носовой части составляло 15 см, ближе к корпусу – 30 см. Длина чопиков – 2,5–4 см, диаметр – 0,6–0,8 см; у хантов этот стандарт соотносится с длиной фаланги пальца взрослого человека.

На дне лодки, на расстоянии, выбираются крепления для шпангоутов. Они представляют собой два выступа с пазом. Размеры и изгиб шпангоутов зависят от местоположения детали в лодке: в центральной части размеры больше, а изгиб меньше; ближе к носу лодки их размеры уменьшаются, а изгиб увеличивается. Разведение бортов лодки после окончания выдалбливания производится горячей водой.

Глубина лодки в готовом состоянии составляет 30–40 см, ширина в центральной части – до 93 см. В носовой части устанавливается металлический штифт для транспортировочной и крепежной цепи. Значительная ширина лодок-долбленок в с. Юрт-Акбалык в сравнении с хантыйскими «асиновками» и «кедровками» свидетельствует о том, что они рассчитаны на озерно-проточный тип водоемов. Действительно, для открытой обской поймы нет необходимости изготавливать узкие лодки, с которыми удобно передвигаться с реки на реку в плотных лесных районах.

В целом за последние 300 лет лодочный «промысел» хотя и сохранился в северной части Верхнего Приобья, но несколько изменил географию своего распространения. Еще в первой половине XX в. лодки-долбленки изготавливались, по данным Льва Викторовича Рудакова, на юге Новосибирского Приобья в с. Усть-Алеус. В настоящее время этот населенный пункт находится в верхней части Новосибирского водохранилища. Будущие полевые исследования позволят уточнить территорию распространения в Верхнем Приобье этого промысла.

Литература

1. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск–Омск, 2000. 256 с.
2. Бородовский А. П. Традиционное природопользование и промыслы Таволгана (особенности археолого-этнографического наследия) // История и культура Сибири в исследовательском пространстве. Новосибирск: Из-во Новосибирск. гос. пед. ун-та, 2004. С. 26–29.
3. Бородовский А. П. Лодки Таволгана // Наука в Сибири. 2005. № 5 (2491). С. 8.
4. Кунгуров А. Л. Археологические памятники и находки Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2005. С. 5–41.
5. Уманский А. П. Дело о «заповедном торге» томских служилых людей на телеутской меже в начале XVIII в. // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири. Барнаул, 1994. С. 18–20.

А. М. Бирюков

Обработка и хранение полевого этнографического материала с применением информационных компьютерных технологий

Развитие информационных технологий обуславливает широкое применение компьютерных технологий в различных сферах научной и профессиональной деятельности. Способы обработки и преобразования информации постоянно совершенствуются, что позволяет разрабатывать новое программное обеспечение, отвечающее современным запросам.

В последнее время оцифровкой архивных материалов и организацией доступа к ним активно занимаются национальные архивы ряда стран, что имеет целью совершенствование информационной среды науки и образования [1]. Но существует проблема консервативности: зачастую историки отказываются от нового инструментария, считая, что их задачам отвечает и более старая технология, и тем самым упускают возможность повысить эффективность своей работы [2]. Однако опыт автора как этнографа позволяет сделать вывод, что использование компьютера необходимо при изучении не только традиционной истории, но также и этнографии. Цель настоящей статьи – представление возможных вариантов применения компьютерных технологий в обработке этнографического материала: фото-, аудио-, видео- и анкетных данных.

Для работы над полевым фотоархивом рекомендуются программы для просмотра графических изображений. Наиболее распространены ACDSee и Infra View. Остановимся на возможностях первой из них, программе, разработанной компанией ACDSee Systems¹. Изображение, полученное с помощью цифрового фотоаппарата или сканера, представляет собой графический файл. Никаких комментариев, кроме названия, даты создания снимка, марки аппарата (если это поддерживается производителем), он не содержит, потому очень важно делать полевые фотографии аннотированными. Преимущество программы ACDSee заключается в контекстном меню: имеется возможность переименовывать фото, делать аннотации. При последующем хранении необходимо вместе со слайдами помещать на компакт-диск исходный установочный файл программы, чтобы аннотации были доступны и в случае работы на компьютере, где она не установлена.

Обработку и хранение этнографических аудиоматериалов подразделяем на два этапа, если изначально информация записана на нецифровом носителе (аудиокассете). Для преобразования аналогового сигнала в цифровой можно использовать программу компании RealAudio Com-

---

¹ <http://www.acdsystems.com/products/acdsee>.

ponents – Acoustica MP3 audio Mixer v. 2.42¹. Эта интуитивно понятная программа требует от пользователя только базовых знаний о цифровом звуке и позволяет переносить звуковую информацию на компьютер с сохранением результата в формате wav, MP3.

Как известно, звуковые файлы имеют немалый объем, поэтому разработчики всего мира стремятся создать алгоритм, позволяющий максимально уменьшать их размеры, не теряя качества звучания. Наряду с кодеками типа MP3 существуют кодеки, работающие без потерь (lossless-кодеки). Один из наиболее удачных среди них – Monkey's Audio (www.monkeysaudio.com). Алгоритм, заложенный в основу формата Monkey's Audio, способен обеспечить уменьшение размера wav-файлов в среднем на 30–50%. Более того, по заявлениям разработчика, в некоторых случаях может достигаться трехкратное и более сжатие. При этом не происходит никаких потерь качества по сравнению с файлом-оригиналом, более того, сохраняется дополнительная служебная информация. Фактически это полноценный архиватор, обладающий рядом преимуществ перед своими традиционными конкурентами типа WinRAR: более высокой степенью сжатия и скоростью работы, возможностью воспроизведения сжатых файлов-архивов, поддержкой информационных тегов (подобно формату MP3) с вытекающей из этого возможностью создания удобных в использовании и сортировке звуковых архивов [3].

Несомненным плюсом формата Monkey's Audio и соответствующей программы-кодера от разработчика формата является их бесплатный статус.

Оцифровку этнографических видеозаписей можно выполнить с помощью Ulead Video Studio, Pinnacle Studio. Эти программы имеют функцию записи исходного варианта на оптические носители (CD, DVD). Простота интерфейса и работа в программе методом plug & play потребует от исследователя только основных знаний по работе с видео.

Следует отметить важность качества носителей. В последнее время специалистами обсуждалась проблема малого срока службы компакт-дисков, под сомнение была поставлена целесообразность их использования для записи архивных материалов. Однако после продолжительных опытов и обсуждения были выработаны требования, нарушать которые не рекомендуется: 1) использование CD только гарантированного производителя; 2) качественное аппаратное обеспечение (CD/DVD-RW), наиболее подходящее – устройства марки Plextor; 3) недопустимость хранения дисков в горизонтальном положении при соприкосновении рабочих поверхностей.

---

¹ <http://www.acoustica.com>.

Чаще всего при полевых исследованиях этнографы используют анкетный сбор материала. В работе с ним возникают трудности следующего плана: трудоемкость статистической обработки данных, необходимость помнить много разнородной информации, громоздкость большого количества бумажных анкет при хранении и др. Для решения проблемы можно использовать технологию ЕГЭ как способ обработки формализованных бланков с помощью программного продукта ABBYY – Form Reader (ЕГЭ, 2003). Проект анкеты, отвечающей требованиям данной методики, приведен ниже. Анкета обрабатывается системой оптического распознавания документа (OCR). Полученный результат можно передать в базу данных, к примеру Fire Bird. В дальнейшем исследователь при необходимости делает любую выборку из материала.

Таким образом, необходима организация творческих коллективов или лабораторий, в которых с участием программистов создавались бы программы, ориентированные на исторические исследования, так как использование коммерческих продуктов не всегда эффективно в силу того, что они направлены на решение широкого круга задач и не учитывают специфики материала. Важно разработать полные инструкции к единицам хранения цифровой информации и довести процесс до стандартизации системы. При разработке технологии обработки анкет особое внимание следует уделить системе оптического распознавания документа, тем более что отечественные технологии являются лидирующими в мире.

Логика развития исторической информатики XXI в. требует усиления внимания специалистов к разработке новых алгоритмов, программных средств и информационных технологий, обусловленных специфической методик исторических исследований и исторического образования.

Анкета по национальному самосознанию

1. К какой национальности Вы себя относите

(Отметьте крестиком)

- Татары
- Сибирские татары
- Кряшны
- Казанские татары
- Крымские татары

Другое

Заполнить галерею или калитерной ручной ЧЕРНЫМИ чернилами ЗАГЛАВНЫМИ ПЕЧАТНЫМИ БУКВАМИ по следующему образцу:
А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0
А В С D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z .

Образец анкеты, предназначенной для компьютерной обработки

Литература

1. Бородкин Л. И. Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: Тр. IX конф. ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимировой. М.; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 7–21.
2. Иванов А. С., Варфоломеев А. Г. Технология XML как инструмент компьютерного источниковедения (на примере формулярного анализа документов приказного делопроизводства) // Там же. С. 241–281.
3. Таналин М. Monkey's Audio. Сжимаем звук без потерь. <http://www.tanalin.com/articles/monkeysaudio> (5.10.2004).
4. Единый государственный экзамен: Сб. норматив. док. М., 2003. 416 с.

Ю. С. Воеводина

Война глазами женщин и детей: по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г. в Шелаболихинский район

В последнее время получило широкое распространение такое направление исторической науки, как военно-историческая антропология, по определению являющаяся междисциплинарной областью исследований и включающая в себя историю, психологию и даже культурологию. При всей многоплановости, пожалуй, главным ее стержнем является историко-психологическое исследование, которое показывает войну как явление, формирующее особый тип человеческого сознания, создающее феномен «человека воюющего», для более глубокого раскрытия мотивации и поведения людей в экстремальных условиях «военного лихолетья». Таким образом, это направление является прежде всего «человеческим измерением войны».

Одним из основных направлений в полевых исследованиях является изучение жизни села в годы Великой Отечественной войны. В последнее время комплекс собранных устных источников по этой тематике позволяет выделить в качестве самостоятельного предмета исследования проблему «война глазами женщин и детей». Эта проблема разрабатывается автором в контексте гендерной истории.

Великая Отечественная война занимает большое место в воспоминаниях жителей Алтая. Война как «всеобщая беда» оставила глубокий след и в сознании жителей Шелаболихинского района, именно поэтому в собранных во время ИЭЭ 2005 г. материалах так много упоминаний о ней.

По данной теме было проведено 54 интервью с представителями русского старожильческого населения. Группы информаторов включали: 1) детей, рожденных с 1933 по 1935 гг. 2) подростков 1926–1928 г. р.; 3) взрослых, рожденных ранее 1925 г.

В настоящей статье предпринята попытка анализа отдельных аспектов жизни женщин и детей сельской местности в годы Великой Отечественной войны, в том числе хозяйственной деятельности, бытовых условий и досуговой жизни жителей села в 1941–1945 гг.

Прежде всего информаторы отмечают, что в результате боевых действий в армию были призваны практически все мужчины: остались «женщины, женщины и дети, да и старики немощные» [1], «Нет, в то время кто у нас из мужчин были» [2], «...В последнее время вторую половину 27-го года [1927 г. р.] брали, а с 26-го [1926 г. р.] всех поубивали» [3]. В связи с этим женщинам пришлось осваивать традиционно мужские профессии, такие как тракторист, учетчик, бригадир или даже председатель колхоза: «Был тракторист Кринина Ивана Родионовна, Емельянова Валя, Дудина Ира. Они на „Беларусах“ работали, тогда „Беларусы“ были без кабин. Ой, слякоть всё. А Пирогова Анна на „ЧТЗ“ работала» [1], «Я... там учетчик... была, а Анна Мальшева, она... заправщиком...» [1].

Времени для обучения трактористов, комбайнеров, шоферов на МТС практически не было. Женщины говорят: «...Обучали-то нас недолго. Показали, и иди работай» [2]. Вследствие слабого владения техникой, тяжелого труда, жесткого режима, требующего напряжения всех физических сил, нередко были несчастные случаи. Об одном из них рассказала бывшая трактористка Ф. Н. Шевелева: «...А трактор-то колесник. ...Видно, задремала, нога соскользнула на серьгу, вот меня и потащило этим боком, а Фимка Ворсина, бригадир, даже в больницу не пустила» [2]; «Один раз распорол мне ногу. Женщины травы всякой нарвали, вот так и лечилась» [1].

Из рассказов видно, что вся хозяйственная деятельность лежала на женщинах: они «пахали, сеяли, убирали, отрабатывали зерно, отправляли... на государство, потом пахали зябь... готовили землю к весенней посевной» [5]. Особенно запомнились им дни выездного полевого сезона на бригадах, когда они уезжали из деревни на весь период пахоты, сева или уборки. Эту информацию хорошо представляют респонденты, рожденные до 1925 г. Так, Евдокия Федоровна Гребнёва рассказывает: «Вот стояла избенка там. Молодые сделают из плах нары... Напротив столовая была, а в проходе покрыли и под этим навесом находились» [2].

В условиях военного времени в бригадах существовала жесткая трудовая дисциплина, что подчеркивают все респонденты: «...Послал нас бригадир поскань держать, а утро-то, роса... и уснули, а бригадир увидел и не дал обедать. Издевались, кто как хотел. Вот так и работали» [2].

Но даже несмотря на тяжелые условия быта, информаторы тепло вспоминают совместную жизнь на бригаде, с ее шутками и курьезными

случаями: «...Сами идем мыться, а мальчишки возьмут нас в бане подопрут... они наберут в дизельный насос воды холодной – и в это окошечко. Мы там, по этой бане, не знаем, в какой угол бежать» [1].

В Шелаболихонском районе в военной жизни женщин была своя специфика. Она состояла в том, что достаточно большой процент жителей района был занят на лесозаготовке и лесосплаве. В условиях военного времени объемы заготовок были значительными, а трудоспособных мужчин оставалось крайне мало. Существует единственное упоминание о том, что «на побегушках» [4] был занят ребенок 12 лет. Женщины в лесоповале не участвовали, но выполняли все сопряженные с ним работы: «...Женщины – и повара, и лес плавил, мужиков-то мало было, война» [5], «...Бабы, ну, вот которые уже взрослые, те... катали их, эти бревешечки, в воду. А которые были поваром, которые банщицей, ну, кому как придется» [7].

Рассказывая о жизни в военные годы, нельзя не упомянуть о бытовых условиях. Сохранились достаточно яркие воспоминания информаторов, связанные с санитарной культурой села, особенно у группы людей 1933–1935 г. р., возможно, оттого, что эти воспоминания являются для них основными о военных годах, так как им было по 8–10 лет: «...Знаете, какие вши нападали... на солнце вылезут, и по подушке лазют. Я собирала, а он [брат] их гирькой давил» [2].

Женщины рассказывают о больших проблемах, связанных с личной гигиеной и санитарией: «...Ехать-то с бригадой неохота домой, одеться-то не во что» [1], «...Вот меня послали в Барнаул, а у меня ни плавок, ни штанов, ни рейтуз не было» [2], «...А одежды никакой. В отцовской шапке, в материнской шубенке и рваные валенки» [2]. В связи с этим нередко были даже случаи обморожения: «...Пока доехали... у нас от мороза вот все ноги полопались, вот как ножом порезаны» [2].

Но наиболее тяжелая обстановка складывалась с продовольственным снабжением из-за реквизиций в армию. О голоде вспоминают все информаторы. Вот одно из типичных воспоминаний: «С 41-го по 45-й вообще на траве жили. Вот мать сварит картошку... а она как клей. Суп вот варили с медунок... А потом идут почки, шкиры. Весной по полям ходили... колоски собирали. В общем, незнамо чем питались» [2]; «Нам даже отходы давали, но все равно не хватало. Голодом все ходили» [6].

Вместе с тем жители деревни старались отмечать праздники или победы на фронте. По воспоминаниям респондентов, даже «в неурожай 42-го и 43-го» [2] они устраивали праздничный стол, который отличался от будничного разнообразием блюд и наличием спиртных напитков: «Они вот из картошечки, из свеклы какую-нибудь там самогончку сде-

лают. Напарят тыквы, нарежут капусты, растительным маслом польют, картошечки там круглой наварят, этой окрошечки сделают. Ничего больше-то и не видели» [2].

В женских интервью проявилось и обращение к вере: «...В войну особенно отмечали вот Пасху» [2].

Праздничные дни запомнились, прежде всего тем, что женщин иногда отпускали из бригад: «...В бригадах жили... с весны и до зимы до глухой, а как только праздник сделают, то домой сразу бежишь» [2].

В условиях военного времени праздники не являлись выходными днями. Поэтому большинство информаторов отмечают: «...Какие праздники – работали только, а праздников-то мы не видали» [6].

Иные события и фрагменты военной жизни отмечают информаторы, бывшие в годы войны подростками. Их память избирательна. Особенно оживленно они вспоминают об играх: «третий лишней», «бабки», «шесть палочек». В памяти людей сохранились не только названия игр, но и подробное их описание. Особое место занимают воспоминания о хороводах и песнях, которые сопровождали женскую работу. Для подростков особенно была важна атмосфера, созданная песнями и танцами, которая давала им уверенность в завтрашнем дне и радость: «Хороводы водили, песни пели. В бригаду едут... они [колхозницы] от дома и до самой бригады песни поют. И вечером тоже, хоть как устали, будут петь до самого дома песни» [2], «В войну доярки выходят вечером коров доить, спют песню, а только потом под корову идут» [2].

Информаторы помнят не только о голоде, налогах, труде «круглые сутки» [2], но и о том, и они особенно это подчеркивают, что человеческие отношения строились на взаимопомощи, отзывчивости, единстве всех жителей села: «...Недоедали, и голы, и босы... а жили как-то вместе...» [2], «Если вот у человека в нашем колхозе какое-то горе, мы помогали чем могли друг другу» [2], «Да, всем селом плакали над похоронкой. И старались чем-то помочь, и словами, и у кого что. Ой, господи, одной ведь семьей жили» [6].

Таким образом, по предварительному анализу, учитывая тематическую направленность приведенных интервью, можно сделать ряд выводов. Среди наиболее запоминающихся черт прошлой жизни сельские жители называют голод. Как средство борьбы с тяжелыми условиями труда в Шелаболихинском районе отмечена досуговая деятельность жителей. Наконец, воспоминания о войне показали, что общенациональное горе способствовало усилению взаимопомощи, взаимовыручки, сохранению оптимизма. Необходимо обратить внимание также на особенности воспоминаний по группам респондентов для периода Великой

Отечественной войны: «дети» лучше вспоминают санитарные условия жизни, «подростки» — досуг, а «взрослые» — хозяйственную деятельность.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево). Кассета № 121. Панова Анна Фатеевна, 1922 г. р.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский р-н, с. Макарово). Кассета № 80. Гребнева Евдокия Федоровна, 1926 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский р-н, с. Иня). Кассета № 94. Карпов Владимир Семенович, 1937 г. р.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский р-н, с. Иня). Пройдакова Нина Ивановна, 1936 г. р.,
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево) Петухова Валентина Филимоновна, 1927 г. р.
6. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево) Мартынова Екатерина Константиновна, 1920 г. р.

Е. В. Гальских

Перспективы изучения повседневной истории горожан в советскую эпоху по устным источникам (на примере истории семей татар)

Научно-исследовательский проект «Этническая мозаика Барнаула», связанный с изучением истории и культуры народов Барнаула, и сбор устных источников по этой тематике позволяет определить некоторые возможные перспективы изучения и городской этнографии, и более широких исторических тем.

Работа в городе отличается своей спецификой: прежде всего большей закрытостью людей, их нежеланием раскрывать свою семейную историю, этнические корни перед профессионально заинтересованными людьми. Возникает некоторая настороженность, боязнь публикации какой-то негативной информации. Так отреагировали при попытке установить контакты представители казахской и алтайской общин. Но есть и другие примеры: руководители татарской культурной автономии с пониманием отнеслись к целям и задачам проекта, проявили большую заинтересованность в его результатах. Эта автономия существует уже более десяти лет, ведет большую общественную и культурную работу среди татарского народа, издает газету «Алтайские татары». Они подготовили для нас списки татар г. Барнаула, определили наиболее интересных информаторов, а также координаторов работы.

Осенью 2005 г. нами было проведено пять интервью, по результатам которых уже можно сделать некоторые наблюдения и выводы.

Интервью проводилось с информаторами 1920–1930-х г. р., почти все они родились уже здесь, в Барнауле, а потому плохо помнят историю переселения своих предков. Но семейная память сохранила главную причину переезда — *голод*. Из-за голода, охватившего Поволжье в 1900 г., приехали в Барнаул бабушка и дедушка Амины **Габайдуловны** Захитовой (Бикмайкиной), 1922 г. р. Голод 1921 г. заставил переселиться в Алтайский край в Косихинский район, с. Кантошино, родителей Амины Яруловны Панченко (Хамидулиной), 1930 г. р., — выходцев из д. Яруллы Казанской губернии. Голод 1930–1933 гг. явился причиной переезда из Москвы в Барнаул к родственникам семьи Софьи Сабировны Рахимовой, 1931 г. р.

В связи с голодом возникают многие исторические сюжеты.

В 1921–1922 гг. умерли от голода и болезней первая жена отца и муж матери А. Я. Панченко, которых они очень любили. В свое время отец украл любимую девушку по ее согласию из родительского дома. А мама вопреки воле родителей убежала к любимому (надо отметить, это было исключением из правил). От первых браков остались дети, надо было выживать, и сердобольные соседи позаботились об обоих: привели мать Амины к ее отцу и сказали: «Вот, тебе, Ярулла, жена». Так появилась новая семья, родились общие дети (шесть человек) — в 1930 г. Амина Яруловна.

В 1930–1931 гг. голод переживали и барнаульские семьи. А. Г. Захитова вспоминает, как в соседнем доме умирала от голода мать шестерых детей, русская женщина, и ее мама-татарка пыталась спасти ее, подкармливая лепешками из жмыха.

Детство Амины Бикмайкиной пришлось на 1920-е гг. — *годы нэпа*. Она хорошо помнит своего отца — удачливого коммерсанта, торговавшего галантерейными товарами. В семейном альбоме сохранились фотографии этого периода, свидетельствующие о зажиточности дома: кашемировые и шелковые платья жены и сестры хозяина, костюм-«тройку» коммерсанта, модные наряды детей. Дом был хлебосольным, собирал в праздничные дни до 30 гостей (на ул. Анатолия, 55). К праздникам готовились, украшая стол всевозможными яствами. Интересно, что русских и татарских друзей приглашали отдельно, но исключительно из-за языкового барьера: в своем кругу татары предпочитали говорить на родном языке.

В 1929 г. нэп закончился, Габайдулла прекратил торговлю, потому что, как объясняет Амина Габайдуловна, резко повысили налоги, торговать стало невыгодно. Но предприимчивый татарин вступил в *артель однолошадников* и смог безбедно обеспечить свою семью, держа при этом еще и свое хозяйство (корову, двух коз, индюков, лошадей).

Семья А. Г. Захитовой. Фото из семейного архива. 1910 г.

Одним из ярких и трагических сюжетов может стать, конечно, *тема репрессий*. Так, в 1938 г. отца Амины Габайдулловны арестовали по 58-й статье, обвинив в посещении мечети, а через полгода расстреляли. Семью выгнали из дома, Амину исключили из школы. Могли ли тогда простые люди противостоять системе, как выстраивались их взаимоотноше-

Семья А. Г. Захитовой-Бикмайкиной. Фото из семейного архива. 1928 г.

ния с властью? Рассказ А. Г. Захитовой подтверждает, что могли. Спасала взаимовыручка. Одна соседка, русская женщина, сообщила семье, что налоги на дом продолжают приходить в их почтовый ящик, другая, судья по профессии, составила заявление в органы ОХО НКВД о незаконности выселения семьи Бикмайкиных. И дом им вернули. Еще один сосед позаботился об Амине, устроив ее на курсы счетоводов, а потом в артель «Скороход», где она выросла впоследствии до начальника планового отдела.

А вот с. Кантошино Косихинского района, где жила семья Хамидулиных и еще 20 татарских семей, волна репрессий обошла стороной. В их деревне никто не пострадал, несмотря на то, что отец, окончив еще до революции медресе, фактически исполнял обязанности муллы, иронически относился к собраниям, даже сочинял частушки по этому поводу.

Тема войны неизменно звучит в каждом рассказе информаторов.

Семья Бикмайкиных, оставшись во время войны без кормильца, не бедствовала. Мама устроилась поваром в детский сад, Амина уже работала товароведом, возглавляла отдел снабжения в «Многопромсоюзе»,

А. Г. Захитова (Бикмайкина).
Фото 1975 г.

выполнявшем спецзадание для фронта. Но горе еще раз полоснуло их. В 1943 г. под Сталинградом погиб брат Амины, добровольцем ушедший на фронт. Похоронка на мужа пришла ее сестре. А вслед за этим умерли две ее маленькие дочки, 3 и 1,5 лет. Сестра ослепла от горя.

В семье Хамидулиных на фронте погиб муж сестры Амины, братья остались живы. Но выживать приходилось с трудом, семья была самой бедной в деревне. Из-за голода приходилось пропускать занятия в школе, не было обуви. Как только снег растает, ребятишки бегали босиком, лапти носить стеснялись. «У одного школьника появились ботиночки, — вспоминает А. Я. Панченко, — так военрук приказал

ему „разбуться“, чтобы не оттоптать ноги другим». Первые ботинки достались Амине, когда американцы оказали гуманитарную помощь СССР и она дошла до их села. В доме не было постельного белья, спали летом на полу, зимой на полатах, укрываясь дерюжками. Но родители прививали детям любовь к спорту: в доме были шашки, лыжи, коньки и даже самая дорогая вещь — велосипед.

Описание *повседневной жизни*, быта каждой исторической эпохи — сегодня одно из самых перспективных направлений в исторической науке. В этой связи может быть затронута тема *медицинского обслуживания* населения в разные исторические периоды. Так, в 1920-е гг. в зажиточной семье Бикмайкиных у жены была своя акушерка. В 1924 г., когда наконец-то родился долгожданный мальчик — седьмой по счету ребенок, муж попросил врачей сделать так, чтобы жена больше не рожала. В то же время еще достаточно высокой была детская смертность: у Бикмайкиных из семерых детей в раннем детстве умерли четверо.

Одной из интересных тем может быть тема *развития образования и школы*, пионерской, комсомольской организаций в советский период. На примере семейных историй можно проследить: как менялся обра-

зовательный уровень от поколения к поколению, какое влияние школа, советская идеология оказывали на формирование будущей личности. Так, отец А. Г. Захитовой (1883 г. р.), был совершенно неграмотным, мама (1894 г. р.) умела читать только по-арабски. Их дети уже окончили семилетнюю школу и получили среднее специальное образование: одна дочь окончила платный акушерско-фельдшерский техникум, другая – курсы счетоводов. Что касается их внуков, то они имеют высшее техническое образование.

Интересно, что Амина Габайдулловна один год училась, как она говорит, в «аспиринской» школе (скорее всего школа эсперанто), где обучение шло на латинском языке. Но учитель постоянно бил вертлявую девочку линейкой по рукам, и отец перевел ее в обычную школу (первую образцовую).

У А. Я. Панченко мама была неграмотной, отец окончил арабскую школу – медресе, сама Амина – 7 классов и педагогическое училище, один ее сын – медицинский институт, другой – радиотехнический техникум, внуки имеют высшее образование. Амина Ярулловна воспомина-

А. Я. Панченко (Хамидулина). Фото 2005 г.

ет, что большое влияние на нее оказала учительница начальной школы, которая научила их правильно говорить и правильно мыслить.

Будучи верующими людьми, татары не запрещали своим детям вступать в пионерскую и комсомольскую организации. Говорили: «Как течет река жизни, дети, так вы по ней и идите». Амина знала, что отцу не нравится ее красный галстук, и она из уважения к нему дома его прятала. Но так увлеклась пионерским движением, что после окончания педучилища несколько лет работала пионерской вожатой, была награждена значком «Лучший вожатый ЦК комсомола».

Отдельным сюжетом может стать *трудовая биография*, отношение к труду в советскую эпоху каждого из информаторов, или *история организации, учреждения*, где они работали. А. Г. Захитова вспоминает, что когда ее в 22 года назначили управляющей крупной снабженческой организацией «Многопромсоюз», она от перенапряжения сил стала разговаривать во сне. Работая затем в крайпотребсоюзе, А. Г. Захитова была неоднократно награждена медалями, почетными грамотами. За успехи в труде знаком «Отличник народного образования» награждена А. Я. Панченко. Это поколение очень гордится своими трудовыми успехами, своей созидательной деятельностью. Амина Ярулловна Панченко, например, и сегодня, в свои 75 лет, занимается патриотическим воспитанием школьников 10–11-х классов в своей школе в пос. Южном, рассказывая детям о *трудовых подвигах и буднях* поколения 1950–1970-х гг.

Очень интересные материалы мы получили непосредственно по *истории татарской семьи*: создание семьи, количество детей в семье (людность семьи), внутрисемейные отношения, положение женщины в семье.

Все информаторы отмечают, что традиционно в татарских семьях родители выбирали жениха или невесту своим детям без их согласия, предварительно познакомившись с их семьями. И только самые передовые (как, например, мама А. Я. Панченко) осмеливались убежать из дома и выйти за любимого человека либо «умыкали» приглянувшуюся невесту, но не всегда даже по ее согласию — как отец А. Г. Захитовой. Подговорил Габайдулла свою сестру пригласить девушку в гости, напоил ее чаем, уложил спать и уже сонную привез к себе в дом. Ответила бы она ему отказом в присутствии своих отца и братьев — лишился бы Габайдулла головы. Но пожалела его Галяме и прожила с ним всю жизнь.

В советское время молодые татары в основном сами выбирали свою будущую «половину». Появились смешанные браки, заключенные по любви. Так, Амина Хамидулина вышла замуж за русского — Василия Панченко, несмотря на неодобрение этого брака ее матерью. А вот Ами-

на Бикмайкина, чтобы угодить маме, вышла замуж за татарина Аляма Захитова, практически не зная его. Современное же поколение татарских молодых людей (дети и внуки информаторов) в Барнауле принимают самостоятельные решения, это уже в основном смешанные браки, в которых не делается акцент на национальности.

Внутрисемейные отношения в татарской семье строились на подчинении старшим и уважении к ним: матери, отцу, старшим братьям и сестрам. С. С. Рахимова отмечает это даже как особенность национального характера татар, в отличие от русских. *Положение женщины в семье* было скорее партнерским, мужа относились к женам с уважением, полностью доверяя им ведение хозяйства, финансовых дел, воспитание детей. Так, С. С. Рахимова считает, что в их доме главой семьи была мама; ее слово, распоряжения были для всех законом. У А. Г. Бикмайкиной главой семьи был, по ее мнению, отец. Но финансами распоряжалась мама, она же торговала вместо него в лавке во время его служебных командировок. Очень уважительными были отношения между отцом и матерью в семье А. Я. Хамидулиной, где каждый старался сделать для другого максимум возможного. В свою очередь, жены поддерживали авторитет отца в семье.

Вообще, *история женской судьбы*, повседневной жизни женщины, женский взгляд на общественное и политическое развитие страны, участие женщин в исторических событиях — то, что сегодня называется *гендерным направлением* в исторических исследованиях, — является очень актуальным.

Сохранение национального самосознания, языка, веры, особенности этнопсихологии, национальной культуры — этот уже собственно этнографический сюжет освещался нашими информаторами достаточно ярко. Все они гордятся своей нацией, хорошо знают татарский язык, правда, только разговорный, и научили языку своих детей (внуки языка уже не знают, поскольку растут в смешанных семьях), все они люди верующие, исполняют мусульманские обряды. Большинство татар, чтобы приспособиться к русскоговорящей среде, особенно в советское время, когда, по меткому выражению С. С. Рахимовой, «не было национальностей, а был советский человек», давали себе и своим родителям русские имена: так, Амину Габайдулловну звали среди русских Ниной Андреевной, ее маму Галяме — Галей и т. д. Но были и такие, кто не хотел менять своего родного имени. Среди них Амина Ярулловна Панченко. В детстве ребяташки звали ее Зиной, но став взрослой, она стала отстаивать чувство собственного достоинства, что проявилось и в ее решении называться исключительно Аминой Ярулловной. Работая учитель-

ницей начальных классов, она писала на доске свое труднопроизносимое для детей отчество и разучивала его с ними по слогам.

Среди традиционных обрядов, описанных информаторами, наиболее полно были освещены похоронный и свадебный. К сожалению, условия городской жизни мало способствовали сохранению в татарских семьях предметов национальной одежды, особенностей быта, но память, фотографии запечатлели целый ряд деталей, по которым можно воссоздать особенности национальной культуры татар, проживавших и проживающих в Барнауле. А вот национальная кухня, ее рецепты по-прежнему передаются из поколения в поколения.

В целом на основе проделанной работы можно заключить, что изучение повседневной жизни горожан, их семейных историй, различных исторических тем и сюжетов является очень перспективным направлением для сектора устной истории Барнаульского педуниверситета.

Т. А. Гориявчева

Национально-культурная автономия татар Барнаула: история создания и деятельность (по устно-историческим источникам 2005 г.)

В рамках межвузовской программы «Народы Алтая: история и культура»¹ в 2005 г. сотрудниками и студентами исторического факультета проводились исследования по истории образования национально-культурной автономии татар (НКАТ) г. Барнаула. В октябре-ноябре 2005 г. были опрошены люди, стоящие у истоков образования НКАТ и члены татарской общины – Зуфар Латыпов, Акзам Мусин, Амина Ярулловна Панченко. С помощью Закира Закиевича Сагитова и Софьи Сабировны Рахимовой были установлены контакты с татарами Барнаула, собран материал по этническим традициям татар, их возрождению и сохранению. Для работы с информаторами были подготовлены вопросники (авторы – канд. ист. наук Е. В. Гальских и Б. Б. Пушкарев).

Автором в ходе устноисторических исследований был собран материал по истории образования НКАТ. Работа с информаторами показала, что в настоящее время бурно идет процесс консолидации представителей разных народов, увеличивается интерес к своей культуре, растет национальное самосознание, поэтому данная тема в настоящее время весьма актуальна. Вместе с тем опрос информаторов выявил много спорных вопросов и проблем, которые будут решаться при дальнейшем изучении НКАТ.

---

¹ Руководитель – д-р ист. наук Т. К. Щеглова.

В настоящее время в Барнауле создаются различные национально-культурные объединения, центры этнической культуры, увеличивается число фольклорных коллективов. Эта деятельность закреплена законодательно. В мае 1996 г. Государственная Дума приняла закон «О национально-культурной автономии», который был одобрен Госсоветом 5 июня 1996 г.

Национально-культурная автономия татар официально была зарегистрирована в Управлении юстиции Алтайского края 10 марта 2005 г. Но начало процессу консолидации положила история общины татар, образовавшей барнаульское общество мусульман «Магди» («Возрождение»). У его истоков стояли З. Латыпов, А. Мусин, А. Я. Панченко, А. С. Аминов, Р. Мухаметов. Главную роль сыграл Р. Мухаметов, который после переезда в Томск передал дела З. Латыпову. З. З. Сагитов говорит по этому поводу: «Подобрались активные люди – З. Латыпов, А. Мусин и другие люди, которые собирались, решали, как собрать в единую общину татар, мусульман») [1].

Главной задачей татарского мусульманского общества стало строительство мечети в г. Барнауле. Старая мечеть была закрыта в 1930-е гг., ее здание было приспособлено под жилые помещения. Общество «Магди» во главе с З. Латыповым, по словам информаторов, обращалось в различные инстанции с просьбой вернуть здания мечети и татарской школы, как они говорят, вплоть до Президента, но результатов это не дало. В 1995 г. предприниматель А. С. Аминов выкупил место в районе улицы Северо-Западной и начал строительство мечети, в котором принимали участие представители разных этнических групп мусульман Барнаула. Строительство мечети послужило толчком к возрождению национальной культуры. По мнению З. З. Сагитова, заместителя председателя совета НКАТ, «нельзя разделить культуру и религию. Есть такое выражение татарское (в переводе): „Мой язык – моя религия“. Так возник культурный центр «Дулкын» («Волна»), который существует и сейчас под руководством С. В. Закировой. В результате противоречий в татарской общине от «Дулкына» отделился фольклорный ансамбль «Дуслар» («Друзья»), который вошел в НКАТ, а ансамбль «Дулкын» стал независим от НКАТ.

Большую роль в развитии культурной и религиозной жизни татарской общины играет Республика Татарстан. В Конституции республики (ст. 14) говорится об оказании помощи татарам, проживающим дисперсно на территории России, поэтому в российских регионах организуются совместные с Татарстаном предприятия. Так, в Барнауле создан торговый дом «Алтай–Татарстан». Его задачей является материальная и мо-

ральная поддержка татар. Барнаульские татары активно занимаются изучением своей истории и культуры, проявляют особый интерес к прошлой жизни татар на Алтае. По сведениям З. З. Сагитова, в их истории выделяются 3 периода [1].

Первый период относится к началу XX в., его считают наиболее благоприятным, так как существовало единое сообщество компактно проживавших в Барнауле татар, было две школы и мечеть. Во второй период (1945–1980-е гг.), связанный с формированием «советского человека», связи и традиции были утеряны. И лишь в начале 1990-х гг. на волне активизации национального самосознания произошло переосмысление ценностей. Сначала татары объединились в рамках мусульманской общины «Магди», затем она была преобразована в культурный центр, и в 2005 г. была юридически оформлена НКАТ.

В настоящее время НКАТ имеет свою печать и счет в банке. Высший орган управления – собрание, которое проводится 2 раза в год. Имеется руководящий совет, во главе которого стоит А. С. Аминов (директор торгового дома «Алтай–Татарстан»). У него есть два заместителя, решающих организационные вопросы: З. З. Сагитов, С. С. Рахимова. Члены совета отвечают за различные секторы: культурный сектор – Нурсида Акбаева, сохранение языка – А. Я. Панченко, сектор работы с молодежью – Ренат Баширов, религиозное воспитание – Зуфар Латыпов, художественное оформление – Рафаил Сайфулин. С образованием НКАТ стала выпускаться газета «Алтайские татары» (редактор – З. З. Сагитов). Она выходит раз в полгода. Газета носит светский характер, отражает наиболее важные проблемы алтайских татар, освещает интересные события из жизни барнаульских татар, праздники.

Основные цели автономии – возрождение и сохранение национальной культуры, привлечение молодежи, сохранение татарского языка (создана воскресная школа в мечети), подготовка и проведение культурно-массовых мероприятий, а также активное участие в жизни города и края. На сегодняшний день автономией запланирован и проведен ряд мероприятий, среди них круглый стол на тему «Алтайские татары: традиции и современность», фестиваль татарской песни, национальный праздник «Сабантуй» и др. В задачи НКАТ входит не только решение национально-культурных проблем, но и оказание помощи членам татарской общины.

Наряду с успехами НКАТ выявился ряд новых задач и проблем, причем характерных не только для татар, но и для других этнических групп. Среди них информаторы называют создание Дома дружбы; наличие в краевой администрации представителя, занимающегося нацио-

нальными вопросами; более полное освещение в СМИ деятельности НКАТ. В связи с этим один из руководителей НКАТ Закир Сагитов рассказывает о равнодушии СМИ: «В период проведения конференции „СМИ против экстремизма“ не были задействованы ни краевое телевидение, ни алтайская краевая газета, а что говорить о других национальных вопросах!» По мнению лидера татарской общины, эти проблемы могут решаться только в условиях взаимодействия представителей различных национальностей и властных структур, а также соблюдения прав национальных меньшинств [1].

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Барнаул, 2005. Кассета № 3. Сагитов З. З., 1965 г. р.

Н. С. Грибанова

Итоги историко-этнографической экспедиции 2005 г. в Шелаболихинский район Алтайского края

Очередная XVI историко-этнографическая экспедиция БГПУ в рамках исследовательской программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» (руководитель — д-р ист. наук Т. К. Щеглова) проходила 1–14 июля 2005 г. в Шелаболихинском районе. В работе экспедиции приняли участие 25 человек, в том числе студенты первого-четвертого курсов, магистранты и аспиранты БГПУ.

Основными целями экспедиции являлись:

- проведение краеведческой практики студентов первого курса исторического факультета;
- изучение историко-культурной среды района;
- формирование источниковой базы и пополнение архива лаборатории исторического краеведения БГПУ устными источниками, фото- и видеоматериалами;
- сбор материала для этнографической коллекции историко-краеведческого музея БГПУ.

Исследовательская работа в экспедиции была построена по уже традиционной схеме: формирование малых групп (4–6 человек) для работы в селах одного сельского совета [1]. В результате были обследованы все 10 сельсоветов района, включающие 21 село.

Основным методом сбора исторической и этнографической информации являлся устный опрос. В течение полевого сезона было записано 257 интервью у представителей различных этнических и этнографических групп (русских, в том числе потомков кержаков, чалдонов, «российских» и «хохлов»; украинцев, немцев, мордвы, казахов). Возрастной кри-

терий при выборе респондентов был одним из ведущих, поэтому большинство информаторов 1910–1949 г. р.

Тематическую направленность полученных источников определила программа исследования, охватывающая различные аспекты истории сельских населенных пунктов, этнической истории, традиционной и современной культуры народов Алтайского края. Для реализации программы было подготовлено методическое пособие «Изучение историко-культурного наследия села» (Барнаул, 2005 г.), включающее программы, вопросники, анкетные листы, а также список отчетной документации и методические рекомендации по ее подготовке.

В связи с комплексным характером экспедиции практически каждое интервью содержит информацию исторического и этнографического характера.

При анализе полученных этнографических источников заметно преобладание материала по духовной культуре: так, наибольшее количество интервью (49) было собрано по семейной обрядности (родильно-крестильной, свадебной и похоронно-поминальной). В связи с возрастом респондентов удалось зафиксировать обрядность не ранее чем со второй четверти XX в. Тем не менее источники позволяют выявить значительные различия в обрядности представителей разных этносов и этнокультурных групп русского населения, а также проследить ее изменения на протяжении XX в.

39 интервью было получено по теме «Семья и семейные традиции», что позволит рассматривать такие аспекты, как традиции воспитания, взаимоотношения членов семьи, этические и религиозные нормы. Особый интерес представляют семейные истории, раскрывающие на примере конкретной семьи организацию хозяйства и быта, семейные устои и нравственные ценности изучаемого времени. Значителен материал и по другим аспектам духовной культуры: о праздниках получено 21 интервью, о мифологических представлениях крестьян – 11, о досуге и развлечениях – 8 и т. д.

Как показал наш опыт, наиболее затруднителен в настоящее время сбор устных источников по материальной культуре. Так, о традиционной одежде и обуви получено 4 интервью, утвари – 2, средствам передвижения – 2. Причина, на наш взгляд, очевидна – трудность описания по памяти предмета при его отсутствии. Еще большие проблемы вызывает в ходе опроса реконструкция производственных процессов.

Хозяйство и трудовые традиции освещены в 45 интервью. В ходе исследований была выявлена специфика хозяйственной деятельности населения приобских сел (Новообинцево, Шелаболиха, Кучук, Иня), свя-

Музей истории с. Селезнево

занная со значительным развитием рыболовства в форме частного и артельного промысла. Кроме того, особое расположение с. Инья между притоком Оби р. Иней с одной стороны и лесом с другой, отсутствие пашенных земель вблизи населенного пункта, обилие заливных лугов стали основой для формирования хозяйства животноводческой и промысловой направленности. Весьма интересен материал о занятиях населения се-

Ворота.
С. Иня, 2005

ла, связанных с лесом: охоте, сборе ягод и грибов, деревообработке, лесосплаву – на протяжении XX в.

Взаимоотношения и совместное проживание в населенных пунктах Шелаболихинского района старожилов (чалдонов, кержаков) и переселенцев («российских», «хохлов») обусловило наличие уникального лексического материала. В частности, было отмечено одновременное употребление респондентами лексики северорусского и южнорусского говоров, сохранение в бытовой речи традиционной хозяйственной терминологии. Удалось также восстановить по воспоминаниям убранство крестьянского жилища начала XX в. с названиями конструктивных деталей, мебели, утвари.

Параллельно с устным опросом участники историко-этнографических экспедиций ежегодно с 1998 г. проводят анкетирование по специально разработанным анкетам «Изучение этнического самосознания русских», «Изучение формирования жилой среды».

Изучение архитектурной среды населенных пунктов и традиций жилищного строительства является одной из приоритетных тем полевых исследований. В ходе экспедиции не только проводились опросы, но и были составлены паспорта на жилые дома (49 шт.), представляющие интерес как образцы крестьянской архитектуры конца XIX – первой половины XX в.

Одной из географических особенностей района является обилие небольших притоков Оби, по берегам которых были основаны первые деревни. Однако частые разливы рек послужили причиной переноса мно-

гих населенных пунктов района на более высокие места, что отразилось на планировке и застройке современных сел (Киприно, Селезнево, Иня), а также явилось причиной почти полного отсутствия в них архитектуры XIX в. Наиболее интересные образцы крестьянской жилой архитектуры начала XX в. сохранились в селах Шелаболиха, Крутишка, Кучук (изба), Сибирка (пятистенки), не затронутых частыми паводками. Вместе с тем многие сохранившиеся жилые дома в силу значительной перестройки не могут быть включены в перечень памятников крестьянской жилой архитектуры. Особенностью района является сохранение саманных и насыпных каркасных домов. Промышленная архитектура сохранилась значительно лучше, в частности здание мельницы в с. Шелаболиха. Образцов культового зодчества в исследуемых селах не зафиксировано.

Одной из целей экспедиции был сбор вещественных материалов по традиционной культуре народов, проживающих на территории Шелаболихинского района, и пополнение этнографической коллекции ИКМ БГПУ. В итоге в музей поступило более 60 предметов: орудия труда (пила, веретена, рубель, валеки, грабли, ножницы для стрижки овец и др.), керамическая и деревянная утварь, одежда, предметы быта и декоративно-прикладного искусства (вышитые шторы, наволочки, полотенца, кружево). Значительный интерес представляет коллекция, переданная жительницей с. Киприно Г. С. Суховой, включающая 15 предметов, принадлежавших бабушке и деду дарительницы (2 женские рубахи из домотканого конопляного и льняного холста, 2 орнаментированных полотенца, конопляное волокно и холст, 2 шали, коромысло, а также ножницы, подкова, грабли кустарного производства). Краеведом Леонидом Павловичем Горейавчевым передан на хранение в музей личных архив.

О работе историко-этнографической экспедиции подготовлены две публикации: в районной газете Шелаболихинского района [2] и в «Алтайской правде» [3]. Полученные источники наряду с материалами предшествующих экспедиций составят уникальную базу для изучения истории и культуры народов Алтайского края.

Литература

1. Щеглова Т. К. Сельская историко-культурная среда Верхнего Приобья: современное состояние, перспективы изучения и пути сохранения // Русские старожилы: Материалы III Сибирск. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск–Омск, 2000. С. 444–447; Щеглова Т. К. Сектор этнографии и устной истории лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета (ЛИК БГПУ): итоги и перспективы // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2005. С. 162–181.

2. Грибанова Н. С., Кидяева Г. В. «Россейские» и «хохлы» // Знамя Советов. 2005. № 61. 3 авг.
3. Микуров О., Каспришин А. Уходящая натура // Алтайская правда. 2005. № 317. 3 нояб.

Л. М. Дмитриева

Языковая региональная система Алтая как объект полевых исследований

В последние годы в России много говорят и пишут о необходимости реформирования всей системы высшего образования, а на высоком уровне ведется поиск путей такого реформирования. «Технизация», «коммерциализация» жизни и узкая специализация образования в стране привели к общеязыковому кризису, коснувшемуся и высшей школы. Глубокое владение русским языком и безупречная грамотность уходят из студенческой среды. Российским вузам нужна национальная программа образования, необходима комплексная программа повышения лингвокультурного уровня будущих специалистов.

Критерии оценки знания студентов в области языка и культуры — знание фактов, географических районов, исторических дат, формирование представлений о праздниках, традициях и народных мотивах, знание русского языка, его истории, поскольку в изучаемом языке концентрируется все культурное образование, имеющее обязательный характер. В связи с этим считаем необходимым представить в виде проблемных материалов комплекс сведений об особенностях полевого исследования языковой региональной системы Алтая.

Изучение языковых пространств отдельных населенных пунктов представляется весьма перспективным: они обладают общими признаками — единым набором словообразовательных средств, общими устойчивыми семантическими признаками, набором общих когнитивных моделей.

Большой интерес для общего языкознания, теории культуры и региональной лингвистики представляет описание и изучение устной речи носителей народных говоров небольших языковых коллективов. Народные говоры, или диалекты, как и всякий язык вообще, являются средством общения между членами определенного исторически сложившегося коллектива на определенной части территории. Они первичны по отношению к литературному языку, и их истоки коренятся в сознании народа. Связь языка с народным сознанием может быть выявлена прежде всего при изучении языкового пространства отдельной микросистемы. Под языковой микросистемой мы понимаем всю совокупность языко-

вых явлений (в широком понимании), которая зафиксирована в пределах одной микросистемы. Для сельской местности такой микросистемой является, как правило, один населенный пункт.

В настоящее время русская топонимическая система Алтая состоит более чем из полутора тысяч микросистем. Функциональная характеристика их разнообразна, различия обусловлены национальным составом (русские, украинцы, немцы, алтайцы и др.); географическим положением (степная зона, лесостепь, лесная, горная местность). Особенности микросистем зависят и от времени заселения. Территория Алтая благодатна в этом отношении – диапазон более 200 лет (историки традиционно выделяют несколько этапов русского заселения Алтая: начало XVIII в. – начало XX в.).

Изучение языкового регионального материала складывается из двух этапов: теоретического осмысления и практического закрепления. В теоретическом плане изучение русской диалектологии – это знакомство с языковыми особенностями (в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики) территориальных разновидностей русского национального языка – русских народных говоров, представляющих собой результат исторического развития русского народа и его языка. В процессе изучения курса диалектологии важно научиться из множества явлений, характерных для русских народных говоров, выделять основные, наиболее типичные, регулярные для определенной группы говоров (на территории Алтайского края, в частности, – говоров старожилов и новоселов).

Закрепление полученных знаний проводится в работе над образцами живой разговорной речи, записанными в фонетической транскрипции во время диалектологической практики, позволяющей непосредственного общаться с диалектоносителями, записывать и самостоятельно осмысливать собранный материал. Во время летней диалектологической практики студенты филологического факультета Алтайского государственного университета изучают русские народные говоры в естественных условиях. Цель этой практики – закрепить теоретические знания по диалектологии, овладеть навыками полевого сбора диалектного материала, анализа этого материала.

Диалектологическая практика ставит перед студентами две основные задачи.

1. В условиях непосредственного общения с носителями диалекта студенты должны выработать навыки изучения живой речи: а) умение слушать диалектную речь, улавливать особенности произношения информанта; б) записывать речь при помощи фонетической транскрипции; в) обрабатывать полевые записи и картографировать материал;

г) анализировать, интерпретировать и обобщать языковые факты; д) получить навыки работы по лингвистическому краеведению.

2. Всесторонне изучив говор одного населенного пункта или нескольких близлежащих селений, студенты должны получить квалифицированные записи диалектной речи, объективно отражающие языковые явления разных уровней диалектной системы – фонетики, словообразования, морфологии, синтаксиса, лексики и фразеологии.

Учебная практика по диалектологии в Алтайском государственном университете проводится в конце второго года обучения в течение 2 недель, ее базой являются различные районы Алтайского края, ежегодно определяемые кафедрой общего и исторического языкознания. Собранные в экспедиции материалы приобретают ценность научного источника и могут быть использованы в научной работе студентов и преподавателей. Основным методом сбора диалектного материала – беседа с информаторами, которых надо тщательно выбирать. Это могут быть лица из местного населения, чьи предки уже жили в данном населенном пункте, – люди и преклонного, и среднего возраста, и даже школьники, если они живут в семьях, представляющих традиционный говор.

В ходе диалектологической практики в 2004/2005 учебном году студенты 2-го курса филологического факультета провели обследование языковой региональной системы Алтая в районах: Бийском, Завьяловском, Заринском, Змеиногорском, Каменском, Красногорском, Красношековском, Кулундинском, Мамонтовском, Михайловском, Первомайском, Поспелихинском, Ребрихинском, Родинском, Рубцовском, Солонешенском, Тальменском, Троицком, Угловском, Усть-Пристанском, Шелаболихинском, Целинном – и 10 поселках (Борзовая заимка, Бельмесево, Владиха, Гоньба, Ерестной, Землянуха, Казенная Заимка, Лебязье, Мохнатушка, Моховая поляна) г. Барнаула. В ходе практики студентами филологического факультета был собран материал в количестве 5 тысяч диалектных единиц, оформленный сплошными языковыми контекстами в текстотеку (64 тетради) и словарную картотеку. Часть материала записана на аудиокассеты. Выявлен и зафиксирован достаточный лексический материал, отражающий различные уровни региональной языковой системы Алтайского края (опрошено 142 информанта). Большая часть работ представляет собой скрупулезно собранную, правильно оформленную информацию в сопровождении рисунков и фотографий.

Сбор полевого диалектного материала студентами-филологами АлтГУ ведется в нескольких направлениях.

1. В диалектных текстах представлены особенности восприятия и осмысления мира жителями сибирского региона, что дает возможность

выявить структурирующие фрагменты языкового сознания, определяемые географическими, культурными, социальными условиями жизни. Высказывания, понимаемые нами как языковое отображение когнитивной картины мира, ценны прежде всего своими пояснительными контекстами, информативность которых достаточно высока. Та или иная лексическая единица всегда окружена ассоциативным фоном, несущим информацию об окружающем лингво- и историко-культурном пространстве. В устной истории Алтая, истории повседневности отражаются особенности регионального менталитета и сохраняются фрагменты исторического сознания жителей города. Именно воспоминания старожилов являются той сокровищницей, которая сохраняет региональную историю и культуру в современных условиях. Необходимость фиксации подобного материала совершенно очевидна: бурно развивается жизнь, и с уходом из нее старшего поколения, естественно, забываются исторические факты, памятные места и слова, их обозначающие. Нельзя не считаться с тем, что многие события, сохранившиеся в народной памяти, не зафиксированы ни в каких исторических документах.

2. В ходе летней практики 2005 г. собран материал, позволяющий изучить не только лексические элементы языковой системы Алтайского края в их связях и отношениях, но и языковую региональную личность – выяснить ее когнитивные и номинативные стратегии, мотивацию практической и языковой деятельности. Это стало возможным потому, что студенты не только собирали материал по традиционным вопросам, но и работали с использованием новой методики сбора материала, в центре которой – фиксация не столько разрозненных сведений, сколько цельного дискурса языковой региональной личности. Именно по данным такого материала можно восстановить геоморфологические условия жизни человека, социокультурные доминанты личности, ее языковые и отчасти психологические характеристики – т. е. параметры, позволяющие очертить портрет языковой личности региона.

3. Лексикографическое описание территориальных говоров также давно является актуальной задачей русского языкознания. Актуальность этой работы повышается с каждым днем, ибо словари в наши дни стали сокровищницей, которая сохраняет языковую культуру в условиях интенсивного иноязычного, особенно англоязычного, влияния на письменный язык. Словарь отражает народную картину мира, существующую в сознании носителей русских говоров на Алтае, дает представление об обычаях, обрядах, верованиях, нравственных идеалах.

4. Сбор материала для программы «Лексического атласа русских народных говоров» предполагает неоднократные беседы собирателя с раз-

ными информантами на одну и ту же тему. Это обусловлено как многозначностью многих диалектных слов, так и сосуществованием в диалектной речи полных и частичных синонимов, относящихся к наименованиям лексико-тематических объединений слов. При наличии в говоре нескольких синонимов следует выяснить, различаются ли члены синонимического ряда стилистически, а также своей сочетаемостью и частотностью в речи. Большинство вопросов «Атласа» построено по принципу «от значения к слову». Ответы на подобные вопросы требуют не только приведения отдельных лексем определенного значения, но и примеров их контекстного употребления. Собранный в ходе практики по новой методике, представленной в «Программе собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров (тема: материальная культура)» материал позволяет изучить не только различные тематические группы лексики, но и элементы языковой системы Алтайского края в их связях и отношениях.

5. Немаловажную роль в формировании и экспликации региональной культуры в сознании имеют собственные имена. Топонимия, как особый слой лексики, в большей степени, нежели остальная лексика, обусловлена экстралингвистическими факторами.

Основным свойством топонимических наименований является их устойчивость, живучесть, в силу чего они служат древними памятниками, позволяющими проникнуть в глубину человеческой истории, культуры и языка. Сплошное обследование дает возможность наблюдать за жизнью топонима в системе, в связи с другими именами, встречающимися на этой же территории, во взаимодействии с ними, за функционированием топонима в определенном коллективе людей и восприятием его этими людьми. Все исследования проводятся на материале топонимических контекстов, введение которых позволяет представить функционирование имени в сознании современных жителей.

Весь языковой материал, фиксируемый во время полевых практик, зарегистрирован в картотеке диалектных слов и топонимической картотеке кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета.

Дальнейший полевой сбор материала и его анализ позволят выявить особенности языковой региональной системы на всех ее уровнях, рассмотреть региональные особенности языковой диалектной личности, исследовать более глубоко соотношение языка и культуры. Лингвистический анализ диалектных явлений конкретного региона может рассказать много интересного об истории края, о миграции населения на данной территории, о первопоселенцах.

Д. А. Дрожжецкий

Метод устной истории (из опыта работы краеведов Шелаболихинского района)

В июле 2005 г. на территории Шелаболихинского района проходила очередная комплексная историко-этнографическая экспедиция, организованная лабораторией исторического краеведения и кафедрой отечественной истории БГПУ. Направляющим документом в работе участников экспедиции является программа «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» (руководитель – д-р ист. наук Т. К. Щеглова). Программа включает в себя ряд проектов, согласно которым объектом изучения является сельская информационная среда. В рамках проекта «Краеведы-исследователи Алтая» участниками экспедиции проводится сбор материала по развитию краеведения в населенных пунктах Алтайского края. Ежегодно фонд устных источников архива лаборатории исторического краеведения пополняется новыми меморатами, содержащими интервью с краеведами, занимающимися региональной историей. В серии научно-популярных изданий «Города и села Алтая: историко-культурное наследие» (руководитель – д-р ист. наук Т. К. Щеглова) публикуются материалы об их деятельности [1]. В издаваемой с 1994 г. серии (6 выпусков) «Этнография Алтая и сопредельных территорий» сформирован раздел «Архивы краеведов» [2].

Краеведение внесло большой вклад в развитие устной истории в России. Воспоминания часто были практически единственным источником информации об истории того или иного объекта. Так, например, партизанское движение в годы Гражданской и Великой Отечественной войн было бы неизученным, если бы не собранные мемуары.

Устно-исторический источник позволяет изучать процессы, проходившие в обществе в масштабе отдельно взятого региона, населенного пункта, предприятия, организации, семьи. Используя микроподход в освещении глобальных процессов, исследователь получает возможность выделить такие аспекты жизни общества, которые невозможно осветить другим путем. Микроистория позволяет взглянуть на эти процессы с позиции рядового участника или свидетеля событий. Специфика краеведческой работы состоит именно в рассмотрении глобальных процессов, происходивших в стране, в выбранных территориальных рамках, что позволяет изучить то или иное явление или событие более детально, определить специфику этих процессов и, в свою очередь, выявить причину появления специфических черт в развитии региона.

Работа краеведов осложнялась отсутствием теоретико-методологических приемов краеведческой работы, что зачастую было связано с поч-

ти полным отсутствием литературы, как специальной, так и методологической, по выбранной теме исследования. Поэтому каждый исследователь-краевед был вынужден опираться на собственный опыт и интуицию в работе по сбору и обработке источника, в том числе устного.

Период 1960–1970-х гг. ознаменовался большим количеством юбилейных дат, связанных с Гражданской и Великой Отечественной войнами. Во многом это определило всплеск краеведческих исследований.

В Шелаболихинском районе нами был отмечен подъем краеведческого движения, который зачастую был вызван директивными решениями районной партийной организации и развивался как внутри отдела по политической пропаганде, так и в рамках школьного краеведения (при школах создавались Ленинские комнаты и музеи). Инициатива сбора источников по истории населенных пунктов района исходила также от рядовых жителей этих сел, которые с блокнотами в руках участвовали в выявлении новых источников по истории их малой родины.

Участниками экспедиции было взято 8 интервью по развитию краеведческого движения в Шелаболихинском районе, что дало возможность реконструировать историю местного краеведческого движения.

Краеведение развивалось в двух направлениях: по директивным партийным приказам и по личной инициативе краеведов. Выполнением государственных заказов руководил отдел пропаганды. Одной из его первостепенных задач в 1960–1970-е гг. был сбор сведений «о знаменитых людях» [3]. Собранный материал часто использовался для проведения занятий по патриотическому воспитанию школьников на основе местного краеведческого материала. К знаменитым людям относили Героев Советского Союза, кавалеров ордена Ленина, Героев Социалистического Труда. Отдел организовывал также встречи партизан – участников Гражданской войны на Алтае. Материал комплектовался посредством переписки с интересующими исследователя людьми (респондентами), методом опроса, а также изучения документальных источников (личных дел в военкомате, наградных документов и т. д.) [3].

Тематика материалов, собираемых по личной инициативе краеведов, определялась историей населенных пунктов и отражением в памяти местных жителей масштабных исторических процессов XX в. (Гражданская война, нэп, коллективизация и раскулачивание, репрессии, Великая Отечественная война). Наибольший всплеск внимания к истории населенных пунктов у краеведов возник к концу 1980-х гг., что, с одной стороны, объяснялось снятием цензурных ограничений на выбор многих тем (репрессии, раскулачивание), с другой стороны – появлением традиции отмечать юбилейные даты основания населенных пунктов. Ос-

новной источниковой базой для этих исследований являлось интервьюирование старожилов, поскольку письменные источники, хранящиеся в районных и краевом архивах, зачастую были недоступны.

После постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» от 1972 г. большое внимание стало уделяться повышению воспитательной функции школы. В системе учебно-воспитательного процесса значительное место отводилось экскурсионно-туристической и краеведческой работе школьников, в основу всех изучаемых в школе предметов был положен краеведческий принцип [4, с. 3]. В связи с этим увеличилось число школ и школьных музеев, занимающихся поисковой работой, в том числе сбором воспоминаний участников крупнейших событий XX в.

В 1970-е гг. происходит профилизация школьных музеев. Всего было выделено 6 их видов. Самыми распространенными в то время были Ленинские музеи (Ленинские комнаты), осуществлявшие сбор, экспонирование и пропаганду материалов о В. И. Ленине, его соратниках. Кроме того, существовали музеи революционной и трудовой славы, а также мемориальные, посвященные какому-либо деятелю партии, участнику октябрьских событий 1917 г. и Гражданской войны, Великой Отечественной войны, Героям Советского Союза и Социалистического Труда, выдающимся деятелям литературы и искусства и т. д. Событиям Гражданской и Великой Отечественной войн посвящались музеи боевой славы.

Музеи делились также на тематические, посвященные какой-либо одной отрасли знания (биология, геология, история и т. д.) и комплексные.

Кроме сбора и хранения источников, музеи использовались для проведения торжественных пионерских и комсомольских вечеров и собраний, тематических конференций. В Ленинских комнатах проходило посвящение в октябрята и пионеры. Таким образом, роль школьных музеев в проведении воспитательных мероприятий росла, увеличивалось и их количество: к 1970-м гг. по Российской Федерации оно превышало 40 тысяч [4, с. 4]. Материалы интервью в основном заносились в рабочую тетрадь краеведа стенографическим способом либо просто делались черновые пометки, что, естественно, порой приводило не только к искажению материала, полученного в результате работы с интервьюером, но и к его полной потере. Такой способ работы напоминал скорее литературный, чем научный жанр.

В несколько ином ключе работали школьные музеи. Вопросы и анкеты составлялись заранее, информатора посещали несколько школьников под руководством педагога. Интервью стенографировалось, а затем

переписывалось на чистовик; так создавался архив устной истории в школьных музеях. Интервью в основном носили характер свободной беседы с респондентом, имели направленный либо фокусированный характер, что определялось многочисленными, заранее не уточненными вопросами, указывающими только тему разговора. Главная цель такой беседы – сосредоточить внимание респондента на определенном явлении, при этом интервьюер свободен в выборе, формулировке и количестве вопросов, но собирает именно ту информацию, которая намечена планом исследования [5, с. 410].

Постепенно краеведческими изысканиями стали все больше заниматься школьники, имеющие возможность участвовать в краевых и всероссийских конкурсах по краеведению, дававших и ученикам, и педагогам возможность обмениваться опытом и получать новые методические рекомендации по сбору и обработке исторических источников.

Большой вклад в развитие школьного краеведения вносит Барнаульский государственный педагогический университет, который ежегодно проводит краевую историко-краеведческую конференцию школьников. В масштабе Российской Федерации проводится всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век», организованный международным историко-просветительским и правозащитным обществом «Мемориал» совместно с Союзом краеведов России, кафедрой региональной истории и краеведения и Центром визуальной антропологии и устной истории РГГУ.

Таким образом, в настоящее время отмечается интеграция краеведения с академической наукой, поскольку краеведческая тематика активно используется научными центрами, а накопленный годами опыт краеведов используется в академических исследованиях.

Литература и источники

1. См.: Грибанова Н. С., Панышина Н. Г. История создания историко-краеведческого музея в с. Новиково Бийского района // Бийский район: история и современность: В 2 т. / Отв. ред. Т. К. Щеглова. Т. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ. С. 86–89.
2. Архивы краеведа П. Ф. Рыженко (подготовлены и опубликованы Т. К. Щегловой) // Этнография Алтая и сопредельных территорий / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Вып. 4–5. Барнаул, 2003, 2005; Архив краеведа В. И. Сафонова (подготовлен и опубликован Н. С. Грибановой) // Этнография Алтая и сопредельных территорий / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Вып. 6. Барнаул, 2005. С. 266–267.
3. Архив ЛИК БГПУ. Фонд «История краеведения на Алтае». Материалы ИЭЭ 2005 г. в Шелаболихинском районе, с. Шелаболиха. Гостеев В. А., 1939 г. р.
4. Соколова И. В. Следопыты ведут поиск: Пособие для учителя. М: Просвещение, 1973. 208 с.
5. Пэнто Р. Методы социальных наук / Р. Пэнто, М. Гравитц. М: Прогресс, 1972. 607 с.

Д. А. Дрожжецкий, С. А. Семикин

Изучение Чарышского линейного казачества (итоги зимней экспедиции в Чарышский район 2004 г.)

На историческом факультете БГПУ наряду с комплексными экспедициями с 1994 г. проводятся тематические выезды с целью детального изучения какого-либо одного направления или даже одной темы [1]. В июле 2004 г. в Чарышском районе прошла 14-я по счету комплексная историко-этнографическая экспедиция исторического факультета БГПУ (руководитель — д-р ист. наук Т. К. Щеглова), в ходе которой были собраны устноисторические и этнографические источники по истории и культуре населения района. В декабре 2004 г. состоялся тематический выезд в с. Чарышское с целью исследования истории и культуры линейного казачества станицы Чарышской на основе семейного архива Ф. Р. Казаковой, а также материалов Чарышского районного краеведческого музея.

Архив семьи Казаковых, состоящий из конспектов лекций по медицине, писем, личных дневников и фотографий, представляет большой интерес. Андрей Михайлович Казаков был фельдшером 9-го полка Сибирского линейного казачьего войска, он вел конспект лекций и дневник во время обучения в Омском училище на фельдшера. Нами сканированы также 44 письма: переписка велась в 1886–1890 гг. между А. М. Казаковым и его родителями, жившими в ст. Чарышской. В личном дневнике он записывал ежедневные расходы, а также впечатления от прожитого дня. Кроме того, были взяты фотографии из семейного альбома Казаковых; первые из них датируются 1860-ми гг. Их ценность велика в связи с тем, что в советский период многие семейные фотографии казаков были уничтожены их потомками из-за проходившего тогда «рассказачивания».

В Чарышском районном краеведческом музее были отобраны документы и фотографии, повествующие об истории Чарышского района в XX в., по следующим темам: строительство колхозов, деятельность представителей **общественно-политического** движения «пятидесятитысячников» (личные документы и фотографии Э. М. Ковальского¹), материалы о деятельности И. Л. Никифорова², фотографии населенных пунктов в 1950–1960-е гг. и альбом, посвященный этнографической экспедиции под руководством В. А. Липинской³.

¹ Э. М. Ковальский — представитель общественно-политического движения «пятидесятитысячников», прибывший зимой 1930 г. для создания колхозов в Чарышском районе.

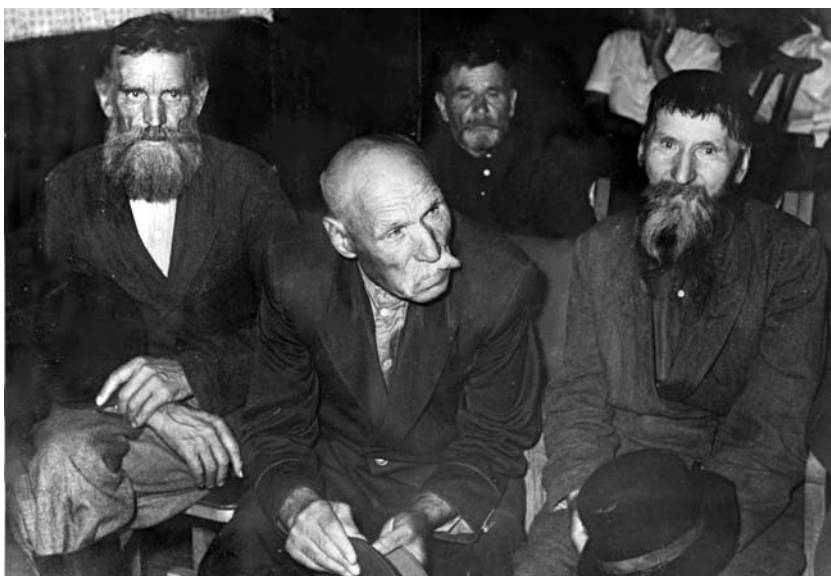
² И. Л. Никифоров — участник партизанского движения на Алтае, командир отряда «красных партизан».

³ В 1960-е гг. XX в. в Мамонтовском, Шипуновском, Поспелихинском, Змеиногорском, Алтайском и Чарышском районах Алтайского края проводились экспедиции Института этнографии АН СССР (см. [2, с. 10]).

Вид с. Чайное. Первая четверть XX в.
Из фондов Чарышского районного краеведческого музея

Таким образом, можно выделить несколько основных научных направлений, по которым ведется обработка семейного архива и материалов районного музея. Во-первых, с использованием фотодокументов и воспоминаний реконструируется архитектурный облик села, составля-

И. Л. Никифоров с партизанами. 1960-е гг.
Из фондов Чарышского районного краеведческого музея

лись планы-схемы населенных пунктов, чтобы проследить развития планировочной структуры поселений Чарышской станицы. На основе нарративных источников, фотографий, а также устных исторических источников участники выезда реконструируют материальные и духовные традиции казачества в первой четверти XX в. Одним из профильных направлений экспедиции было изучение взаимоотношения казачества и крестьянства в дореволюционный период. С этой темой тесно связано изучение казачества во время Гражданской войны, проблема «красного» и «белого» казачества, становление современного казачества.

Михаил Казаков. Вторая половина XIX в.
Из личного архива Ф. Р. Казаковой

Источники, собранные во время зимнего выезда, наряду с материалами комплексной летней историко-этнографической экспедиции 2004 г. в Чарышском районе будут использованы для создания web-ресурса по теме «Линейное казачество Чарышской станицы: традиции и современность», в котором будут опубликованы как письменные, так и устные источники по истории населения Чарышского района.

Литература

1. Щеглова Т. К. Программа «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие»: результаты и перспективы // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Владимирова. Барнаул, 2005.

2. Липинская В. А. Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

Г. В. Кидяева

События и интерпретация в устных источниках: по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г.

Сбор и первичная обработка устных исторических источников в ходе экспедиционных исследований в Шелаболихинском районе 1–14 июля 2005 г. позволяет обратиться как к характерным особенностям локальной истории, так и ее интерпретации сельскими жителями (крестьянства). Эта работа является частью большого проекта по устной истории лаборатории исторического краеведения и кафедры отечественной истории БГПУ [1]. В терминологии современной отечественной науки концептуальной основой изучения локальной истории является «история снизу», то есть взгляд участников и очевидцев событий, а основным направлением – «история внизу». Последнее включает и интерпретацию событий локального уровня [2].

В ходе ИЭЭ было обследовано 21 село, проведено 257 интервью. Каждое интервью представляет собой устные свидетельства о прошлом. Комплектование фонда устных исторических источников полевого сезона определялось темой «Приобские села». Достаточно широкая тематическая заданность позволяет обратиться к характерным особенностям исторического развития изучаемой территории, специфике событийной истории на локальном уровне. При этом особое значение имеет не только фактическая сторона устных источников, но и интерпретация самого прошлого информаторами. Один из основателей школы устных историков в Италии А. Портелли отмечал: «Особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий» [3]. Обширность тематики исследований и многофункциональность устных источников не позволяет представить весь спектр устноисторического изучения локальной истории, поэтому остановимся на некоторых ведущих тематических направлениях и на наиболее характерных интерпретациях исторического прошлого информаторами.

Возникший еще в 1990-е гг. интерес к локальной истории со стороны местных краеведов и популяризация краеведческих знаний оказывали непосредственное влияние на работу с информаторами¹. Обращение к

¹ Популяризация краеведческих знаний осуществляется через районную газету «Знамя советов», выступления любителей истории на Днях села, а также через реализацию регионального компонента на уроках истории в школах района с использо-

устным свидетельствам, как методу сбора информации характерно для краеведов. Поэтому при обработке устных источников необходимо учитывать степень развития в районе общественного краеведения и тематическое соприкосновение исследований экспедиционной группы и местных краеведов. Для составления биобиблиографического указателя участниками экспедиции были опрошены шесть краеведов: Л. П. Гораявчев (с. Крутишка), А. И. Болотина (с. Быково), П. Я. Елисеев (с. Ильинка), В. А. Щербаков (с. Верх-Кучук), В. А. Гостеев и И. А. Ромашов (с. Шелаболиха). В селах, где работали и продолжают работать местные краеведы, пришлось столкнуться с типичной повторяемостью интерпретаций прошлого. Тем не менее достаточно свободный тематический дискурс и материалы углубленных автобиографических интервью позволяют, во-первых, обозначить ряд характерных особенностей, присущих историческому развитию района (в нашем случае это анализ событийной стороны устных источников) и, во-вторых, представить интерпретацию исторического прошлого, то есть обратиться к особенностям толкования прошлого, его смысла, иначе – эмпирической составляющей устных источников. Приведены интерпретации, базирующиеся на широком привлечении устных источников, собранных в одном селе, то есть от представителей территориально однородного социума, либо наиболее часто встречающиеся в районе.

Шелаболихинский район в современных административных границах, с незначительными изменениями 1960-х гг., был образован в 1924 г. Район расположен на севере Алтайского края и граничит с Новосибирской областью по правобережью Оби. Из 21 населенного пункта в настоящее время на правобережье расположено только один – с. Иня. Район изобилует водными источниками: здесь протекают реки Обь, Крутишка, Кучук, Иня, Шелаболиха; расположены озера Чайкино, Митино, Титово, Кишкино. Преобладание дерновых почв и заливных лугов благоприятствовало развитию земледелия и скотоводства. Природный фактор в процессе селообразования являлся одним из ведущих.

Селообразование. Событийная история. По истории сельских населенных пунктов собрано 72 интервью, включающих историю исчезнувших населенных пунктов (21 интервью). Среди последних – с. Молоково, с. Первомайское, пос. Ширпотреб, с. Бельково и др. Доминирующими являются интервью о многодворных населенных пунктах.

Зона обследования благодаря плодородным почвам, благоприятным условиям для скотоводства, относительной безопасности от нападения

ванием тематического сборника «Из истории населенных мест Шелаболихинского района» (Барнаул, 1998).

кочевников привлекала переселенцев уже в XVIII в. Из 21 населенного пункта, существующего в настоящее время, 10 возникли в XVIII в.¹, села Верх-Кучук и Быково – в первой трети XIX в.; в период столыпинских переселений были образованы села Луговое, Сибирка, пос. Малиновка. Пять сел на территории района возникли в годы нэпа² и только одно село из существующих в настоящее время появилось в годы коллективизации – Чайкино (1933 г.). Большинство сел левобережья Оби сейчас связаны автотрассой Барнаул – Камень-на-Оби (Шелаболиха, Батурово, Крутишка) либо внутрирайонной автомагистралью Ильинка – Омутское – Киприно. Размещение сельских населенных пунктов в наши дни отражает два типа селообразования: приречный и притрактный. В воспоминаниях информаторов отчетливо прослеживается связь населенных пунктов в начале прошлого столетия с «Деминским трактом»³.

Интерпретации. Составной частью собранных устных рассказов о прошлом села являются бытующие легенды двух уровней: по истории заселения Сибири, сел и происхождению названий последних. В легендах о заселении Сибири отчетливо выделяются две наиболее распространенные. Первая повествует о добровольном характере заселения Сибири в два этапа: ранний, когда регион заселили чалдоны, и поздний – переселение «расейских». Вторая распространенная легенда говорит о принудительном заселении региона: Сибирь предстает местом каторги и ссылки, а первопоселенцы – ссыльными⁴. Третий вид собранных легенд представляет сугубо индивидуальный взгляд информаторов на историю заселения Сибири. По одной из них, «ссылали сюда, в тайгу, ученых, богатых. Ленин, поди, в ссылке был здесь тоже?» [4]. Среди других первопоселенцы в Сибири – это «хорошие люди»: декабристы, завоеватели, пришедшие с Ермаком и осевшие здесь.

В легендах о происхождении названий сел ввиду обилия водных источников этимологическая привязка осуществляется к гидронимам. От названий рек и озер, в интерпретации информаторов, названы Шелаболиха, Новобинцево, Иня, Кучук, Верх-Кучук, Крутишка, Чайкино. В других случаях названия связываются с водными источниками косвенно. К примеру, названия «Чайкино» объясняют обилием чаек на некогда бе-

¹ Иня, Ильинка, Кучук, Новообинцево, Киприно, Шелаболиха, Селезнево, Омутское, Батурово, Магарово.

² Сакмарино, Ивановка, Подгорное, Новоселовка, Крутишка.

³ Деминский тракт – предположительно, так называли часть Демидовской дороги.

⁴ Следует обратить внимание на интерпретацию категорий «ссыльных» и «высланных». Под «ссыльными» информаторы подразумевают поселившихся в Сибири периода имперской России, а под «высланными» – депортированных в канун и в годы Великой Отечественной войны.

Дом, перевезенный из исчезнувшего села Молокова. Ранее был двухэтажным. С. Быково, 2005 г.

зымянном озере, «Селезнево» — от диких уток, «Омутское» — от труднопроходимых окрестностей, «Крутишка» — от обрывистых берегов на одноименной реке. Название «Веселая грива» основано на противопоставлении местностей, где «грива» — сухое место на часто затопляемой территории. Интересно, что с. Сакмарино до сих пор называют «Японией», а жителей — японцами.

Вторым видом легенд о происхождении названий сел являются рассказы о первопоселенцах, характерные для старожильческих сел: Макарово, Селезнево, Быково, Бельково и др. Уникальны немногочисленные свидетельства о происхождении названий сел, в основе которых лежат тюркские слова, — Кучук, Батурово. В интерпретации информаторов, названия происходят от стоянок кочевых народов, воинственных ханов Кучука и Батура [5].

Событийная история. Свыше 20 интервью собрано по селообразованию в 1920-е гг., о малодворных населенных пунктах (заимках, хуторах, выселках и др.) Из 126 населенных пунктов, в разное время образованных на территории района, половина возникла в 1921–1928 гг. (63 сельских поселения). Населенные пункты возникали вблизи многодворных поселений изобилующих водными источниками. Крестьянская инициатива в селообразовании рассматриваемого периода характерна преимущественно для западной и центральной части левобережья Оби. В центральной части района, вблизи сел Кучук, Сибирка возникли хутора Кучукский (основатель Чураев), Сибирский (основатель Власов), ху-

тор М. М. Пругова [6]. Второй зоной крестьянской колонизации являлось правобережье Оби: здесь в 1920-е гг. возникли выс. Луговой, пос. Покровский и др. Поблизости от Шелаболихи были образованы поселки Михайловский, Веселенький, Тихий Исток и др.

Свыше 15 интервью собрано по истории хуторов и заимок, отражающей специфику хозяйствования. В северо-западной части района малодворные поселения характеризовались скотоводческой направленностью, в южной – зерновой, на правобережье преобладал смешанный характер производства – скотоводческий и промысловый. Такое отчетливое содержание устных источников объясняется близостью расположения новых населенных пунктов к многодворным поселениям и хозяйственными контактами. Информаторы отмечают, что из сел Кучук, Сибирка в рядом расположенные пос. Маковский, хутор Чураева на выс. Морозы и др. из окрестных сел уходили на работы внаем, в батрачество.

По истории коммун проинтервьюировано 7 человек. Коммунарское движение по собранным источникам характеризуется государственной инициативой, не получившей на обследуемой территории широкого распространения. В годы нэпа здесь возникло всего три коммуны: «Венера», «Венера № 2», «Беднота, вперед». Очевидными причинами слабого распространения коммунарского движения являются хозяйственная состоятельность крестьянства и взаимообусловленность экономического существования крайних групп крестьянства – «бедняков» и «зажиточных».

Интерпретации. Информаторы объясняют массовое возникновение заимок, хуторов и выселок землеустройством, желанием получить «свою» землю. Коммунарское движение и в настоящее время у информаторов вызывает недоумение. Устные источники показывают, что в 1920-е гг. сохранялись такие традиции хозяйствования, как аренда, «помочь», работы «исполу». Поэтому неудивительно, что обобществление и коллективный труд в коммунах не нашли поддержки у крестьянства. Особого внимания заслуживает отношение к труду в коммунах, которым информаторы объясняют недолговечность последних. Отчетливы воспоминания о трудовом распорядке в коммунах «Венера», «Беднота, вперед». Здесь работали с утра в течение нескольких часов, затем коммунарчики шли на обед, сопровождавшийся установленным сном, полдничали и далее выходили на работу на несколько часов. Как метко заметил один из информаторов: «Ну разве в деревне так работают?» [7].

Событийная история. Первый этап коллективизации, 1928–1929 гг., являлся временем массового исчезновения малодворных поселений. Из образованных в годы нэпа 72 населенных пунктов в 1928 г. исчезло 21

Месторасположение усадеб исчезнувшего села Бельково. 2005 г.

малодворное поселение, в 1929 г. – 5 поселений. Ликвидация таких населенных пунктов не носила принудительного характера. Напротив, поселения «самоликвидировались» ввиду дифференцированного поимущественного обложения крестьян-единоличников. Коллективизация и ее влияние на развитие сети сельских населенных пунктов в период ее массовости имела опосредованное влияние.

С конца 1920-х гг. отмечается процесс уплотнения многодворных поселений. Первые коллективные хозяйства возникали в различных частях села, и не желающие вступать в колхоз переселялись к единоличникам. На территории с. Кучук одна из первых артелей возникла на правом берегу одноименной реки, в ныне исчезнувшем Молокове, в пределах землепользования крестьян-единоличников, проживавших на окраине села. В с. Крутишка первые колхозы образовывались на левобережье реки, и, как отмечают информаторы, «на ватяцких землях». Образование коллективных хозяйств на территории существующих сел и в пределах землепользования единоличников объясняется ускоренными темпами коллективизации, поскольку район вошел в зону зернового хозяйственного направления. Сами 1930-е гг. не стали в районе временем интенсивного создания коллективных хозяйств.

Интерпретации. Всего по истории коллективизации собрано 62 интервью, по истории трудовых будней в артелях – 24. Информаторы, отмечая вблизи старожильческих поселений наличие хуторских и заимочных хозяйств, как правило, не объясняют причины их исчезновения. Действительно, возникшие во второй половине 1920-х гг. (чаще всего в

1925, 1926 гг.), такие поселения в среднем просуществовали всего 2–3 года. Но характерными в интерпретациях являются сюжеты о миграциях заимочников и хуторян. Коллективизация в интерпретации информаторов оценивается как насильственное явление, характеризующее произвол властей. На вопрос «Для чего создавали колхозы?» наиболее распространенным ответом был: «Издевались, да и все» [8].

Событийная история. В дальнейшем процесс государственной инициативы в селообразовании характерен преимущественно для Правобережья. Первый этап вызван промышленным освоением лесных ресурсов с 1939 г. и в дальнейшем работой на лесосплаве и лесозаготовках в порядке всеобщей трудовой повинности в годы Великой Отечественной войны. В 1947 г. ввиду промышленной значимости населенным пунктам присваивается официальный статус, что ознаменовало новый этап в развитии сельских поселений. Интенсивная вырубка лесов и первичная переработка древесины в 1950-е гг. на Правобережье стали причиной появления новых населенных пунктов, среди которых поселки Ремы, Гавриловичи, Кривоглазово, Лукьяново, Северный и др.

Ведущей составляющей в тематическом сборе устных источников по селообразованию является изучение исчезнувших населенных пунктов. Как уже говорилось, первый этап сокращения количества сел пришелся на 1928–1929 гг., когда отмечалось массовое исчезновение малодворных поселений по обеим сторонам Оби. В дальнейшем процесс укрупнения сел вплоть до 1970-х гг. был характерен только для левобережной территории, причем исчезали села, которые не примыкали к трассе Каменьна-Оби – Барнаул либо внутрирайонной автомагистрали Киприно – Селезнево – Омутское. С отменой проектируемого строительства ГЭС ликвидация неперспективных населенных пунктов стала характерна и для правобережья. Исчезнувшие села располагались на территории, вошедшей в зону не только стихийной крестьянской колонизации, но и аграрно-промышленного освоения. На правобережье было ликвидировано 31 сельское поселение, среди которых преобладали села, изначально образованные как временные. По левобережью во второй половине XX столетия исчезли старожильческие населенные пункты.

Интерпретации. Устные свидетельства об исчезнувших селах собирались от информаторов, проживающих в настоящее время в селах, на базе которых либо проходило укрупнение, либо в расположенных поблизости от ликвидируемых. К примеру, устные источники по истории с. Молоково (прежнее название с. Богатское) собраны в с. Крутишка, с. Бельково в с. Быково, об исчезнувших на правобережье собирались от информаторов из с. Иня. Исключительно негативные оценки процессам

укрупнения и ликвидации неперспективных сел даются информаторами для левобережных поселений. В основе таких оценок лежит принудительный характер сселения, закрытия школ, ФАПов, магазинов, прекращение транспортного сообщения между населенными пунктами. Подчеркивая вынужденный характер миграции, трудности, связанные с переездом, переносом жилых построек, информаторы с сожалением вспоминают о селах, где жили предки, где родились и выросли они сами: Бельково, Богатское... Характерным для интерпретации государственной политики являются непонимание смысла ликвидации сел. Напротив, для правобережных сел осмысление процессов ликвидации привязывается к несостоявшемуся строительству ГЭС, ликвидации неперспективных сел [9]. Принудительный характер менее выражен.

Экономический облик сел в первой трети XX в. Событийная история. Если природные условия благоприятствовали развитию сельского хозяйства, то особенность географического положения сел – размещение их вдоль Оби, которая была в начале столетия ведущей транспортной артерией, – способствовала развитию торговли, домашней кустарной промышленности, предпринимательства. Уже в начале столетия эта территория оказалась зоной товарного производства. Его развитие объясняется близостью рынков сбыта. Район расположен между двумя городскими центрами – Камнем-на-Оби и Барнаулом, с которыми экономически была связана пристань в Шелаболихе. К последней тяготело аграрное производство в левобережных селах и смешанное – на территории правобережья. Информаторы отмечают, кроме существующих и бывших в ныне исчезнувших селах Молоково, Старообинцево, Медяниха, наличие нескольких торговых лавок, магазинов, мельниц; в Шелаболихе упоминают мельницу предпринимателя Лобастова, на которой было занято до 100 чел., и принадлежавшие ему магазины. В Шелаболихе отчетливы воспоминания о Чупине – владельце пароходов, Колпакове – торговом предпринимателе. Семейный характер торгового предпринимательства отмечается в с. Сибирка и других населенных пунктах [10].

Для приобских сел была характерна специализация торговли. В селах Молоково, Макарово была распространена винная торговля, мануфактурные лавки располагались в Молоково, Киприно, Селезнево, Ильинке, Макарово. Промысловая деятельность на левобережье была менее распространена, но выделяются села со специализацией кустарного овчинного производства (Батурово, Кучук), кожевенного (Быково). Широкое распространение в приобских селах получило и маслоделие.

Мельница Лобастова. С. Шелаболиха. 2005 г.

Развитие предпринимательства нашло выражение и в архитектурном облике сел. «Купеческая архитектура», наличие двухэтажных домов и совмещение промышленного и жилого комплекса в первой трети прошлого столетия были достаточно распространенным явлением. В исчезнувшем Молоково отмечается до шести таких домов, в Сибирке — четыре. В Шелаболихе, как отмечают информаторы, сам Лобастов не проживал, но у приказчика двухэтажный жилой дом примыкал к мельнице и рядом расположенным магазинам.

Репрессии. Событийная история. В изучении репрессивной политики большую часть устных источников составляют материалы о раскулачивании (47 интервью). Приоритетность данной темы определяется тем, что Шелаболиха являлась накопительным пунктом при транспортировке раскулаченных. Достаточно высокая хозяйственная состоятельность крестьянства обследуемой территории, развитие предпринимательства обусловили протестное движение в 1930–1933 гг. Одна из особенностей района заключается в преобладании форм протестного движения. Если в канун массовой коллективизации крестьянство стремилось к самораскулачиванию в форме активных миграций в восточном направлении, то единовременное прикрепление к колхозам зимой 1929–1930 гг. обусловило практику сокрытия имущества — продукции сельского хозяйства и предметов домашнего обихода. В первом случае протест вызывали усиленное налогообложение и кампания по изъятию

«хлебных излишков», тогда как во втором — раскулачивание и желание обеспечить самым необходимым семью при высылке.

Распространенными являются свидетельства о том, как предметы детской и женской одежды оборачивали платками под видом кукол и при описи имущества отдавали детям. Демонстрация игры с псевдокуклами, как отмечают информаторы, позволяла сохранить предметы одежды после раскулачивания.

Уникальные устные источники собраны по процедуре раскулачивания. Они демонстрируют не только традиционные стихийность, произвол в действиях местных властей, но и прямые нарушения законодательной базы о раскулачивании. Конфискованное имущество после составления описи должно было зачисляться в колхозный фонд. Однако отчетливо фиксируется практика распродажи имущества «кулаков» с торгов. Как отмечают сами информаторы, торги проходили в форме аукциона, на них присутствовали и сами раскулаченные. Если выставляемая на продажу вещь не находила покупателя, ее зачисляли в колхозный фонд.

Годы коллективизации отразились и на архитектурном облике сел. Все образцы «купеческой архитектуры» разбирались и перевозились в крупные населенные пункты. Как отмечают информаторы, уже к середине 1930-х гг. двухэтажных построек в селах не сохранилось.

По периоду «большого террора» 1937–1938 гг. собрано свыше 20 интервью. Особый интерес представляют источники, раскрывающие систему доноительства, «добрососедских» отношений, поведение работников НКВД и представителей выездных «троек» в селах. Нами не зафиксировано случаев веры во «вредительство», «шпионаж» и прочие характерные обвинения. В интерпретации информаторов «враги народа» — это те, на кого указывали доносители. Причем доноительство не осуждается, а объясняется необходимостью борьбы за выживание.

По истории депортации опрошено 23 информатора. Особенность депортации заключалась в размещении репрессированных. Традиционное для Алтайского края размещение их в новообразованных селах характерно только для правобережья. На левобережье Оби депортированных размещали в селах, располагавших удобными средствами сообщения.

Села в годы Гражданской войны. По истории Гражданской войны собрано 17 интервью. Фактическая сторона в устных источниках отражает специфику преломления региональных событий в приобских селах. Современная территория района не являлась зоной активных боевых действий, судоходная Обь в годы войны контролировалась «белыми», и возникновение здесь оппозиционного движения сводилась к ми-

Иван Андреевич Ромашов,
один из информаторов. 2005 г.

нимуму. Вместе с тем район находился на стыке действия партизанских отрядов Степного Алтая — Е. М. Мамонтова и И. В. Громова, а центром ближайшего партизанского движения являлась Усть-Мосиха Ребрихинского района. Поэтому партизанские отряды действовали в близлежащем селе Макарово, но дальше, к Ивановке, не продвинулись из-за труднопроходимых окрестностей. В воспоминаниях отчетливо прослеживается только деятельность кара-

тельных отрядов враждующих сторон. Характерной формой избегания мобилизаций и террора являлся уход в степную зону, что, по словам информаторов, спасало от преследований.

Устные источники не зафиксировали четкого деления враждующих сторон на «красных» и «белых», но отражают противопоставление «колчаковцев» и «расейского фронта». Воспоминания о массовом характере противостоящих сторон объясняются начальным и завершающим этапами периода Гражданской войны. Из Камня через Шелаболиху по Оби в июне 1918 г. наступали белогвардейцы, а в декабре 1919 г. строевым порядком на Барнаул двигались красноармейцы.

В целом фактическая сторона устных источников позволяет локализовать проблемное изучение исторического прошлого. «История внизу» и интерпретация событий при аналитическом изучении раскрывает как самобытность прошлого крестьянской России, так и особенности реализации государственной политики на локальном уровне.

Литература и источники

1. Щеглова Т. К. Историческое наследие Алтая: формы и методы изучения и сохранения (из опыта работы) // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — нач. XX вв.): Материалы международ. конф. / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2002. С. 197–202.
2. Щеглова Т. К. Устная история как источник исследования сибирской деревни // Сибирская деревня: Проблемы истории: Сб. науч. тр. / Под ред член.-кор. РАН В. А. Ла-

- мина. Новосибирск. гос. ун-т, 2004. С. 142–154; Щеглова Т. К. Устная история как источник и метод исследования сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч. I. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004. С. 23–24.
3. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 39.
  4. Полевой дневник автора. Записано от Лобановой Ф. П., 1917 г. р., с. Крутишка.
  5. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Аннотации к аудиокассетам сел Шелаболиха, Кучук, Сибирка, Батурово.
  6. Полевой дневник автора. Записано от Пругова А. П., 1917 г. р., с. Кучук.
  7. Полевой дневник автора. Записано от Романова В. А., 1936 г. р., с. Крутишка.
  8. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Тетради-картотеки сел Киприно, Ильинка, Кучук, Шелаболиха, Иня.
  9. Полевой дневник Н. С. Грибановой.
  10. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Тетради-картотеки сел Шелаболиха, Иня, Крутишка, Ивановка, Киприно, Макарово.

И. В. Куприянова

Ремесла и промыслы Ельцовского района

Промыслы населенных пунктов Ельцовского района, в которых велись этнографические исследования в 2004 г., можно подразделить на две группы, одна из которых связана с обработкой природного сырья, вторая – с обработкой продуктов животноводства. Все они поставляли кустарную продукцию на местный рынок, удовлетворяя потребности населения в хозяйственной утвари, посуде, домотканине, обуви и др. Упоминаний об охоте и рыболовстве как подсобных видах деятельности мало. Старожилы утверждают, что ими занимались редкие любители – 5–6 человек из всего населения деревни, да и то не русские, а татары.

Обработка природного сырья

Деревянная утварь. Повсеместно в исследованных селах встречаются упоминания о резных прялках, которые, судя по описаниям, несколько отличаются от традиционных прялок Алтая: здесь они не были покрыты росписью, не делали и простых гладких прялок. Края лопаски отделявали резными зубчиками, а в центре выжигали узоры – как правило, цветы. Таким образом, старожилы утверждают, что прялки были одновременно резные и обожженные. Роспись использовали в декоре веретенцев, которые раскрашивали разноцветными полосками.

Резьбой украшали также посудные подвесные настенные деревянные шкафы, которые затем красили черно-коричневой краской.

Преобладание в оформлении деревянных изделий резьбы над росписью можно считать архаичным элементом локальной традиционной культуры, поскольку повсеместно, не только на Алтае, но и в Сибири в целом, роспись, как более простой прием декора, вытеснила резьбу по дереву в декорировании предметов быта [1, с. 53]. Выжигание рисунков на лопасках прялок является, по-видимому, местной особенностью, так как на территории Алтая больше нигде не встречается.

Деревянную утварь покупали у мастеров по дереву, которые делали и прялки, и утварь: деревянные ведра — так называемые «лоханки», в которых мыли посуду, квашонки для теста — «красивые, широки, как кадучечки», а также бочки. Специальные мастера принимали заказы на изготовление транспортных средств — саней и телег, так называемых «ходков». Таким образом, в обработке дерева присутствуют зачатки некоторой специализации.

Заготовка и продажа строевого леса. Традиционные для русских старожилов Алтая породы строевого леса — сосна, лиственница, — совершенно отсутствуют на территории Ельцовского района: здесь имеются лишь пихта, береза и осина. В этих условиях местные жители вынуждены были использовать для строительства домов осинник и пихтач. Богатые крестьяне населенных пунктов Ельцовского района имели возможность покупать сосновый лес, который заготавливали на территории Кузбасса и сплавливали по Чумышу в виде плотов. При перегоне этих плотов ими управляли с помощью так называемой «греби» — доски, выполнявшей функцию весла.

Гончарство. В селах Ельцовка и Пуштулим были обнаружены следы гончарного дела. В Пуштулиме оно носило явный характер промысла: там жил настоящий мастер по фамилии Горшков, приехавший из Европейской России, который делал высококачественные вещи на гончарном круге. Особенностью его изделий были процарапанные орнаменты в верхней части сосудов — прямые и волнистые линии, меандр и др.

Данные по гончарству Ельцовки несколько противоречивы: с одной стороны, старожилы указывают на наличие специальной мастерской, с другой — говорят об архаичных приемах домашнего гончарного дела. Например, упоминают о таком способе лепки горшков, при котором глиной облеплялись специально выточенные в форме сосудов деревянные заготовки, которые были разборными и вынимались из вылепленного горшка с помощью веревочки. Возможно, в Ельцовке имели место оба способа выделки посуды: и промышленный, и домашний.

Изделия гончаров были весьма разнообразны: они делали не только крынки, корчаги и горшки, но и столовую посуду — стаканы, тарелки,

чашки и т. д., что является характерным для локальных гончарных промыслов Алтая.

Плетение коробов. Короба плели в транспортных целях: их устанавливали на телегах и садились в них при езде. Старожилы называют способ передвижения в коробах «легковой телегой». При колхозах так ездили председатели.

Обработка бересты. Прежде всего, из бересты выделявали туеса и плели лапти. В этом деле также имелась специализация: и лапти, и туеса заказывали мастерам: в большинстве случаев это были вятские переселенцы, реже – местные старожилы-сибиряки.

Традиционно считалось, что ношение лаптей в Сибири было присуще только переселенцам, которые не имели возможности носить обычную для сибиряков кожаную обувь [2, с. 114]. В Ельцовском же районе информаторы указывают на примеры ношения лаптей сибиряками. Например, рассказывают, что берестяные лапти плели и развозили по селам на продажу кержаки, жившие в Верх-Нене и ее окрестностях. Неожиданно оказалось, что это обувь очень удобна для полевых работ, для ходьбы в таежной местности, как летом, так и зимой: она не скользила, в ней было прохладно в жару. Этот промысел возник потому, что у ненинских кержаков были проблемы с хлебом: почему-то он у них не рос. Поэтому лапти не столько продавались за деньги, сколько выменивались на каральки – хлеб домашнего печения.

Старожилы предполагают, что таежные жители носят лапти до сих пор. По другим сведениям, лапти плели старики, покупали их также из соображений удобства: «И купишь, и наденешь, и пойдешь жать, за машиной вязать. Удобны, да. Обутки-то нашьют, сотрешь ногу, то ишо че. А лапти-то наденешь, и хорошо! Конечно, портяночки! Завернешь. Или чулки свяжешь, и хорошо было» [4].

Обработка продуктов животноводства

Скота держали столько, сколько могли прокормить, то есть в зависимости от того, сколько сена имели возможность заготовить. В первой половине 1930-х гг. в основном держали по одной корове на хозяйство, больше – редко.

Пимокатное дело. Катание пимов на заказ продолжается и в настоящее время. Фабричные валенки не удовлетворяли потребителей ни качеством, ни ценой.

Катать хорошие пимы умели многие мастера. Делали пимы разных цветов: белые, черные, бусые (серые). Рассказывают, что раньше пимы были вышивные – предположительно белые с вышивкой красного или бордового цвета. Узор мог располагаться на голени, вокруг или по бо-

кам стопы. В процессе носки нитки линяли, что было предусмотрено, так как пимы приобретали красивый розовый цвет.

Катали и потники, служившие постелью до распространения матрасов. Потники делали с выкатанным рисунком. Пимокат при раскладке шерсти закладывал шерсть другого цвета, отличного от цвета фона, располагая ее в форме цветков, букв, клеток, полосок и т. д. В процессе выделки потника одновременно укатывались узоры.

Выделка кожи и шитье обуви. Практически все крестьяне заказывали обувь у местных сапожников из своей кожи. В магазинах продавали заготовки — выкройки для сапог, ботинок. Шили также традиционные выворотные ботки.

Выделка овчин и шитье шуб тоже выполнялись мастерами на заказ.

Торговля в Новокузнецке

Важнейшим фактором экономики северо-восточной части современной территории Алтайского края являлась близость такого крупного промышленного региона, как Кузбасс, поглощавшего практически все продовольственные ресурсы, которые могли поставлять крестьянские хозяйства Ельцовского района.

Жительница с. Ельцовки Татьяна Васильевна Ломацкина рассказала: «Когда в Новокузнецк-то съездим, на санках-то возили, дак натрешь картошку, крахмал сделаешь, с ведерко, и там продавали. Там это кому че, а уже девчонки стали, побольше, покупали: кому кольца, кому серьги, кому бусы... Семечек насодишь, и в Новокузнецке продашь... Вот возьмем, двое-трое на санках, — и туда, в Новокузнецк, там продадим семечки, и че нарвешь, или ягоду засушишь, вот туда все возили. Маленька я была, сколь мне — 10 лет было, а я уже таскала... Ну, с нами старенькие ездили, все: мужики, ребята. Каждой берет на санки мешок, куль... или крахмалу, или семечек, везут и продают. На ночлег становились, кто где примет ночевать. Просились».

По дороге в Новокузнецк обычно останавливались в определенных населенных пунктах, расположенных на расстоянии дневного перехода: в деревнях, на пасаках. Т. В. Ломацкина рассказала: «До Новокузнецка два пасака было, потом, Бедреп был, Новокаменка. И по речке переплавались, бывалоча, растает снег, и его, лед-то растает, ходили дак, Господи! Сколь мне было? Одиннадцать, да двенадцатый, я уже ходила в Новокузнецк. Дак прямо ой! Несешь, ташшишь, дак не дай бог! А реки — мы летом-то не ходили, а зимой! Речки застыли, и по речкам ходили. А тут речек не было, тут напрямую тайга была все. И делали тропинки таки хорошие. Пройдешь вот — два-три человека пройдут, а потом идешь за имя. Коров водили продавали туда, в Новокузнецко. Все туда возили.

Ага, и шас. Скотину дёржат вот, ельцовшына, и отправляют туда, в Новокузнецк. (Деньги) — о! а как! маме, тяте токо отдашь, сколь от... Они уже подсчитают вперед, знают, сколь стаканьев! Ну, уже идешь, и говоришь матери или отцу: вот это, вот это я куплю. Как деньги заработаю, и куплю. Вот продашь мешок, и мешок пошти што денег наберешь. И вот тогда токо купишь, или отцу ли че купишь, или матери. Ну, матери покупали платышки, юбки. А отцу рубахи, брюки» [4].

В Ельцовском районе накануне коллективизации наметилась определенная ремесленная специализация: отдельные виды крестьянской мебели, утвари, транспортных средств делали специалисты в гончарном деле, плетении из прута и бересты, деревообделочники, резчики, скорняки, пимокаты и т. д.

Мастера, со своей стороны, старались производить качественные («красивые») вещи, декорируя их тем или иным способом, что вообще встречается нечасто: в натуральном или полунатуральном хозяйстве достаточно произвести вещь, пригодную для практического использования, украшать же ее незачем. В Ельцовском же районе продукцию не производили в каждом хозяйстве, как это часто бывало на Алтае, а покупали друг и друга. Фактически это был обмен, иногда принимавший натуральную форму.

Литература и источники

1. Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989.
2. Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1997.
3. Полевые материалы ОРТ ГХМАК. Кассета 42-21. Пуштулим. Пелагея Степановна Вшивкова, 1914 г. р.
4. Полевые материалы ОРТ ГХМАК. Кассета 42-11. Ельцовка. Татьяна Васильевна Ломацкина, 1923 г. р.

И. И. Назаров

Результаты этнографической экспедиции Алтайского государственного университета в с. Безголосово

Село Безголосово расположено в Алейском районе Алтайского края на реке Алей. Косвенные сведения, фиксируемые по архивным материалам, относят возникновение Безголосово к 1745 г. [2, с. 121]. Достоверно известно о существовании этого населенного пункта с 1747 г. В 1749 г. она под названием «деревня Безголосикова» была впервые отмечена на карте Пимена Старцева [3, с. 53]. По материалам Ю. С. Бульгина, Безголосово основано старожилами первых алтайских деревень, а также самовольными переселенцами из других ведомств [2, с. 61]. Таким образом,

можно считать Безголосово старейшим селом Алейской степи. В настоящее время в нем проживает немногим более 800 человек; здесь имеется собственная администрация. В этническом плане большинство составляют русские, кроме того, довольно представительны общины российских немцев и украинцев.

Провести учебную этнографическую практику для студентов первого курса исторического факультета АлтГУ в Безголосово было решено по двум причинам. Во-первых, в научном плане представлялось интересным изучить культуру местного населения и по возможности выявить культурные пласты старожильского и переселенческого населения. Во-вторых, организационную сторону проведения практики значительно упрощало то, что около Безголосово на памятнике Березовая Лука уже несколько лет ведут работы археологи АлтГУ: их лагерь стал базой экспедиции. Выражаем благодарность руководителю археологического отряда доценту кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ, канд. ист. наук С. П. Грушину за всестороннюю помощь этнографической группе.

Как уже было отмечено, отряд этнографической практики составили студенты, в подавляющем большинстве обучающиеся по специальности «музеология». Ввиду особой специализации практикантов в ходе экспедиции было решено уделить больше внимания их знакомству с материальной культурой местного населения, овладению методами собирательской работы, одним из видов которой стал сбор предметов для пополнения этнографической коллекции музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Всего в ходе экспедиции была заполнена 71 тематическая карточка по культуре русского населения и 28 анкет по изучению этнического самосознания. Кроме того, фонды музея археологии и этнографии Алтая пополнились ткацким станом, образцами домотканой продукции, коллекцией металлических утюгов и др. Остановимся лишь на некоторых аспектах нашей этнографической работы и ее результатов.

Безголосово расположено на коренном берегу Алея и имеет вытянутую планировку — растянулось вдоль реки более чем на 4 км. Это, по-видимому, было обусловлено необходимостью свободного доступа к воде. По воспоминаниям информантов, самая старая часть села располагалась в районе его нынешнего центра. Тут же находилось и первое кладбище, которое сейчас утрачено. В конце XIX — начале XX в. в связи с притоком переселенцев помимо уже существующих «центра» и «луга» в северной части Безголосово образуются «приселки» — Ореховка, Пятая сотня (позднее Знамя труда), Карпиловка, Герой труда, Шестая сотня (или поселок Яровской) [4, ф. 2, п. 3, к. 21]. Последний из названных поселков,

располагавшийся на северной окраине, звался также «Сахалином». Во второй половине XX в. его жители переехали на центральную усадьбу.

Примечательно, что вытянутость планировки села нашла отражение в безголосовском фольклоре. Мною записана ироничная история: «Жили в центре Безголосово по соседству Мария и Клавдия. Решили они сходить в гости к подруге Матрене, которая жила на дальнем конце деревни. Собрались они и пошли. Пришли они и стали у Матрены гостить. Сидят, разговаривают. Пообедали, снова разговаривают. Затем чаю попили. В общем, целый день проговорили. Наконец распрощались и пошли по домам. Шли Мария с Клавдией, шли, кое-как до своей улицы дошли. Дошли до своих домов, Мария и говорит Клавдии: „Слушай, что-то мы давно у Матрены не были“. Пока старухи до дому дошли, они и позабыли, что к Матрене ходили» [4, ф. 2, п. 1, к. 23].

Зафиксированы также несколько версий народной этимологии названия «Безголосово». Наиболее популярно объяснение, культивируемое местными учителями-историками, согласно которому село основали ссыльные, не имевшие права голоса. Все остальные версии схожи в стремлении увязать название с неким человеком-первопоселенцем, имевшим дефект речи, — немой, без голоса [4, ф. 2, п. 1, к. 16].

Благодаря деятельности местных краеведов, в свое время получивших доступ к архивным фондам, некоторые безголосовцы сейчас четко ассоциируют себя со старожильческим населением: это носители фамилий Потопахины и Забродины. Но в целом уровень самосознания старожильского населения невысок. В противовес этому потомки переселенцев конца XIX — начала XX в. уверенно называют губернии выхода своих предков: Воронежскую, Курскую, Пермскую, Полтавскую, Тамбовскую, Тульскую. Однако зафиксировать какие-либо специфичные названия для разных групп переселенцев не удалось.

Анализ самых старых похозяйственных книг Безголосовской сельской администрации (1940–1942 гг.) позволил установить численность населения Безголосово того периода: 1 172 русских и 124 немцев [4, ф. 2, п. 2, к. 71]. К «русским» в этих книгах отнесены все представители восточных славян. Более цельное представление об этническом самосознании русских Безголосова позволяет составить проведенное нами анкетирование местного населения. Опрошены 28 безголосовцев, в основном пожилого возраста, чьи родители родились или выросли в этом селе [4, ф. 2, п. 2, к. 1-28]. Все они считают себя русскими; двое, несмотря на то, что везде записаны русскими и считают себя таковыми, свои исторические корни связывают с украинцами. Подавляющее большинство респондентов — 20 человек — одновременно считают себя еще и си-

бияками. Один человек назвал себя потомком сибирских казаков, еще один – потомком кержаков. По мнению большинства опрошенных, существуют зримые различия между русскими европейской части России и сибиряками, в частности в образе жизни и характере: русские из Европы более культурны, но менее патриотичны, а сибиряки более выносливы.

Мнения большинства опрошенных относительно принципов наследования национальности в общих чертах совпадают – признается одинаковая роль обоих родителей. Реже называют самоопределение человека в вопросе о своей национальности. Интересны результаты по вопросу о допустимости брака детей респондента с представителями других национальностей: 19 респондентов высказали положительное отношение к межнациональным бракам и только 9 были против.

И, наконец, респондентам было предложено перечислить черты характера, присущие русским. Среди названных положительных черт лидируют гостеприимство, доброжелательность и трудолюбие. Реже называют искренность, широкую душу, добросовестность, оптимизм. Среди отрицательных черт названы алкоголизм и воровство. Среди качеств сибиряков по мере убывания фигурируют доброта, отзывчивость, верность, терпеливость, веселье.

Нельзя не упомянуть и о специфичном для Безголосово моменте – довольно высоком уровне сохранности певческой традиции. Эта особенность нашла отражение и в книге О. А. Абрамовой, посвященной традиционной русской культуре Алейского района [1]. В Безголосово действует народный хор «Безголосовские напевы», он был организован более 30 лет назад и объединяет подлинных любителей народной песни. Участники этого коллектива ведут активную работу по сбору, а впоследствии – и исполнению не только русских, но и белорусских и украинских песен. Сегодня их репертуар насчитывает более 300 песен. Для участников этнографической экспедиции была организована специальная встреча с народным хором, в ходе которой практиканты познакомились с различными образцами песен, народных игр и шутивными произведениями безголосовских авторов.

Безголосово представляется очень перспективным для дальнейшего изучения народных традиций местного населения, и этнографы Алтайского университета планируют продолжить изучение его культуры.

Литература и источники

1. Абрамова О. А. Русская традиционная культура Алтайского района Алтайского края. Барнаул, 2002.
2. Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974.

3. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004.
4. Материалы этнографических экспедиций АлтГУ, фонд 2 — культура русских; папка 1 — «Карточки, собранные этнографической практикой АлтГУ у русского населения с. Безголосово Алейского района Алтайского края в июле 2005 года»; папка 2 — «Опросные листы по изучению этнического самосознания русских, собранные этнографической практикой АлтГУ в с. Безголосово Алейского района Алтайского края».

М. А. Овчарова

Мордва Шелаболихинского района: итоги полевого сезона 2005 г.

В течение многих лет, начиная с 1998 г., в ходе историко-этнографических экспедиций под руководством д-ра ист. наук Т. К. Щегловой проводятся исследования по программе «Мордва Алтай: историко-культурное наследие». Автором неоднократно публиковались предварительные итоги полевых исследований [1]. Цель программы — выявление особенностей развития и специфики культуры этнической группы мордвы в поликультурном сообществе Алтайского края. Одним из аналитических материалов стала публикация [2]. Последние полевые исследования проходили на территории Шелаболихинского района, в ходе этой работы нами была установлена еще одна зона ранее компактного, а в настоящее время — дисперсного проживания мордвы. Полевой материал позволил выявить основные этапы и районы ее расселения.

Шелаболихинский район находится на севере Алтайского края, граничит с Павловским и Ребрихинским районами. По рельефу разнообразен: основная часть населенных пунктов расположена в степной части с большим количеством рек (основная река — Обь), это так называемые приобские села (северо-восточная часть района). Юго-западная часть района — лесостепная, здесь расположен Кулундинский ленточный бор, разделенный небольшими реками, и эта часть района являлась местом возникновения первых населенных пунктов. Действительно, многие населенные пункты на территории Шелаболихинского района возникли очень рано: села Кучук (1736 г.), Киприно (1745 г.), Макарово (1781 г.), Ново-Обинцево (1745 г.) [3].

Появление здесь русских и образование первых населенных пунктов было связано с представителями старообрядчества. Так, с. Верх-Кучук долгое время было местом укрытия и проживания старообрядцев: место было удобным благодаря тому, что оно всех сторон окружено лесом, через который протекает река.

Массовое переселение на Алтай крестьян, в том числе и мордовской национальности, из Центральной России началось с 1865 г. В отличие от

раннее исследованных нами районов, где мордовское население образовывало новые деревни (Залесовский, Солтонский, Бийский, Тальменский), в Шелаболихинском районе мордва подселалась в уже существующие населенные пункты. Переселенческий поток мордовского населения в этот район можно разделить на 3 этапа и выделить две зоны расселения мордвы. В 1882–1899 гг. на территории района появляются первые мордовские семьи. Основной поток мордвы-переселенцев приходится на стольпинские реформы. Третий этап переселений относится к 1920–1930 гг. и связан с голодом в Поволжье, нехваткой земли. Мордва переселялась уже не такими большими группами, селилась в местах, где жили родственники. В ходе экспедиции нами было выяснено, что основная масса мордовских семей прибыла из Пензенской, Самарской, Казанской губерний.

В Шелаболихинском районе можно выделить две зоны проживания мордвы: эрзянская (с. Макарово, с. Верх-Кучук) и смешанная (эрзя и мокша) – с. Ново-Обинцево, с. Кучук, с. Сибирка. Эрзянская зона расположена в юго-западной (лесостепной) части района, где раньше всего появились мордовские переселенцы (села Макарово и Верх-Кучук Обской волости). Первые эрзянские семьи появились в с. Макарово (образовано в 1781 г.) при р. Свинке. В 1886 г. сюда приехало 4 семьи: 2 из Пензенской (Харитонов Филипп Федулович и Пестов Алексей Максимович) и две – из Казанской губернии (братья Котиковы, Павел Егорович и Иван Егорович) [4]. В 1897 г. в Макарово было 212 хозяйств (1 109 чел., из них 128 представителей мордвы) [5]. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в селе было уже 487 дворов (3 143 чел.) [6]. Русское население состояло в основном из крестьян-переселенцев из Тамбовской и Орловской губерний. Мордовское население в с. Макарово переселилось из двух губерний: Пензенской – 58 семей (379 чел.) и Казанской – 28 семей (63 чел.) и на тот момент по численности составляло 15%.

Переселялись большими семьями, родственными группами: Ведяшкиных – 2 семьи, Герасимовых – 3, Зюзмеевых – 2, Ивановых – 5, Обуховых – 2, Пивцайкиных – 4, Пестовых – 5, Куркиных – 4 [4]. В настоящее время в селе проживает много потомков мордвы, сохранился мордовский край (раньше была большая мордовская улица), но относят себя к мордве только представители старшего поколения, которые являются основными носителями бытового языка и элементов материальной культуры. Традиции, связанные с обрядовой пищей, элементы материальной и духовной культуры сохранились в памяти (как это было у отца, матери, бабушки, дедушки), в жизни они применения не находят.

Среднее и младшее поколение не знает мордовского языка, полностью идентифицирует себя с русскими.

Верх-Кучук – старое старообрядческое село (обр. в 1811 г.) при р. Кучук [3]. Мордовское население здесь появилось в период массовых столыпинских переселений, в период с 1900 по 1913 гг. в село переселилось 23 мордовских семьи. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., основной поток мордовских переселений пришелся на 1907–1908 гг., когда приехало 14 семей. В Верх-Кучук мордва переселилась из Самарской губернии – 19 семей (152 чел.) и из Симбирской – 4 семьи (25 чел.) [6]. Сюда переселенцы также переезжали большими родственными группами: Хожаевых – 4 семьи, Захаровых – 3, Сарбаевых – 4, Иваковых – 3, Ионовы и др. [6]. Село делилось на две улицы: «Дед говорил, что за рекой жили кержаки, а тут мы» [7]. По правому берегу р. Кучук, вдоль кромки бора, стояли добротные, большие, крытые «по-круглому» дома кержаков (Латкиных, Казаковых), а на левом берегу расположились дома мордвы – «маленькие избы-пятистенки, пол земляной» [8].

Многие из мордвы были ходоками, кержаки долгое время не хотели принимать переселенцев, некоторых убивали. Так, дед Марии Ивановы Хожаевой Трофим Заказчиков был ходоком, он рассказывал: «Тут, когда кержаки жили, а ходоков стало много, убивали. Ходоки, потом они возвращались и рассказывали, что здесь много земли, тут свобода». Добирались – «ехали на повозках, лето, осень ночевали в поле, в деревни боялись заходить» [8]. Действительно, место, где расположилась деревня Верх-Кучук, было очень удобно, река была рядом, со всех сторон село окружал лес, за ним располагались пашни.

Мордва нанималась на работу к кержакам: «Подсевали, пахали, за скотом ухаживали» [9]. Первое время чувствовалось негативное отношение к мордве со стороны кержаков, но постепенно «прижились». Хотя до сих пор считают, что кержаки пустили мордву-переселенцев, «потому что им работники были нужны, семьи у них были большие, хозяйство тоже, скота держали много» [9]. В настоящее время сохраняется название «мордовская улица», противопоставление «наши» (т. е. мордва) и «их», «по-ихнему» (кержаки). Как правило, браков между кержаками и мордвой не было, были браки между мордвой и русскими переселенцами. В этой ситуации представители мордвы «стремились быстрее научиться говорить по-русски». Если деды, которые приехали уже пожилыми, русским языком так и не овладели, то молодое поколение овладело им и учило русскому своих детей, поэтому в настоящее время представители старшего поколения (1922–1930 гг. рождения) владеют бытовым мордовским языком. Связи с исторической родиной никогда не поддер-

Т. И. Сарбаева, 1925 г. р., и А. Ф. Гладилова, 1924 г. р. (мордва-эрзя).
Шелаболихинский район, с. Верх-Кучук, 2005 г.

живали, газеты не выписывали. Среднее и младшее поколение не идентифицируют себя с мордвой.

Вторая зона (смешанная) проживания мордвы на территории Шелаболихинского района расположена в северо-восточной части: села Ново-Обинцево, Кучук, Сибирка (раньше была Сибирская волость). Эти населенные пункты находятся в степной части района (приобские села). В этой зоне мордовские переселения проходили в два этапа: появление первых мордовских семей связано со стольпинскими реформами, а вторая волна относится к 1920–1930 гг. и связана с голодом в Поволжье. Село Ново-Обинцево расположено на берегу Оби (обр. в 1745 г.), где была мокшанская зона [3]. Мордовских семей здесь было много, до сих пор вспоминают, что «повсюду звучала мордовская речь, пели песни на мордовском» [10]. В Ново-Обинцево в 1900–1915 гг. переселилось 43 семьи. Это были мордовские переселенцы из Пензенской губернии — 41 семья (260 чел.) и 2 семьи из Симбирской (7 чел.). Основной поток переселенцев приходился на период 1907–1908 гг., когда приехало 26 мордовских семей [11]. Приезжали большими группами: так, прибыли вместе несколько семей Давыдкиных, Елесеевых, Елизаровых, «выехали целой

М. М. Хожаева,
1925 г. р. (мордва-эрзя).
Шелаболихинский рай-
он, с. Верх-Кучук,
2005 г.

улицей». Первое время переселенцы жили бедно, «леса не было, строили литушки из глины, зато земли было вдоволь. Там-то жили в домах, крытых соломой, земли мало, голодовали. А здесь потом обжились, построили дома, хорошо стало» [10]. В 1920–1930-е гг. прибыла вторая волна мордовских переселенцев. Места на берегу не хватило, и дома они поставили под берегом, рядом с Обью. Мордовские дома были небольшими, крытыми соломой, пол глиняный. Сейчас сохранилась мордовская речь, воспоминания о том, что раньше мордвы здесь было много, «мордовская речь звучала повсюду», одежда у них была не такая: «наши женщины носили под юбкой обязательно штаны, здесь так не одевались, платок по-другому повязывали» [10].

Эрзянская зона в северо-восточной части района представлена селами Кучук и Сибирка. Так же, как в Ново-Обинцево, первая волна переселений здесь связана с стольпинскими преобразованиями. В с. Кучук (обр. 1736 г.) [3] мордовские семьи (Диковых, Каштановых, Королевых,

Т. И. Сарбаева,
1925 г. р., и М. А. Овчарова. Шелаболихинский район, с. Верх-Кучук, 2005 г.

Мавриных) переселились в 1900–1913 гг. из Пензенской губернии – 35 семей (184 чел.) [12]. В Сибирку (обр. в 1911 г.) в период 1910–1912 гг. переехало всего 4 семьи (26 чел.) из Самарской губернии, основной поток мордвы сюда переселился в 1930-е гг. [13]. Выселились целой деревней: «плохо там стало жить, голод, и поехали в Сибирь» [14]. Так, в Сибирке поселились семьи Вельмакиных, Пивкиных, Байковых, Ходиневых, образовав мордовский край. «Когда приехали, совсем по-русски не разговаривали, дети до школы говорили по-мордовски, а потом научились, куда деваться. Язык мордовский сейчас не знаем, учить нас ему не учили, книг никогда не видели, так и забыли свой язык» [14]. Мордва привезла с собой одежду: «юбки с кофтами были у них яркие, красные, розовые, с вышивками, платок не так подвязывали, не так, как здесь» [14].

В с. Кучук в период 1925–1930 гг. также прибыло много мордовских семей: Архиповых, Пивкиных, Храмовых, Беляевых, Жариновых, Федоровых [15]. В этих семьях долгое время сохранялась мордовская речь, «родители всегда дома говорили по-мордовски» [15]. Дети знали язык, некоторые даже не ходили в школу, потому что не знали русского, и дома родители говорили по-мордовски. Так, Екатерина Семеновна Брылева (1925 г. р.) совсем неграмотная. Она родилась дорогой, когда родители ехали в Сибирь, потом так и не пошла в школу, «плохо говорила по-русски, а куда там писать и читать» [16]. Екатерина Семеновна вспоминает, что мать привезла сюда мордовскую одежду – «тут такую не носили, мать надевала несколько юбок сразу, да еще сверху фартук, все было вы-

шито, кофточка белая и много бус, мордовки любили носить бусы. Тут женщины не носили, я не помню» [16].

Таким образом, можно сделать предварительные выводы. Мордовская зона в Шелаболихинском районе начала формироваться в период массового переселения на Алтай (конец XIX в. – начало XX в.). В это время ее можно было назвать местом локального проживания мордвы, поскольку во многих населенных пунктах были мордовские улицы, «мордовские края». Мордовское население пополнилось также в связи с голодом в 1920–1930 гг. в Поволжье. Выделилась эрзянская зона (юго-западная часть района) и смешанная (эрзя, мокша – северо-восточная часть). Но, в отличие от других районов Алтайского края, где есть мордовские поселения (Залесовский, Солтонский районы), в настоящее время эта зона является местом дисперсного проживания мордвы.

Собранный материал в настоящее время обрабатывается и в последующем будет представлен в более обобщенном виде.

Литература и источники

1. Овчарова М. А. Мордва Солтонского района Алтайского края по полевым исследованиям 2005 г. // Этнография Алтая и сопредельных территорий / Под ред. М. М. Демина, Т. К. Щегловой. Вып. 6. С. 36–38; Овчарова М. А. Состояние и сохранность традиционной культуры мордвы в селах Залесовского района // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры / Т. К. Щеглова (науч. ред.). Барнаул, 2004 г.; Овчарова М. А. Мордва Бийского района: этнические процессы // Бийский район: история и современность: В 2 т. / Отв. ред. Т. К. Щеглова. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 89–97.
2. Овчарова М. А., Щеглова Т. К. Мордва Алтайского края: самосознание и самоидентификация // Народы Евразии: Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 175–183.
3. ЦХАФ АК. Ф. Р-1765, оп. 1. д. 36.
4. ЦХАФ АК. Ф. 233, оп. 1, д. 713–717 (подсчет автора).
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Троицкого. Т. LXXIX. Томская губерния. М., 1904.
6. ЦХАФ АК. Ф. 233, оп. 1, д. 701–704 (подсчет автора).
7. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район, с. Верх-Кучук). Сарбаева Т. И., 1925 г. р., кассета № 74.
8. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Верх-Кучук. Хожаева М. М., 1925 г. р., кассета № 72.
9. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район, с. Верх-Кучук). Гладилова А. Ф., 1924 г. р., кассета № 74.
10. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район, с. Ново-Обинцево). Бикейкина Н. Н., 1934 г. р., кассета № 118.
11. ЦХАФ АК. Ф. 233, оп. 1, д. 958 (подсчет автора).
12. ЦХАФ АК. Ф. 233, оп. 1, д. 953 (подсчет автора).

13. ЦХАФ АК. Ф. 233, оп. 1, д. 961 (подсчет автора).
14. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район, с. Сибирка). Музалевская А. Г., 1929 г. р., диск № 1.
15. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район, с. Кучук). Савкина Е. С., 1939 г. р., диск № 1.
16. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район, с. Кучук). Брылева Е. С., 1925 г. р., диск № 1.

И. В. Попова, О. С. Мамонтова

Полевые этнографические сборы Алтайского государственного краеведческого музея. Краснощековский район, 2005 г.

За период с 1988 по 2004 гг. Алтайский государственный краеведческий музей провел 11 историко-этнографических экспедиций в районы края: Залесовский (1988), Чарышский (1989), Благовещенский (1990), Троицкий (1992), Третьяковский (1993, 2004), Красногорский (1994), Солонешенский (1995), Алтайский (1996), Солтонский (2001), Зональный (2003). Одна из целей экспедиций – выявление и сбор предметов материальной и духовной культуры народов, проживавших на Алтае в конце XIX – начале XX вв. [1, с. 182].

С этой же целью в июне 2005 г. сотрудники Алтайского государственного краеведческого музея посетили Краснощековский район. Во время экспедиции были обследованы села, основанные во второй половине XVIII–XIX вв.: Краснощеково (1748), Усть-Белое (1782), Верх-Камышенка (1783), Березовка (1880), Чинета (1782), Тигерек (1777), Усть-Пустынка (1776), Усть-Козлуха (1781). Изначально они были основаны и заселены старообрядцами, старожилами первых местных деревень, самовольными переселенцами. Со второй половины XIX в. эти земли заселяли переселенцы из Воронежской, Курской, Тамбовской, Рязанской губерний. На сегодняшний день в селах преобладают потомки переселенцев из Воронежской и Курской губерний. Потомков старожильского населения нам удалось встретить в с. Тигерек. По-видимому, это потомки этнической группы «казаки», которые служили на Тигерекском форпосте и основали деревню в 1777 г. Ныне от форпоста остались вал и ров в центре села. Семья Корыповых передала в музей 4 подлинных семейных снимка 1930-х гг., на которых запечатлены коренные жители с. Тигерек.

В ходе экспедиции велся сбор предметов следующих групп: орудия земледелия, скотоводства и ремесел, бытовые текстильные изделия, домашняя утварь, одежда (традиционного и городского типа), предметы культа. Особо следует отметить лепные корчагу и кринку, выполненные в первой половине XX в. Уникальны эти вещи тем, что лепная посуда

Жилой дом с полатями. С. Березовка

практически не сохранилась в селах Алтайского края. А в отдаленном селе Тигирек ею продолжают пользоваться и сегодня. По словам Тамары Ивановны Корыповой, 1946 г. р., посуду изготавливали женщины. Делали ее из глиняных калачиков. Сосуд высыхал, его смазывали сывороткой, сушили в течение суток, обжигали в русской печи и опускали горячим в сыворотку для блеска. Делали различные виды посуды: корчаги, кринки, горшки. Иногда на них рисовали геометрические, растительные и орнитоморфные орнаменты.

Потомки казаков проживают также в с. Чинета. Семья Плотниковых передала в музей семейные фотографии конца XIX – первой половины XX вв. На них изображены казаки с. Яровского (ныне не существует). На одном из снимков запечатлен прилет первого самолета в с. Тигирек в 1940-х гг.

1880 г. считается годом основания Березовки, одного из крупнейших сел Краснощековского района. Именно в этом году здесь стали расселяться первые переселенцы из центральной части России. Ранее на этом месте была кержацкая заимка [2, с. 72]. В старой части села был обнаружен дом с сохранившимися полатями. По словам хозяйки, Татьяны Васильевны Гловой, 1956 г. р., он был построен отцом ее прадеда Кирилла Суханова (1870–1960-е гг.). В доме были найдены различные части кросен, среди них – векошки (детали ткацкого стана для поддержания

Курское полотенце.
С. Березовка, начало XX в.

на весу и регулирования движения ниточек), орнаментированные полосками. По словам Т. В. Глотовой, ткачеством занималась ее бабушка Ефросиния Кирилловна (1912–1990-е гг.).

В с. Березовка компактно проживают потомки переселенцев из Курской губернии, приехавших в начале XX в. Нами собран комплекс курских полотенец начала XX в. Как правило, полотенца изготовлены из домашнего холста, вытканного в 2–4 ниточки, концы украшены вышивкой с растительным орнаментом. Их отличительной чертой являются атласные и кашемировые вставки-полоски зеленого и розового цветов.

Применение полотенец было различным. Их вешали на иконы во время праздников и во время похорон, повязывали на крест. К сожалению, их сохранилась не так много. По словам Евдокии Ильиничны Шеиной, 1921 г. р., во время войны все проели: полотенца и многое другое.

В этом же селе нам передали праздничную кашемировую кофту конца XIX в. Кофта принадлежала бабушке Татьяны Ивановны Ломакиной, 1937 г. р., уроженки Воронежской губернии. По словам сдатчицы, кофту бабушка надевала только на Троицу. К сожалению, другой одежды или обуви традиционного, городского типа выявлено не было. Хотя в селе и был сапожник, Дмитрий Иванович Ломакин (1870-е – 1942 гг.), переселенец из Воронежской губернии, его изделия не сохранились. Инструменты хранятся у его внука, Владимира Яковлевича Ломакина, 1935 г. р. Он передал нам молоток сапожника.

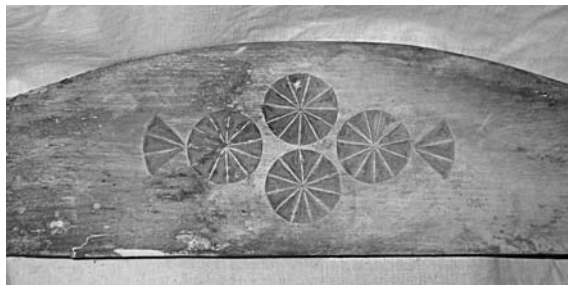
Потомки переселенцев из Воронежской губернии и Украины проживают в с. Усть-Козлуха. Житель этого села Анатолий Федорович Рожков, 1945 г. р., передал в музей планшетку от набилок начала XX в. Она интересна тем, что орнаментирована 4 солярыными знаками, образующими ромб. Знаки представляют собой круги, выполненные в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Планшетка принадлежала его бабушке, переселенке из Воронежской губернии. Орнаментированные детали ткацкого стана встречаются крайне редко, в фондах нашего музея их практически нет, поэтому подобные находки очень ценны.

Корчага. С. Тигирек

В центре с. Усть-Козлуха стоит двухэтажное бревенчатое здание старой школы. Здание было построено в 1931–1932 гг. Юрий Витальевич Суворов, директор школы, рассказал со слов старожилых села, что его построили из бревен разобранных церквей. В селах выше по течению р. Чарыш разбирались церкви, и бревна сплавлялись в с. Усть-Козлуха. По рассказам старожилых, все, кто принимал участие в разборе церквей и строительстве школы, тяжело заболели либо стали инвалидами.

Таким образом, во время экспедиции был собран материал, отражающий в основном традиционную культуру русского населения Алтая. Характерные предметы сборов – орудия ткацкого ремесла, образцы ткачества, женского рукоделия. Это связано с тем, что ткачеством занимаются и сегодня. Практически в каждом селе нами зафиксировано наличие кросен, на которых зимой ткут шерстяные половики. В прошлом население в обследованных селах делало небольшие посадки льна и конопли, имело приспособления для обработки сырья и изготовления ткани. В настоящее время снижается возраст информантов, которые могут расска-

Планшетка от набилок. Начало XX в.

зять об орудиях ткачества, о техниках тканья. Это связано с тем, что холсты для пошива одежды, полотенец и других изделий, со слов сельчан, ткали до середины 1950-х гг. В изготовлении полотна участвовали и мальчики. В. Я. Ломакин, житель с. Березовка рассказал что, будучи ребенком, помогал сучить цевки, а с 13 лет уже ткал.

Бондарные и плетеные изделия практически не сохранились, так как от них старались избавляться, переходя на использование фабричных, заводских товаров. Со временем вещи приходили в негодность, использовались на дрова. По тем же причинам постепенно исчезает и глиняная утварь.

Экспедиционные сборы (более 100 единиц) находятся в процессе изучения. Работа по комплектованию коллекции предметов культуры народов, проживающих на Алтае, будет продолжена. В 2006 г. сотрудники АГКМ планируют повторный выезд в Краснощековский район для более детального его исследования.

Литература

1. Попова И. В. Формирование этнографической коллекции Алтайского краевого краеведческого музея (некоторые итоги экспедиций 1988–1995 гг.) // Этнография Алтая. Материалы II науч.-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 182–187.
2. Ханин М. И. Села на территории будущего Краснощековского района в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории Краснощековского района. Барнаул, 2005. С. 70–79.

Б. Б. Пушкарев

Самосознание татар г. Барнаула по исследованиям 2005 г.

В 2005 г. проводились исследования среди татар г. Барнаула по авторской программе с целью сбора этнографической информации. Отдельным направлением стало изучение этнической идентичности и этнического самосознания татар, находящихся в значительном отрыве от материнского этноса. Автором была разработана анкета, которую респонденты заполняли самостоятельно. Всего было заполнено более 50 анкетных листов, данные которых использованы в настоящей статье.

Изучаемая этническая группа характеризуется довольно длительным периодом формирования – от начала XX и до конца XX в. – и включает в себя представителей различных этнических образований, объединенных общим этнонимом «татары». Последнее время ознаменовалось усилением этнических чувств, реанимацией этнических ценностей, «взрывом этничности». Подъем этнического самосознания является своеобразной реакцией на изменение этнополитической ситуации, отстаиванием своей идентичности. В группе татар Алтайского края, долгое время не имевшей организации, мест сбора и даже мечети, эти процессы

проявились наиболее ярко, что выразилось в попытках образования культурных объединений в начале 1990-х гг. и строительстве мечети совместно с представителями других этносов, исповедующих ислам. Объединение татар завершилось образованием национально-культурной автономии (НКАТ) в январе 2005 г.

Для определения этнической идентичности исследуемой группы использовался этносоциологический подход. Для этого в анкетах был поставлен вопрос об этнической принадлежности человека с готовыми вариантами ответа и пустым полем, заполнявшимся, если ни один из предложенных вариантов ответа не подходил. Самостоятельное заполнение анкет респондентами позволило создать достаточно репрезентативный источник по этнической самоидентификации (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Этническая принадлежность

Этнос	Количество		Этнос	Количество	
	абс.	%		абс.	%
Татары	13	37,0	Крымские татары	0	0
Сибирские татары	9	25,7	Мишари	1	2,9
Крящены	1	2,9	Другое	1 (тат. и русск.)	2,9
Казанские татары	10	28,6			

Полученные результаты свидетельствуют о том, что представители татарской диаспоры, объединенные в НКАТ, идентифицируют себя с различными татарскими этносами или этнографическими группами, что в целом отражает проблему с определением этнонима «татары». Наибольшее количество людей называет себя просто «татарами» – общим этнонимом, которым назывались многие тюркоязычные народы.

36% респондентов имеют двойственное самосознание: они идентифицируют себя с конкретной группой татар и одновременно – с общим понятием «татары». К группе «татары и казанские татары» причисляют себя 24% опрошенных, «татары и сибирские татары» – 8%; «татары и мишари» – 4%. Этническое самосознание включает в себя различные компоненты образа «мы». В этот образ входят представления о своем народе, о его культуре, чертах характера и историческом прошлом. Содержательное наполнение и значимость этих представлений у разных народов, как правило, значительно различаются. По результатам анкетирования, наибольшее значение среди этноидентификационных признаков татар Барнаула имеют религия и язык: 21,6 и 20,3% (табл. 2). Это объясняется тем, что объединение татар и попытки возрождения этнической культуры строились вокруг религиозной идентичности и были направлены

главным образом на восстановление мечети. Язык же всегда выступает в качестве базовой этнической ценности в период динамичных социальных изменений и национального подъема.

Таблица 2

Этноидентификационные признаки татар г. Барнаула

Признак	Количество ответов		Признак	Количество ответов	
	абс.	%		абс.	%
Язык	14	20,3	Религия	15	21,6
Характер	7	10,2	Исторические судьбы	9	13,1
Внешний облик	12	17,4	Другое	0	0
Культура, обычаи	12	17,4			

Исследования отличия других народов от татар («они») также показали большую значимость языковой компоненты в структуре этнического самосознания (табл. 3). Более 25% респондентов назвали язык главным отличительным признаком представителей других этнических групп. Вторыми по значимости компонентами образа «они» являются культура, обычаи и религия (соответственно 19 и 17,7%).

Таблица 3

Признаки, по которым отличаются другие народы

Признак	Количество ответов		Признак	Количество ответов	
	абс.	%		абс.	%
Язык	20	25,3	Религия	14	17,7
Характер	9	11,4	Исторические судьбы	11	17,7
Внешний облик	10	12,7	Другое	0	0
Культура, обычаи	15	19,0			

Результаты анкетирования показывают осознание татарами Алтайского края своей общности и отличия от татар других регионов. При ответе на вопрос, по каким признакам отличаются татары других регио-

Таблица 4

Различия между татарами Алтайского края и татарами других регионов

Признак	Количество ответов		Признак	Количество ответов	
	абс.	%		абс.	%
Язык	15	40,5	Религия	1	2,7
Характер	0	0	Исторические судьбы	9	24,3
Внешний облик	4	10,8	Другое	2	5,4
Культура, обычаи	6	16,3			

нов, 40,5% респондентов указали язык, 24,3% — исторические судьбы (табл. 4).

Подводя итоги, необходимо отметить, что этническое самосознание татар Алтайского края находится на достаточно высоком уровне, что отражает современные этнические процессы. Дальнейшей перспективой данного исследования является более детальная проработка анкетных листов с разбивкой по возрастным признакам для изучения особенностей этнического самосознания в различных возрастных группах.

М. Н. Сигарева

Фольклорно-этнографическая экспедиция в с. Сибирячиха Солонешенского района

Подготовка специалистов по фольклорно-этнографической работе на специализациях «Этнохудожественное творчество», «Декоративно-прикладное творчество» Алтайского краевого колледжа культуры включает в себя проведение исследований в области традиционной народной культуры, в том числе экспедиционных исследований в районах края. Фольклорно-этнографические исследования — не только основа изучения фольклорных традиций, но и неперемное условие подготовки профессионально грамотного специалиста. С открытия специализации в 1996 г. ежегодно организовывались полевые исследования в различных районах края — Петропавловском, Чарышском, Солонешенском, Волчихинском, Усть-Коксинском, Третьяковском, Заринском, Тогульском, Ельцовском, Залесовском, Романовском и др.

В селах Солонешенского района преподаватели и студенты вели работу с 1998 г. Экспедиция 2004 г. в с. Сибирячиха проводилась по методу комплексного фольклорно-этнографического обследования и имела целью сбор материалов по теме «Локальные особенности традиционной культуры поляков-староверов с. Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края».

Работа с информаторами и исполнителями позволила дополнить и расширить имеющиеся представления о традиционной культуре старообрядцев. Записаны репортажи об истории, быте, вере, праздниках народного календаря, традиционной свадьбе, одежде и др. Особенно интересным оказалось мнение об интересующей нас этнографической группе Матвея Павловича Гарнака, 1920 г. р., переселенца из Белоруссии. Он приехал в Сибирячиху в 1960-е гг., работал учителем, затем директором школы. Матвей Павлович рассказал о том, что больше всего его поразило отсутствие замков на домах (исключение составляли только сельсовет, магазин и школа), открытость и искренность людей, а также их вы-

сокая культура: «Они малограмотные были, но были они вежливые, обходительные. Такие вот благородные просто. Зла вот никогда человеку не сделают, вот. Если что пообещают, вот это сделают. Человек — слово! Вот. Ему можно было верить».

Многие из респондентов, уже привыкшие отвечать на вопросы многочисленных экспедиций не только местных фольклористов и этнографов, но и исследователей из европейской части России и даже из-за рубежа, собранно и уверенно давали ответы на интересующие нас вопросы. Рассказывают, что перебирались поселенцы сюда, на неосвоенные земли, разными судьбами. Приверженцы старой веры, населявшие Сибирячиху, были охарактеризованы их потомками как «чистоплотный, трудолюбивый народ «кержацкого сословия», который называли «поляками», «кержаками», «православными», «одноверческими». Так, по воспоминаниям Анастасии Сидоровны Денисовой, 1908 г. р., в Сибирячихе жили «одноверческие», так же как и в Таловке, Большой речке, Петропавловке и Топольном, в отличие от Березовки, где жили переселенцы из России, православные. «У их вера вроде другая, чем в Березовке», — рассказывала о «поляках» Евдокия Гавриловна Голованова, 1921 г. р. По словам Дарьи Никитичны Рябых, 1922 г. р., «тут были кержаки какие-то, давно откуда-то понаехали. Еще чунари какие-то — на букву „ч“ все говорили, у них ударение было на букву „ч“». Информаторы вспоминают о единоверческой («одноверческой») церкви, моельном доме и часовне. «Церква большая была... Моельня была...» (Рябых Д. Н.). По рассказам Елизаветы Андрияновны Даниловой, 1916 г. р., ее дед Федор Стрельцов служил трапезником в церкви.

Наиболее подробная информация о поляках-староверах была получена от М. П. Гарнака, который заинтересовался историей их переселения в Сибирячиху и работал с документами краевого архива: «...Переселенцы были как раз из Белоруссии, Гомельской области, станция Ветка. Оттудыва их, когда... первый раздел Польши был проведен в 1773 году при Екатерине II... Так вот. Екатерина II этих... их называли кержаками, это самое, этих старообрадцев... Они русские были, а когда они... в России они были, они бежали от преследования туда, на территорию Польши, а до этого Белоруссия входила в состав Польши».

До сих пор в Сибирячихе сохранились старые дома с росписью дверей и полатей. Расписные двери домов Александры Павловны Соловьевой, Валентины Романовны Гончаровой, Михаила Георгиевича Осипова содержат часто встречающийся в алтайской домовой росписи мотив древа жизни с райскими цветами и птицами. Фрагмент круговой композиции зафиксирован нами на полотах в доме Ивана Марковича Черепана

нова, 1926 г. р. Наибольшее впечатление произвел заброшенный двухэтажный особняк в центре села. По сведениям Анны Игнатьевны Архиповой, 1916 г. р., он является «ровесником Пушкина», когда-то в нем жил богатый купец. Многие отмечают, что все стены, потолок были расписными, а после раскулачивания дом отдали под больницу, позже – роддом, и стены в нем оштукатурили и забелили. Под штукатуркой стен второго этажа и сохранилась роспись – синие ромбы с цветами по белому фону.

Традиционная одежда сохранилась в некоторых семьях поляков-староверов. Рукава, сарафаны, крылатик, пояса были зафиксированы у участниц фольклорной группы А. П. Соловьевой, П. И. Стрельцовой. А. С. Денисова показала «смертную» одежду, выполненную по традиционному крою, – «смиретный сарафан», рукава, фартук.

Репортажи о традиционной игрушке были дополнены изготовлением тряпичной куклы-закрутки под руководством Пелагеи Феоктистовны Осиповой, 1915 г. р., участниками экспедиции.

Праздники народного календаря в Сибирячихе отмечались так же, как в других селах – «вечерня, обедня... молятся, только тогда идут домой и празднуют» (Е. А. Данилова). Из всего календарного цикла выделяются святки, масленица и весенне-летние гуляния, начинаемые с Пасхи. Святочный период характеризуют обычаи колядования, «машкаровка», святочных «игришш» и гаданий. Крещение А. С. Денисова назвала праздником, на который съезжались в Сибирячиху «одноверческие» – из Топольного, Петропавловки, Большой речки, Таловки. Особым разгулом отличались масленичные гуляния, включая катания на лошадях, украшенных особым образом, катания с гор, ряженье, обычаи подшучивания над молодыми парами, народные забавы, разнообразие обрядовой кухни. Самым красивым называют в Сибирячихе праздник Пасхи, когда ходили в церковь «Христа встречать», петь «Христос воскрес», яйца красили, ребятишки катали их, а молодежь собиралась на полянку у церкви и водила кружки. Из круговых песен зафиксированы «Да я взойду на гору», «Как под наши ворота», «Ты заря ли наша, зоренька», «Да я лиха была» и др. Следует отметить, что в Сибирячихе, как и повсеместно в среде старожилов на Алтае, хороводные песни традиционно имели сезонную приуроченность. Если перечисленные выше имели название «круговых», «весенних» и имели отношение к пасхальным и троицким гуляниям, то со святочным периодом связаны «игришные» – «Заскочил наш козелик», «Кони, вы, кони» и др.

Песенные жанры фольклора записаны нами от этнографического коллектива в составе П. И. Стрельцовой, М. С. Дударевой, А. П. Соловьевой, В. Л. Чернаковой, Н. Т. Давыдовой, а также от отдельных исполните-

лей — П. Ф. Осиповой, А. Ф. Черепановой. Необходимо отметить, что значительное место в репертуаре народных исполнителей Сибирячихи занимает лирическая песня — протяжная, рекрутская, тюремная, романс. Кроме того, встречаются шуточные, плясовые, частушки. Свадебный фольклор — жанр в наши дни практически забытый. Жанры календарного фольклора в репертуаре сибирячихинских «песельниц» отсутствуют, что вообще характерно для старожилов Алтая. Анастасия Филипповна Черепанова, 1932 г. р., унаследовала знание традиционных песен от своих старших родственников. По ее словам, ее семья была особенно «певчей» в селе. Пение Анастасии Филипповны, несмотря на молодой по меркам традиционной культуры возраст, отличает архаика напевов, своеобразная манера исполнения, свобода импровизации.

Мы благодарны жителям Сибирячихи, сохранившим до наших дней традиции села. Материалы экспедиции существенно дополнили знания по традиционной культуре поляков-староверов, показали, что исследуемая локальная традиция отличается яркостью, своеобразием, характеризуется рядом устойчивых признаков и относительно хорошей сохранностью. При этом общение с носителями традиционной культуры не только научно и творчески обогатило преподавателей и студентов, но и способствовало приобретению духовного опыта, формированию личности.

А. В. Симкова

Алтайское старообрядчество — реальность и вымысел (по материалам ИЭЭ 2005 г. в Шелаболихинский район)

Алтайское старообрядчество — органическая часть старообрядческого духовно-религиозного движения европейской части страны, выделившегося в результате церковных реформ патриарха Никона во второй половине XVII в. Жесточайшие преследования сторонников старой веры вызвали массовые миграции старообрядческого населения как за пределы России, так и на ее окраины, включая юг Западной Сибири. В 1760–1770-е гг. в Сибири складываются новые центры старообрядчества: населенные пункты так называемых «каменщиков» в верховьях Бухтармы и Катуня; «поляков» — в верховьях Алея, с постепенным расселением их по рекам Убе, Ульбе и другим районам Алтая.

В ходе полевых исследований в Шелаболихинском районе нами было выявлено два центра старообрядчества — села Верх-Кучук и Иня, выбранные переселенцами-староверами из-за их расположения в местах скрытных и недоступных для властей.

Село Верх-Кучук расположено на берегу небольшой реки Кучук, первоначально оно было полностью «спрятано» в бору и имело выход к по-

лям только с одной стороны [1]. По данным Ю. С. Булыгина, село образовалось в 1811 г. Первопоселенцами были братья Латкины – Никита Калинович и Митрофан Калинович, ходоки из Нижегородской губернии, кержаки [2]. По устным источникам, старожилами-староверами были семьи Абрамовых, Куликовых, Никифоровых, Кривых, Веселковых, Дорофеевых, Колбиных. Дома первопоселенцев были добротными, большими, крылись «по-круглому». Староверы жили небольшой замкнутой общиной – эту версию подтверждают данные списков населенных мест: в 1898 г., до начала массового переселения, в Верх-Кучуке было всего 29 дворов (394 человека) [3], а в 1911 г. – уже 213 дворов (1 391 человек) [4].

Село Иня расположено вдоль небольшой реки Ини на правом берегу Оби, тогда как другие села Шелаболихинского района находятся на левом берегу. Лежит село на пригорке среди лесов и когда весной разливаются Обь, пригорок превращается в недоступный остров. По данным Ю. С. Булыгина село образовалось в 1721 г. [2]. По устным источникам, старожильческими семьями являются семьи Бархатовых, Пестеревых, Соколовых, Ворсиных, Карповых.

На рубеже XIX–XX вв. на Алтай хлынула волна переселенцев из «Рассеи», в том числе и в старообрядческие села. В с. Верх-Кучук новоприбывших встретили не очень радушно – место для поселения отвели отдельно от общины: «по ту сторону, за рекой, – кержаки, а здесь – мы» [5]. До сих пор, несмотря на длительное совместное проживание, сохранилось четкое разделение на «они» и «мы», «наше» и «ихнее», что свидетельствует об особой замкнутости староверческой общины. Долгое время общиной руководил представитель рода Латкиных, но, по словам М. М. Хожаевой, после смерти последнего Латкина главой общины был Васей Ефромеевич Куликов. У главы общины собирались по праздникам, на поминки, молились, он также «ходил к покойникам, поминал... стул ставят, на коленях, к покойнику, руки кладут и молятся... под колени платочек или тряпку подстилают» [5]. В Ине подобного главы общины не было, «какой-то Гаврила нашелся в Малиновке, стал ездить, соберет их и вот им книги читает, моельны. Мать – она неграмотна была, а этот Гаврила был грамотный, вот и читает» [6], он же крестил детей в селе – «позовут, этот Гаврила приедет, бочку деревянную поставят, воды нальют холодной и купают, пока не захлебнешься» [6].

Из интервью становится ясно, что главное отличие старообрядцев от переселенцев было в вере: «вера у их така – кержацка, книги у их отличаются от православных», и в обрядах – «они крестились двумя пальцами» [8], «они и собирались своим кругом, в других деревнях живут – ездили, как какой-то праздник, так приглашают туда» [7].

Наиболее распространенное заблуждение «рассейских» связано с традицией иметь свою посуду каждому члену семьи: «ведро с водой стоит, и взять чтобы ковшик и из него попить — нельзя, рядом стояла кружка, в которую надо было налить и пить», — говорит потомок кержаков В. А. Щербаков [8]. Переселенка Р. М. Ильичева объясняет это тем, что они, «наверное, брезговали» [7]. Переселенка же А. В. Симанова, несколько лет жившая в кержацкой общине на Ангаре, говорит, что «так по вере, такой закон Божий, чтобы не осквернять собой чужую посуду» [9]. Вообще староверам присуща необычайная чистоплотность: «У их дома были — все шоркались, лавки, стены все мылись» [9].

Самая расхожая легенда современности — легенда о гробе: «У старика Латкина лежал на крыше гроб долбленный, смолевый — значит из сосны» [5]. Существует и иная интерпретация этой легенды — что дед Латкин только сделает себе гроб, кто-нибудь умрет, он его отдаст, снова делает... так его и похоронили не в его гробу. Староверы действительно хоронили в долбленном гробу, гроб не обивали, «так было наказано, что обивать не надо, — вспоминает В. С. Карпов, — маму хоронили во всем белом, одежду она сама шила» [10]. Р. М. Ильичева говорит: «У их если умер кержак, то читают молитвы только кержаки» [7]. В целом похоронный обряд схож с обрядом переселенцев: «гроб несли на руках, делали носилки — жерди обстрогали, гроб привязали веревками и несли» [10], спускали гроб на полотенцах, которые потом разрезали и раздавали тем, кто копал могилу. Привязывали полотенце и на крест. Крест у староверов отличался от православного. В с. Верх-Кучук кладбище староверов первоначально было на другом берегу реки. С приездом переселенцев территория села увеличилась, и кладбище перенесли на новое место, и с тех пор, по словам Р. М. Ильичевой, оно стало общим.

Жизнь староверов изменилась при советской власти: потомок кержаков В. А. Щербаков вспоминает, что «когда повзрослее стал, пошла эта атеистическая пропаганда, молиться стало негде, и все они забыли; бабушка, вот та верила...» [8].

В настоящее время старообрядческая община в с. Верх-Кучук является действующей. Несмотря на то, что в нее входят не все потомки кержаков, большинство из них, особенно старшее поколение, не перешли в другую веру и во многом остались верны традициям старообрядчества. Так, В. А. Щербаков хочет, чтобы его похоронили по кержацкому обряду: «Я умру, надо мной не надо молитвы читать...» — и поставили кержацкий крест [8].

Материалы, собранные в ходе ИЭЭ, показывают, что староверы Шелаболихинского района расселялись дисперсно и были оторваны от основ-

ных центров алтайского старообрядчества, находившихся гораздо южнее, вследствие этого они постепенно забывали, к какому согласию или толку относятся, мифологизировали свою веру. Вымыслы же со стороны православных переселенцев возникали главным образом из-за большой разницы в быту.

Источники и литература

1. Архив ЛИК БГПУ, материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский р-н). Полевой дневник с. Верх-Кучук.
2. Бульгин Ю. С. Список населенных пунктов Алтайского края.
3. Списки населенных мест Томской губернии Барнаульского округа Кулундинской волости за 1898 г.
4. Списки населенных мест Томской губернии Обской волости Барнаульского уезда за 1911 г.
5. Архив ЛИК БГПУ, материалы ИЭЭ 2005 г. Хожаева Мария Михайловна, 1925 г. р. Кассета № 72.
6. Там же. Ильичева Мария Александровна, 1926 г. р. Кассета № 76.
7. Там же. Ильичева Раиса Михайловна, 1935 г. р. Кассета № 75.
8. Там же. Щербаков Василий Алексеевич, 1934 г. р. Кассета № 71.
9. Там же. Симанова Александра Васильевна, 1937 г. р. Кассета № 65.
10. Там же. Карпов Владимир Семенович, 1939 г. р. Кассета № 94.

Т. Ю. Шишмакова

Обработка конопли в первой половине XX в. населением Шелаболихинского района (по материалам историко-этнографической экспедиции)

Среди сельскохозяйственных культур, выращиваемых крестьянами, значительное место традиционно занимали лен и конопля, что было обусловлено необходимостью их использования в качестве сырья для производства холста, полотна, веревок, постного масла. Одним из направлений комплексной историко-этнографической экспедиции 2005 г. на территории Шелаболихинского района в русле исследований материальной культуры населения являлось изучение традиций обработки льна и конопли.

В историческом плане территория Шелаболихинского района относится к зоне раннего освоения русскими Верхнего Приобья (XVIII – начало XIX вв.). Возникновение первых поселений информаторы связывают с чалдонами. Со второй половины XIX в. на территории современного Шелаболихинского района стали оседать переселенцы из европейской части страны, что привело к формированию смешанной старожильческо-переселенческой этнокультурной среды. К началу XX в. пере-

селенцы стали преобладать. Они являлись выходцами преимущественно из Пензенской, Тамбовской, Рязанской и Черниговской губерний. Особенности традиций, принесенных старожилами и переселенцами с прежних мест проживания, проявились и в выборе технических культур. Так, в исследуемых селах для изготовления предметов быта, одежды старожилы использовали лен, а переселенцы предпочитали коноплю.

Выращивание льна и конопли требовало обработки земли и посева семян, для чего использовали ту же сельскохозяйственную технику, что и для хлебных злаков [1, с. 173]. Лен требовал гораздо больше ухода, чем конопля, но обе культуры были отзывчивы на удобрения [2, с. 326].

На территории Шелаболихинского района в рассматриваемый период коноплю и лен крестьяне выращивали в своих огородах наравне с картофелем [3]. Когда конопля отцветала, выбирали «мужские» стебли – «поскось». «Конопля имеет два вида – мужская и женская. Из конопли, которая дает зерно конопляное, делали веревки. А та конопля, которая опыляет эту коноплю, ее ткали... Она тонкая, а эта толстая... а та, тонкая, цветет, и пыль с нее, пыльца летит» [4]. Старожилы определяли поскось по метелочке в верхней части стебля [3]. Поскось выдергивали, а «женскую» коноплю оставляли дозревать, собирали в снопы и обколачивали, отделяя семена от стебля растения, из которого получали волокно [5]. Семена шли на посев, изготовление конопляного масла, приготовление сладостей. «А из семян в... деревянной ступе бабушка толкла семена конопли... есть возможность сахарку где-то достать – она чуть-чуть добавляла сахарку и нам угостинице делала» [4].

Затем следовало мочение, или «стлание», обколоченной конопли для удаления вещества, склеивающего волокна между собой. Мочили в болотах, озерах или речках. По свидетельству старожилов, для вымачивания конопли ее связывали в пучки, мочили неделю или две, затем вытаскивали и подсушивали [3]. Переселенцы мочили коноплю в виде снопов или плотиков до морозов, в мороз ее вытаскивали, чтобы стебли вымерзли: это считалось необходимым для получения хорошего волокна. Переселенцы использовали также технику стлания, когда разостланная по земле конопля вылеживалась под осенними дождями. Сушили коноплю и старожилы, и переселенцы в бане [5].

Высушенную коноплю мяли. Мятьё представляло собой измельчение древесной ткани (кострики) с целью оделить ее от волокна. По утверждению исследователя Н. И. Лебедевой, волокно составляет 18–20%, а кострика – 80% веса снопа [1]. Для мятья использовали горизонтальную

мялку [4]. Кроме того, коноплю толкли в деревянной ступе [5]. Размятое волокно становилось более мягким, если его еще и терли ногами [6].

Далее волокно подвергали трепанию — отряхиванию костры и мелких грубых частиц волокна, которые использовали на пряжу для мешков. Длинные волокна шли на дальнейшую обработку [1, с. 478]. Основное орудие для этой операции, трепало, различалось по видам. Так, старожилы использовали в основном лопатообразные трепала, а переселенцы — мечевидные [6; 4]. Для улучшения качества волокна вытрепанную коноплю могли еще раз истолочь и вновь потрепать [4].

Полученное волокно необходимо было сортировать и растягивать более длинные волокна в одном направлении. Это делали при чесании. Сначала чесали гребнем, затем, с двух сторон, гребенкой — «небольшим орудием, наподобие гребня, только меньше» [5]. Горсть чесаной конопли называли мочкой, она была готова к прядению из нее нитей. Прядением занимались осенью, после завершения сельскохозяйственных работ, и зимой [7, с. 103]. На территории Шелаболихинского района нами были зафиксированы два способа прядения — на веретене и на самопрялках [5; 4]. Готовые мочки пряли с гребнем, нить вытягивали, а хлопок оставался и в дальнейшем использовался на дерюжки. Прядение — процесс трудоемкий, поэтому незамужние девушки часто пряли на черках [5].

Напряденные нити перематывались в мотки. Длина считалась пасмами [4]. Переселенцы для тканья использовали горизонтальный стан с бёрдами и подножками, который они называли «кросна» [5], а готовый холст использовали для шитья одежды и изготовления предметов быта. Старожилы коноплю не ткали — напряденные нити шли на изготовление веревок и дерюжек [3].

Таким образом, волокно конопли использовалось различными этнографическими группами русских. Особенности его применения заключались в том, что старожилы использовали коноплю для изготовления веревок и дерюжек, а переселенцы — более широко: для одежды, полотенца и других предметов быта.

Литература и источники

1. Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956. С. 463–539.
2. Рыженко П. Ф. Как рождалась рубашка // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. С. 326–328.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Селезнево). Афанасов Николай Сергеевич 1921 г. р. Кассета № 15.

4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Селезнево). Афанасова Валентина Яковлевна 1927 г. р. Кассета № 15.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Верх-Кучук). Сарбаева Таисия Ивановна 1925 г. р. Кассета № 74.
6. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ-2005 г. (Шелаболихинский район, с. Киприно). Сухова Геральда Сергеевна 1937 г. р. Кассета № 3.
7. Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 98–128.

Т. К. Щеглова

Исследования по этнографии и устной истории на историческом факультете БГПУ: итоги 2005 г.

В 2005 г. полевая работа кафедры отечественной истории и лаборатории исторического краеведения (сектор этнографии и устной истории) велась по нескольким программам: «Города и села Алтайского края историко-культурное наследие», «Этнография Алтайского края» и «Народы Алтая: история и культура», «Этнографическая мозаика Барнаула».

1. Программа «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие»

В 2005 г. были проведены одна комплексная экспедиция и две тематические экспедиции.

1. Комплексная историко-этнографическая экспедиция в составе студентов (16 человек), бакалавров (1 человек), магистров (1 человек), аспирантов (4 человека) проходила на территории Шелаболихинского района с 1 июня по 14 июля. Для работы в полевых условиях был подготовлен и издан рабочий вариант методического пособия «Изучение историко-культурного наследия села» (Барнаул, 2005). В нем нашел обобщение многолетний опыт (1991–2005 гг.) методического обеспечения работы по этнографии и устной истории в полевых условиях. В сборнике были опубликованы опросники («Коллективизация и раскулачивание на Алтае», «Православие в представлениях крестьян», «Разрушение церквей на Алтае» и др.), анкеты («Самосознание и самоидентификация русских/мордвы/татар/украинцев», «Жилая среда села в 1930-е гг.» и др.), исследовательские темы (например, «Сельская интеллигенция», «Освоение целинных земель», «Переселения из Казахстана и Средней Азии в 1990-е гг.»), формы полевой документации («Список отчетной документации», «Аннотации к фотопленке/фотографии/предмету, передаваемому в музей», «Паспорт памятников крестьянской архитектуры», «Карты-схемы населенных пунктов района в прошлом и настоящем» и т. д.). Основными методами полевой работы были методы этнографических исследо-

ваний и устной истории, работа в фондах муниципальных архивов и краеведческих музеев. Основными направлениями устной истории являлись новейшая история алтайской деревни в интерпретации очевидцев и участников. В работе широко использовались биографические, тематические и автобиографические интервью. Хронологический охват – от начала XX в. (семейные предания о переселениях крестьян из Европейской России на Алтай) до начала XXI в. (семейные истории мигрантов из бывших республик СССР). В ходе экспедиции было проведено 257 интервью, записаны 132 аудиокассеты на диктофонах и выполнены многочасовые записи на цифровую видеокамеру. Они составили самостоятельный фонд (ИЭЭ-2005) в архиве устных исторических источников. Самостоятельной формой работы являлась фотофиксация традиций хозяйственно-культурной жизни современного населения алтайской деревни и историко-культурных памятников.

Особенностью шелаболихинской экспедиции являлась работа с населением, проживающим на побережье большой реки (Оби), что отражалось на их жизни. Большое внимание в этой экспедиции было уделено аудио- и фотофиксации историко-краеведческих и этнографических материалов краеведов, муниципальных краеведческих музеев и семейных архивов местных жителей. Было отснято 17 фотопленок и сделано огромное количество фоторепортажей цифровыми камерами. В экспедиции было собрано более 60 предметов декоративно-прикладного искусства, быта, орудий труда, материалов из архивов краеведов. Они пополнили музейные фонды.

На основе летних полевых материалов директором историко-краеведческого музея БГПУ Н. С. Грибановой были подготовлены новая экспозиция «Традиции прядения народов Алтая» и фотовыставка «Приобские села: взгляд этнографа» (авторы – Б. Б. Пушкарев, Н. С. Грибанова, Д. А. Дрожецкий). О работе историко-этнографической экспедиции были подготовлены публикации [1].

2. Чарышская тематическая экспедиция (Д. А. Дрожецкий, С. А. Семикин) проходила в конце декабря 2004 г. и была посвящена изучению казачества. Основной ее целью являлось завершение работылетней комплексной Чарышской историко-этнографической экспедиции 2004 г. В ходе летней экспедиции, во время которой проводилось интервьюирование потомственных казаков и представителей возрожденного казачьего общества, были выявлены наиболее интересные устные и письменные памятники. Во время зимнего выезда проводилась работа по их фиксации, в первую очередь материалов семейных архивов. Наибольшую ценность имела обработка документов архива Фаины Романов-

ны Казаковой, который содержит нарративные источники последней четверти XIX в. – первой трети XX в.: письма, дневники, фотографии. Воссоздана история формирования семейного архива Казаковых. В фондах Чарышского краеведческого музея проработан (описан, перефотографирован и сканирован) большой фото- и документальный материал о Гражданской войне, о руководителе партизанского казачьего отряда Иване Липантьевиче Назарове, о сибирячихинском расстреле казаков в 1920-е гг. Была сканирована серия фотографий о Чарышской станице начала XX в. и 1960-х г. Оцифрован интересный материал из альбома, подаренного музеем известным этнографом В. А. Липинской после ее полевых исследований в 1970-е г. Привезенные материалы используются в подготовке сайта по Чарышскому казачеству, готовится к изданию дневник казака Казакова за 1880-е гг.

3. *Исследовательское направление работы «Переселения на Алтай из Казахстана и Средней Азии в 1990-е гг.»*. В мае и августе 2005 г. Г. В. Кидяевой проводилось в Славгороде, с. Табуны, с. Алтайское Табунского района, интервьюирование русских мигрантов. Главной формой работы являлось биографическое интервью в среде интеллигенции и служащих (17 интервью). Г. В. Кидяевой был инициирован также сбор воспоминаний: переселенцам из бывших среднеазиатских республик СССР было предложено написать воспоминания в свободной форме (собрано 20 воспоминаний). Материалы сданы в архив устных исторических источников, и по ним подготовлен ряд публикаций [2].

4. *Издательская работа* [3]. В рассматриваемый период велась работа по подготовке и изданию сборников научно-популярных материалов в серии «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» (составитель и научный редактор Т. К. Щеглова) с администрациями трех районов Алтайского края: Залесовского, Солонешенского, Бийского. В Залесовском районе экспедиция проходила в июле 1998 г. Работа над сборником велась с августа 1998 г. Сборник был подготовлен к 2002 г., профинансирован в октябре-декабре 2004 г. Экспедиция в Солонешенский район проходила в 1990 г., на основе ее материалов группой исследователей (А. Д. Сергеев, В. Н. Кислицын, Т. К. Щеглова и др.) были подготовлены публикации и к 1992 г. сформирован сборник. После его передачи для издания в администрацию Солонешенского района макет со всеми материалами был безвозвратно утерян. Изданный в 2005 г. сборник формировался заново, собирался и комплектовался в 2004 г. Экспедиция в Бийский район была проведена по инициативе администрации Бийского района в 2003 г. Сборник подготовлен к печати за год. Его особенностью являлась работа с огромным объемом краеведческого

материала, подготовленного самим районом. Значительная часть этих материалов после длительной обработки вошла во второй том издания. Остальной материал и первые варианты (без сокращений и редактирования) переданы в муниципальный архив Бийского района, на основе которых сформирован самостоятельный фонд.

II. Программы «Этнография Алтайского края» (1993–1994 гг.), «Народы Алтайского края: история и культура» (с 2005 г.)

Были проведены тематическая экспедиция на территории Солтонского района (М. А. Овчарова), стационарные исследования в г. Барнауле по проекту «Народы Барнаула: сбор семейных историй» (отв. — канд. ист. наук Е. В. Гальских), проведена VI Международная научно-практическая конференция «Этнография Алтая и сопредельных территорий».

1. *Солтонская тематическая экспедиция* (31 мая — 12 июня 2005 г.) (аспирантка кафедры отечественной истории БГПУ М. А. Овчарова) была посвящена исследованию мордвы (эрзя, мокша) Солтонского района. Проходила на территории трех сельских администраций: Солтонской (с. Солтон, с. Урунск, с. Излап), Макаровской (с. Макарьевка), Сузопской (с. Сузоп, с. Ново-Троицк). Население этого района имеет полиэтничный состав при преобладании трех групп: кумандинцев, русских (потомки казаков, чьи предки несли здесь пограничную службу, потомки представителей старой веры и др.), мордвы. В ходе интервьюирования мордовского населения были определены этапы переселения мордвы на территорию района, выявлено ее расселение на его территории в прошлом и в наши дни, определена сохранность элементов традиционной материальной и духовной культуры, степень этнического самосознания. Были исследованы архивы сельских администраций (похозяйственные книги), собраны богатый фотоматериал, информация по исчезнувшим селам.

Исследования показали, что в Солтонском районе выделяются две зоны проживания мордвы: эрзянская (с. Урунское, пос. Усть-Тала) и смешанная эрзянско-мокшанская (пос. Ново-Петровск (Запасной), пос. Ново-Михайловск (Унделеш), пос. Ульба 2). В настоящее время мордва компактно проживает на территории Солтонской сельской администрации, а именно в с. Урунском. Многие поселки, в частности Усть-Тала, Ново-Петровск, Ново-Михайловск, Ульба 2, уже исчезли. В ходе работы было записано 14 аудиокассет, проведено 28 интервью, сделано 240 снимков цифровым фотоаппаратом. Первые результаты опубликованы [4].

2. *Исследовательское направление работы «Этническая мозаика Барнаула: семейная история»*. В 2005 г. сформирована группа по сбо-

Солтонский район, с. Урунское (общий вид). ИЭЭ 2005 г.

ру устных исторических источников по этнической истории и этнографии народов, проживающих в г. Барнауле (координаторы — канд. ист. наук Е. В. Гальских, зав. кабинетом отечественной истории Б. Б. Пушкарев). Были установлены связи с национально-культурными центрами и этническими общинами Барнаула. Проведено интервьюирование татар, казахов, алтайцев, башкир, немцев, начато формирование фото- и документального архива, проводилось анкетирование по изучению этнического самосознания татар.

3. VI *Международная научно-практическая конференция «Этнография Алтая и сопредельных территорий»* [5]. Проходила 29–30 сентября 2005 г. в Барнаульском государственном педагогическом университете. Конференция была организована и проведена кафедрой отечественной истории (зав. кафедрой — д-р ист. наук, профессор Т. К. Щеглова), лабораторией исторического краеведения (зав. лабораторией — д-р ист. наук, профессор М. А. Демин). В конференции приняли участие ученые Сибири и Казахстана (Кемерово, Новосибирск, Омск, Горно-Алтайск, Томск, Шемонаиха, Бийск, Барнаул), было заслушано свыше 40 докладов по проблемам истории, этнографии и культуры народов, прежде всего Алтая и Центральной Азии.

Пленарное заседание было посвящено рассмотрению современных проблем межэтнического взаимодействия, изучению и сохранению этнокультурного наследия. Выступления Ю. М. Гончарова «Межнациональные отношения в Сибири в середине XIX — начале XX в. в брачно-семей-

ной сфере», А. Ю. Майничевой «Итоги и перспективы изучения зодчества русских Сибири», В. М. Кимеева «Проблема охраны историко-культурного наследия Саяно-Алтайского торгового пути Улуг-Чол», Н. А. Тадиной «Этнокультурное взаимодействие русских и алтайцев: по полевым материалам», Т. К. Щегловой «Изучение истории и культуры народов Алтая: методы и направления: из опыта работы» вызвали оживленную дискуссию.

В работе секций «История и методы этнографических исследований» (руководитель — канд. ист. наук В. М. Кимеев) и «Этнические и социокультурные группы Алтая и Центральной Азии в прошлом и настоящем: контакты и взаимовлияния» (руководитель — д-р ист. наук Ю. М. Гончаров) выделялись дискуссионностью проблемы, поставленные в выступлениях канд. ист. наук В. С. Бойко «Корейцы на Алтае: история и особенности национально-культурного профиля национальной общины», Е. А. Болотовой «К вопросу об устойчивости гендерных стереотипов в сельской среде начала XX–XXI вв.», В. И. Мотузной «Региональный аспект сохранения и воссоздания локальных особенностей песенных традиций Алтая». Активное развитие этнографической науки на Алтае на современном этапе позволило обратиться к проблемам формирования научных школ, традициям и новациям в изучении истории и культуры коренных народов, методам исторической и этнографической науки. В ходе обсуждения проблем историографии в докладах «Этнография в научной деятельности С. И. Руденко» (О. Г. Шмидт), «Организация научных исследований В. В. Радлова в 1859–1870 гг.» (Е. А. Артюх), «Развитие метода устной истории в России в XX в.» (Д. А. Дрожецкий), «Роль общественных организаций в накоплении статистических источников во второй половине XIX — начале XX вв.» (В. А. Скопа) участники конференции высказали необходимость дальнейших научно-практических исследований в области теоретико-методологических проблем этнографии и устной исто-

Конференция «Этнография Алтая и сопредельных территорий». Ведущие «круглого стола» Т. К. Щеглова и В. И. Матис

Анна Яковлевна Тумайкина, 1941 г. р., мордва-эрзя, с. Урунское, Солтонский р-н

рии. На секции «Культура жизнеобеспечения и трудовые традиции народов Алтая и сопредельных территорий» (руководитель — канд. ист. наук А. Ю. Майничева) тематика докладов наряду со специально-научными исследованиями, например «Традиционное рыболовство туба» (канд. ист. наук А. Бельгибаев), включала изложение обширного опыта работы по музеефикации и каталогизации этнографического материала, например, «Этнографические коллекции музея археологии и этнографии Ал-

Матрена Иванована Атысова, 1935 г. р., мордва-эрзя, Нина Ивановна Макшова, 1942 г. р., мордва-эрзя, с. Урунское, Солтонский р-н

тая Алтайского государственного университета» (канд. ист. наук И. И. Назаров).

Интегративные научные исследования, представленные на секции «Этническая лингвокультурология» (руководитель – д-р филол. наук Л. М. Дмитриева), обусловили обращение как к проблемам сохранения языка коренных народов Алтая («Современные этноязыковые процессы у северных алтайцев» (Е. А. Бельгибаев), так и языковому пространству русскоязычного населения Алтая, например, «Отражение народных верований в русской топонимии Алтая» (д-р филол. наук Л. М. Дмитриева), «Алтайская метанаррация: «полевой журнал» (1785) – «Алтай – моя родина» – «Любавины» (д-р филол. наук Н. В. Халина). Среди них междисциплинарные исследования в исследовании назва-

Арина Евлампиевна Мамайкина,
1936 г. р., мордва-эрзя. С. Урунское

ний промысловой деятельности сельского населения и крестьянского быта («Термины пчеловодства на Алтае: зимовка пчел» (М. В. Плотникова), «Варианты названий полотенца у русского населения Алтайского края» (Н. С. Грибанова) и др.

В рамках конференции проводился круглый стол «Сохранение и изучение культурного наследия народов Алтая» (ведущие – д-р ист. наук Т. К. Щеглова, д-р пед. наук В. И. Матис). Участие в круглом столе приняли ученые, научные сотрудники культурных центров, представители национально-культурных организаций: центра польской культуры (А. А. Пушканов), башкирского центра «Курай» (М. К. Сафиуллина), центра алтайской национальной культуры (Р. Н. Богданова), центра казахской культуры «Ата-Мура» (С. И. Рахимова), национально-культурной автономии татар Алтайского края (З. З. Сагитов), афганской общины (Мохаммад Тахир) и др. В работе приняли участие зам. директора по науке Алтайского краевого краеведческого музея И. В. Попова, зав. отделом

пропаганды и научно-образовательной работы Музея истории литературы, искусства и культуры Алтая Л. П. Никитина, зам. руководителя отдела традиционной русской культуры ГХМАК Н. Г. Паньшина, президент Ассоциации национально-культурных объединений канд. филос. наук Е. И. Буянкина, представитель городской администрации С. С. Аладышев и др.

На закрытии конференции был подведен промежуточный итог состояния научных исследований проблем этнической истории, этногенеза и развития этнических, этнографических групп Алтая и Центральной Азии в прошлом и настоящем, вынесены предложения активизировать научно-исследовательскую деятельность научных центров в изучении этнических и социокультурных групп Алтая, подготовить научно-справочное издание «Народы Алтая: история и культура», проводить регулярные семинары, открытые лекции на базе исторического факультета БГПУ, с целью приобщения широкого круга людей к этнической истории и культуре.

Литература

1. Грибанова Н., Кидяева Г. «Российские» и «хохлы» // Знамя советов. Шелаболихинская районная газета. 2005. № 61. 3 авг.; Микуров О., Каспришин А. Уходящая натура // Алтайская правда. 2005. № 317. 3 нояб.
2. Кидяева Г. В. К проблеме изучения причин переселений из Узбекистана в Алтайский край: по материалам устных исторических источников // Русский вопрос: история и современность: Материалы V всероссийской научно-практической конференции (Омск, 1-2 ноября 2005 г.) / Под ред. М. А. Жигуновой, Т. Н. Золотовой. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005. С. 213–215; Кидяева Г. В. Переселения из Центральной Азии в Алтайский край на рубеже XX–XXI вв.: из опыта работы по созданию документально-источниковой базы // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы пятой международ. науч.-практ. конф. Вып. 5. Барнаул, 2005. С. 93–99.
3. Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 532 с.: ил. (научное редактирование, составление); Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 532 с. (Сост. и редактирование.); Бийский район: история и современность / Отв. ред. Т. К. Щеглова: В 2 т. Т. 1 Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. 524 с.: ил.; Т. 2. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. 532 с.
4. Овчарова М. А. Мордва Солтонского района Алтайского края (по полевым исследованиям 2005 г.) с. 36–39 // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2005. С. 36–38.
5. Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. науч.-практ. конф. Вып. 6. / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Барнальского гос. пед. ун-та, 2005.

А. С. Щербаков

Раскулачивание в Шелаболихинском районе (по материалам ИЭЭ 2005 г.)

Одним из направлений ИЭЭ является изучение коллективизации и составной ее части – раскулачивания [1]. В ходе экспедиционных исследований в Шелаболихинском районе по этой проблеме было собрано 47 интервью. Комплексный анализ устных источников позволяет представить механизм раскулачивания в зависимости от природно-климатических, хозяйственных и социальных условий развития приобских сел. По результатам предыдущих полевых сезонов опубликован ряд материалов [2].

Благоприятные природно-географические условия Шелаболихинского района: обилие водных источников, преобладание дерновых почв, сухоходство по Оби, близость городских центров как рынков сбыта – способствовали бурному развитию приобских сел в годы нэпа. Плодородные почвы, обилие пастбищ и лугов способствовали развитию земледелия и скотоводства. В 1920-е гг. широкое распространение получили заимочные и хуторские крестьянские хозяйства, что свидетельствует о хозяйственной состоятельности крестьянства в селах района. По воспоминаниям А. Г. Кудрявцевой, в с. Шелаболиха было крупное скотоводческо-земледельческое хозяйство Ричкунова. У хозяина было 44 лошади, 40 овец, 6 свиней, 24 коровы, большой загон, амбары, грабли, сенокосилки [3]. «Крепкими» единоличниками были Ифлаков и Малышев. В хозяйстве последнего были овцы, лошади, коровы, орудия производства: сенокосилки, конные грабли.

Помимо единоличных хозяйств, существовали и коллективные. В отличие от 1930-х гг., в годы нэпа они создавались по инициативе самих крестьян. Приоритетной формой коллективного ведения хозяйства являлись артели, в которые объединялись промысловики. На территории Шелаболихинского района существовала рыболовецкая артель. Инициатором ее создания и бригадиром был Г. Ворсин. Артель объединяла 12 семей. По воспоминаниям М. К. Гайер, артельщики добывали огромное количество рыбы, которую продавали либо обменивали на сельхозпродукцию. В коллективной собственности артельщиков находились: 3–4 лошади, неводы, сети и прочее [4].

Производственная самостоятельность крестьянства в связи с новой системы налогообложения и хлебозаготовительных кризисов начала ограничиваться в конце 1920-х гг. Уже к 1928 г. на территории современного Шелаболихинского района стали ликвидироваться хуторские, заимочные и выселковые хозяйства.

С 1929 г. государственная политика в отношении крестьян-единоличников преследовала несколько целей:

1) экономическую, которая заключалась в создании за счет средств и имущества, конфискованных у кулаков благоприятных стартовых условий для развития материально-технической базы колхозов;

2) социальную, состоявшую в уничтожении крестьянина-собственника как альтернативной формы хозяйствования, а также вовлечении в «ликвидационную кампанию» как можно большего числа крестьян и превращение их в соучастников экспроприации;

3) психологическую («политика устрашения»): раскулачивание было ориентировано на раскол деревни на своих, «бедняков», и чужих, «врагов», — «кулаков». Одна из проблем при раскулачивании заключалась в выборе имущественных и социальных критериев для определения «кулака» [5, с. 22].

Исходя из постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», имущественные критерии выделения «кулаков» определены не были. В основе причисления к «кулакам» лежал принцип «контрреволюции», что позволяло относить людей к категории «кулаков», используя любой из имущественных критериев. Устные источники позволяют констатировать, что к кулакам относили тех, кто имел сенокосилку или крупорушку. Не было строго установленных критериев и в определении количества скота [5, с. 72–73].

Согласно постановлению от 30 января 1930 г. устанавливалась определенная процедура раскулачивания [6, с. 412–413]. Первоначально бедняцкие собрания должны были определить крестьянские хозяйства для предстоящего раскулачивания. Списки утверждались в сельских советах. Затем представители от бедняцких собраний, сельсоветов, председатели колхозов, районные уполномоченные проводили конфискацию имущества и выгоняли кулацкие семьи. Однако ускоренные темпы коллективизации, строго установленные цифры подходящих под раскулачивание лиц в каждом районе создали полнейший произвол на местах.

На основе анализа собранных устных исторических источников в процедуре раскулачивания можно выделить несколько этапов.

Первый этап — подготовительный, характеризующийся объявлением крестьянских хозяйств «кулацкими». Как показывают устные источники, состоятельные крестьяне знали заранее, что в тот или иной день к ним придут и отнимут все имущество. Один из информаторов вспоминал: «Пришел вечером мамин брат и говорит: «Кузя, сегодня ночью у тебя все отнимут и увезут, приготовься» [7]. Другой информатор вспоминал: «Моего отца предупреждали заранее, что его будут кулачить. У него

знакомые были в сельсовете» [4]. После этого представители местной власти, бедняцких собраний, должны были произвести опись имущества с зачислением его в колхозный фонд.

Непосредственная конфискация имущества, инвентаря, хозяйственных построек составляет содержание второго этапа раскулачивания. Очевидцы вспоминают, что раскулачивание представляло форму скорее открытого грабежа под лозунгом «отобрать и поделить», нежели организованную спланированную акцию. Как отмечают сами информаторы, имущество растаскивали бедняки. «Через дорогу от нас жила нищета, даже ограды не было, Шестаковы. Они растаскивали и раскулачивали» [8].

Для третьего этапа характерно выселение за пределы района, либо высылка. Нарымский край — являлся одним из основных мест высылки раскулаченных. Об этом свидетельствуют устные источники. «Ночью приехали, пара милиционеров и председатель сельского совета Павлушин, и говорит: „Выходи, Ворсин“. Посадили и увезли. Потом семью нашу выгнали из дома и поселили жить первоначально в баню, а затем мы жили в землянке неподалеку от деревни» [4]. «Всех кулаков в нашей деревни садили на баржи и увозили в Нарым на лесозаготовки» [9].

Как видим, на последнем этапе происходило и разлучение семей. К примеру, главу семьи Ричкунова объявили кулаком, всю семью выгнали из дома, а его сослали в Нарымский край.

Крестьяне по-разному пытались предотвратить конфискацию, стараясь сохранить хотя бы предметы домашнего обихода. Нам удалось зафиксировать случаи раздачи имущества соседям и родственникам, сокрытия одежды и предметов быта. Один из информаторов вспоминал: «Наутро пришли братья и говорят: „Давайте хоть что-то спрячем“. Выгребли мы несколько мешков пшеницы. В крапиве за огородом вырыли яму и там закопали пшеницу, полушубок и валенки» [10]. Устойчивая повторяемость в устных источниках сюжетов о сокрытии имущества позволяет определить в качестве одной из особенностей раскулачивания в приобских селах пассивное сопротивление крестьянства.

Раскулачивание в оценках информаторов предстает как крестьянская трагедия: «Многих кулачили, жестокости в деревне и трагичности хватало», — утверждает А. Г. Кудрявцева. «У меня тетку с трехмесячным ребенком в Нарым сослали. У кулаков забирали все. У соседа кулака Щербакова даже валенки с ног сняли, и он в носках ушел в соседнюю деревню, вырыл землянку и жил там» [3].

Составной частью исследуемой проблемы является вопрос об отношении к кулацким семьям и участникам коллективизации. У людей, которые являлись родственниками тех, кто участвовал в раскулачивании,

отношение было негативное. Об этом говорит М. К. Гайер: «Павлушин и Репин кулачили, а их жены пели песни про интернационал под окошками кулаков» [4].

Большинство населения относилось к раскулаченным с жалостью, но открыто заступиться за них не могло, так как все боялись тоже стать жертвами раскулачивания.

Судьбы семей кулаков после конфискации имущества складывались по-разному, несмотря на общую процедуру высылки. В условиях стихийности раскулачивания некоторым удавалось избежать высылки с помощью побега. О побеге рассказывала А. Г. Кудрявцева: «Папу сослали в Нарым, и нас бы сослали, но маму успели предупредить, и мы успели сбежать на коне. Помню, ехали по Оби на лошади и санях, до маминого брата, нас (детей) в кадушку посадили вместе с вещами. Было холодно, но мы молчали, чтобы нас никто не слышал» [3].

Процедура раскулачивания с конфискацией имущества и транспортировкой приговоренных к высылке завершалась только на локальном уровне – районом. В дальнейшем приговоренные к высылке переходили в ведение краевых властей.

Шелаболиха являлась начальным пунктом отправки раскулаченных: сюда их сгоняли и на баржах (весной) или на телегах (зимой) отправляли в Нарымский край. Нередки были случаи умышленного затопления барж вместе с раскулаченными. Вспоминая о жизни в Нарыме, информаторы отмечают высокую смертность людей, голод, изнурительный труд и многое другое.

Интересно, что мы не зафиксировали воспоминаний о возвращении в 1931 г. «необоснованно раскулаченных». Немногочисленные устные источники свидетельствуют о возвращении раскулаченных в более поздний период. М. Г. Гайер рассказала: «Кузьме Ворсину удалось через 6 лет вернуться, и интересен тот факт, что он продолжил заниматься рыболовством, так как оставались знакомые в Рыбтресте, с него сняли все обвинения. И он восстановил свою рыболовецкую артель» [4]. Но в большинстве же случаев судьба раскулаченных после ссылки неизвестна.

Таким образом, комплекс устноисторических источников в Шелаболихинском районе позволяет сделать предварительные выводы об особенностях раскулачивания в приобских селах. Во-первых, хозяйственная состоятельность крестьянства обусловила широкую практику различных форм протеста; во-вторых, раскулачивание характеризовалось огульным произволом со стороны местных властей; в-третьих, чрезвычайно затруднительной для местных властей была транспортировка по Оби высылаемых кулаков, что приводило к ужесточению условий их вы-

сылки, при которой крайней мерой являлось физическое уничтожение крестьянства.

Литература и источники

1. Демин М. А., Щеглова Т. К. Депортации народов и репрессии на Алтае – программа лаборатории исторического краеведения Барнаулского государственного педагогического университета // Музеология как основа единства и культурного разнообразия: Тез. докл. XXV международ. симпоз. Совета музеев (ИСОМ) ЮНЕСКО / Под ред. А. С. Кондыкова (глав. ред.) и др. Барнаул: Изд-во АГИИК, 2003. С. 82–84; Демин М. А., Щеглова Т. К. Депортации народов и репрессии на Алтае // Западная Сибирь: проблемы региональной культурологии. Томск, 1992. С. 119–120.
2. Казаков А. Влияние репрессий 30-х гг. XX в. на алтайскую деревню (по полевым материалам Кытмановского, Мамонтовского и Зонального районов Алтайского края) // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. М. Гончарова, В. И. Владимирова. Барнаул, 2005. С. 175–176; Казаков А. Влияние политики коллективизации на селообразование в Алтайском крае // Материалы XLII международ. науч. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Ч. 2. Новосибирск, 2004. С. 52–54.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Кудрявцева Анна Григорьевна, 1928 г. р., с. Шелаболиха.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Гайер Мария Кузьмовна, 1921 г. р., с. Шелаболиха.
5. Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
6. Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.): Учеб. пособие / Ред. А. Т. Киселев, Э. М. Щагин. М., 1996.
7. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Малышев Федор Ефремович, 1924 г. р., с. Кучук.
8. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Латкина Евдокия Ильинична, 1915 г. р., с. Шелаболиха.
9. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Степанов Александр Федорович, 1925 г. р., с. Шелаболиха.
10. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Пономарева Анна Павловна, 1927 г. р., с. Шелаболиха.

А. В. Юсупова

Татары Алтайского края в прошлом и настоящем: по материалам устно-исторических исследований в г. Барнауле¹

В течение 2005 г. сотрудники ЛИК БГПУ, преподаватели кафедры отечественной истории, студенты исторического факультета вели исследо-

---

¹ В рамках научно-исследовательской программы «Народы Алтая: история и культура» (руководитель – д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

вательскую работу среди татар г. Барнаула. При сборе информации использовались вопросники «Этническая мозаика г. Барнаула: семейные истории» (автор — Е. В. Гальских) и «Изучение этнического самосознания» (автор — Б. Б. Пушкарев). Помощь в работе оказала национально-культурная автономия татар, представители которой сообщали информацию о респондентах татарской национальности и организовывали с ними встречи. В ходе стационарных исследований в сентябре-ноябре 2005 г. было опрошено более 10 человек. Большинство информаторов 1920, 1930-х гг. рождения. Респонденты отличаются активностью, инициативностью, контактностью и заинтересованностью в ходе и результатах исследований.

Татары являются одним из крупнейших народов России и расселены практически во всех регионах, в том числе и в Алтайском крае. По данным всероссийской переписи населения 2002 г., численность татар в Алтайском крае составляет 8 899 чел., в том числе 1 989 чел. в г. Барнауле.

По сведениям информаторов, большинство из них приехали на Алтай в начале XX в. из Башкирии, поволжских губерний (Пензенской, Саратовской), Татарстана. Основными причинами переселений называют голод, «тяжелую жизнь» [1]. Так, А. Я. Панченко говорит, что в 1919, 1920, 1921 гг. была засуха в Поволжье: «Они каждый год сеяли, набирали зерно, но урожая не получали. В 1921 г. посеяли зерно и ждали: если пойдет дождь, то они останутся, но дождя не было. Они что-то продали... Многие уезжали, переселялись. Вот они [семья А. Я. Панченко] доехали до Титюши — это порт на Волге... И дождь пошел, но возвращаться уже было не к чему» [2]. О голоде говорит и Амина Габайдулловна Захитова: «Мой дедушка сюда переехал [из Поволжских губерний] только потому, что там было голодно». Но и по прибытии на Алтай жить было трудно, голодно, так как во время дороги были израсходованы все средства. По семейным преданиям, ели конину — «общинной купили лошадь и варили ее на опушке леса» [2].

При переселении предки опрошенных респондентов поселились в Барнауле, но многие татарские семьи разъехались по Алтаю. Об этом рассказывали информанты, переселившиеся в Барнаул из сельской местности. Как они говорят, старались селиться поближе к «своим» — татарам. Некоторые татары Алтайского края приехали в 1940–1980 гг. по трудовому распределению после окончания учебных заведений.

В ходе работы были собраны сведения об этническом самосознании, языке, степени его сохранности и сферах применения, об этнической культуре — материальной и духовной.

Все опрошенные идентифицируют себя как татары, оценивают место и роль своего этноса в системе межнациональных отношений в городе. Сравнивая себя с другими этническими группами Барнаула, татары в первую очередь отмечают различия в религиозной сфере: мусульмане–православные. Среди особенностей быта татар они выделяют аккуратность и чистоплотность. Вот как об этом говорит А. Я. Панченко: «Татары в гигиеническом отношении очень чистоплотные, этому учат смолу» [2]. Из присущих татарам черт характера информаторы особенно выделяют гостеприимство, щедрость и радушие, а у русских отмечают взаимопомощь, терпимость, которые особенно, по их мнению, проявились в военное время. По словам Ф. А. Арслановой, все старались помочь друг другу, «народ не различал, что не такой национальности были, или что наоборот», даже праздники отмечали вместе. В настоящее время отношения русских к татарам, по их словам, не изменилось, но изменились сами люди: «чувствуется что-то не то, люди стали каждый сам за себя» [1].

У каждого интервьюируемого заметна национальная гордость, но сами они говорят, что это чувство пришло к некоторым из них лишь с возрастом и в период переустройства России в 1990 г. Как говорит С. С. Рахимова [3], раньше для человека было важно, что он советский, а уж потом – русский, татарин и т. д. Советская политика предусматривала сближение всех народов и этнических культур и формирование «советского человека», хотя в глубине души все помнили о родовых корнях. Большинство информаторов говорит, что всегда чувствовали себя татарами и гордились этим. «Я как-то выступала на сессии в 1977 г., – говорит Амина Ярулловна, – принимали Конституцию, и сказала, вот я, значит, татарка. Я этим горжусь... и я обеими руками в Конституции, вот за эту статью, что все люди у нас имеют одинаковые права и одинаковые обязанности... И вы знаете, они это восприняли как должное. Ну, если бы я, наверное, стеснялась своей национальности, они бы по-другому отнеслись. А я не стеснялась».

В ходе сбора информации было набрано достаточное количество сведений о национальном языке татар, степени его сохранности, сферах использования. Все интервьюированные в настоящее время говорят на родном языке, учили языку своих детей, в то же время они хорошо изъясняются по-русски. Многие жалеют, что не знают татарского литературного языка (Рахимова С. С., Панченко А. Я.). На национальном языке по приезду на Алтай говорили и их родители, за исключением семьи Софьи Сабировны Рахимовой, где общение велось только на русском языке. Национальный татарский язык считают родным все информаторы. Амина

Ярулловна на вопрос о том, считаете ли она татарский язык родным, отвечает: «Родной, до боли родной. Мне сказали: на каком языке вы думаете — значит, тот язык и родной. Если я с кем-то, то думаю по-русски, если одна, то по-татарски». В основном татарский язык употреблялся в домашнем общении. Русскому языку, по воспоминаниям, учила улица, русские друзья, а также и школа [1]. Родители к этому относились хорошо, не запрещали. В настоящее время идет процесс исчезновения татарского языка, о чем свидетельствует его распространение лишь в среде пожилых людей: более молодые поколения этот язык лишь понимают.

Одним из направлений исследований был сбор воспоминаний об особенностях материальной культуры татар. Лучше всего в воспоминаниях представлена информация о традиционной одежде, украшениях и пище. Наиболее часто информаторы сообщали об использовании предметов традиционной материальной культуры старшими поколениями. Интересные сведения получены о том, как украшали себя татарские девушки, как красили ногти и чернили зубы [2]. Традиции питания, в отличие от элементов материальной культуры, сохранились до наших дней. Практически все информаторы готовят традиционные татарские блюда (бэлеш, чак-чак, токмач и т. д.), соблюдают пищевые запреты.

В ходе исследований в татарской среде было собрано большое количество материалов о духовной культуре: семейной обрядности и семейном быте, рубежных обрядах, календарных и религиозных праздниках. Наиболее ярко полно представлена информация о похоронной обрядности, обрядах «никах» и «аткушун».

По сведениям информаторов, внутрисемейные отношения были очень теплыми, родители уделяли очень много внимания детям и их воспитанию. Интересные сведения получены о взаимоотношениях мужа и жены: «Муж — голова, жена — шея». Обязанности в семье распределялись по поло-возрастным признакам, для женщин и мужчин были характерны особые занятия внутри хозяйства, если в семье были одни мальчики, они могли помогать матери по хозяйству [1]. Многие семейные традиции татар сохраняются и в настоящее время.

В заключение необходимо отметить, что исследования в татарской среде г. Барнаула, начатые сравнительно недавно, принесли значительные научные результаты. Собранные этнографические и устноисторические материалы свидетельствуют о достаточной устойчивости данной этнической группы в иноэтничном окружении и сохранении ряда особенностей традиционной культуры.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ, Барнаул, 2005. Кассета № 3. Арсланова Флида Ахметовна 1936 г. р.

2. Архив ЛИК БГПУ, Барнаул, 2005. Кассета № 1. Панченко Амина Ярулловна, 1930 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ, Барнаул, 2005. Кассета № 3. Рахимова Софья Сабровна.

Материалы к диалектно-этнографическому словарю

(подготовлены Н. С. Грибановой и Г. В. Кидяевой по материалам интервью, записанных в Шелаболихинском районе в ходе ИЭЭ БГПУ, июль 2005 г.)

Поселения

Кривьё – беспорядочное расположение усадеб в селе. «Да какие улицы?! Кривьё одно!» (1)

Усадьба

Приполок – лавка в бане (10)

Тын – тип ограждения (10)

Плетень – тип ограждения (10)

Заборки – вид ограждения, при котором на два соседних кола, вбитых в землю и переплетенных ивовым прутом, крепились три горизонтально положенные жерди (12)

Ограда – двор усадьбы (12)

Жилище

Цело – устье печи (10, 8)

Голубчик – голбец (10)

Рандучок – голбец (5, 8)

Божница – уголок для икон (5)

Грядка – полка от печи к противоположной стене (10)

Ящик – деревянный сундук для хранения одежды (3)

Рукомойник – умывальник (8)

Потник – «войлок самодельный» (10)

Рукотёрт – полотенце на икону, лицо, руки вытирать (10)

Настольник – скатерть (7)

Околотка – простыня, украшенная полосой кружева для праздничного убранства постели (7)

Одежда. Обувь

Обутки – мужская и женская кожаная обувь на мягкой подошве (14)

Бродни – мужская кожаная обувь с высокими голенищами, завязывающимися под коленями на шнурок (10)

Махор – бахрома на концах мужского пояса (3)

Шабур – верхняя повседневная мужская и женская одежда из конопляного холста (3)

Костылёк – деревянная пуговица на женской одежде (3)

Утварь

- Гусиха – (четверть) стеклянная бутылка (13)
- Русленник – деревянный желобок для слива сусла (14)
- Чаплейник – «чапля» (приспособление для удерживания) сковороды (13)

Пища

- Паужин – полдник (10)
- Верещага – яичница (6)
- Осердие – субпродукты (6)
- Разъездной саламат – последнее блюдо на свадьбе, приготовленное из муки, воды, масла, соли (7, 11)
- Сырчики – рождественское блюдо из творога со сметаной и сахаром (6)

Хозяйство

- Скобель (скобелка) – орудие для снятия с дерева коры (10)
- Козлины – козлы для распила дров (13)
- Зобня – холщевая сумка для посева пшеницы, проса и др. культур в форме ведра, вешающаяся на шею (4)
- Рушелка – мельница для очистки проса (4)
- Исполу – вид аренды земли, при которой половина собранного урожая отдавалась арендодателю (3)
- Спаривание – объединение соседей с целью выполнения совместных сельскохозяйственных работ (3)
- Еман – коза (3)
- Пеган – пегий мерин (4)

Праздники. Досуг

- Отсевуха – праздник окончания посевных работ (6)
- Машкороваться – рядиться (14)
- Качули – качели (14)
- Мечик – мячик (14)
- Гужовка – вид досуга молодежи (8)

Уход за детьми

- Зыбка – детская люлька (2)
- Рожок – приспособление для кормления ребенка, изготовленный из коровьего рога (2)
- Нянька – старшая сестра, смотревшая за младшими (2)

Занятия

- Рефетить – вышивать в технике «ришелье» (10)

Ришелье – изделие, вышитое в технике «ришелье» (10)

Сквозная гладь – двусторонняя гладь (7)

Названия местности

Забока – заросли из кустарника и лиственных деревьев (часто по берегам рек) (8)

Дуброва – лиственный лес, березняк (3)

Грива – сухое, хорошее место (3)

Болото – влажное место (3)

Бараба – степная местность (1)

Пословицы и поговорки

«В добрый час сказать, а в худой помолчать» (чтобы не сглазить) (7)

«Лошади услада и крестьянину отрада» (в контексте «Как сделать, чтобы было...») (9)

«Жили в лесу – молились колесу» (переселенцы о чалдонах) (4)

«Ни креста, ни пояса» (о чалдонах в сравнении с кержаками в контексте «а мы не носили...») (8)

«Пили пиво, да сеяли криво» (о распространенном в селе напитке) (2)

Список информаторов

ФИО	Год, место рождения	Место жительства	Этническая, этнографическая принадлежность
1. Долгов Анатолий Григорьевич	1931 г. р., с. Бельково Шелаболихинского р-на	с 1965 г. в с. Быково	Русский
2. Евсюкова Марина Игнатьевна	1912 г. р., с. Молоково Шелаболихинского р-на	с. Крутишка	Русская
3. Квасова Александра Ивановна	1919 г. р., с. Юдиха Новосибирской обл.	с 1932 г. в с. Крутишка	Русская, сибирячка
4. Лобанова Федосья Петровна	1917 г. р., с. Молоково Шелаболихинского р-на	с. Крутишка	Русская, из чалдонов
5. Маняхина Аполлинария Нефедовна	1922 г. р., с. Быково Шелаболихинского р-на	с. Ключи Тюменцевского р-на (с 1973 г.)	Мать украинка, отец русский
6. Немова Мария Фоминична	1928 г. р., с. Малокрасноярка Новосибирской обл.	с. Киприно (с 1956 г.)	Русская
7. Павлова Ольга Степановна	1929 г. р., с. Обское Каменского р-на	с. Киприно	Русская, из чалдонов
8. Пройдакова Нина Ивановна	1936 г. р., с. Иня Шелаболихинского р-на	с. Иня	Русская, из чалдонов

ФИО	Год, место рождения	Место жительства	Этническая, этнографическая принадлежность
9. Ромашов Иван Андреевич	1918 г. р., с. Шелаболиха Шелаболихинского р-на	с. Шелаболиха	Русский, из переселенцев (родители из Рязанской губ.)
10. Сухова Геральда Сергеевна	1937 г. р., Кемеровская обл.	с. Киприно	Русская, из переселенцев (бабушка украинка, из Черниговской губ., дедушка русский, из Пермской губ.)
11. Тагильцева Ефимия Орефьевна	1931 г. р., с. Старообинцево Шелаболихинского р-на	с. Иня (с 1982 г.)	Русская
12. Тенякшева Руфима Дмитриевна	1932 г. р., г. Барнаул	с. Иня (с 1942 г.)	Русская
13. Черепанов Сергей Николаевич	с. Селезнево Шелаболихинского р-на	с. Селезнево	Русский
14. Чиркова Анастасия Семеновна	1918 г. р., с. Киприно Шелаболихинского р-на	с. Киприно	Русская

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Р. В. Белоусов</i> Поселение раннего железного века – Новоувальский-1	6
<i>Р. В. Белоусов, С. С. Запрудский, Ю. Н. Кулагина</i> Новые поступления археологического материала в Каменский краеведческий музей	11
<i>Р. В. Белоусов, А. И. Кукушкин, А. М. Соколов</i> Результаты археологической разведки в Каменском районе (правобережье)	15
<i>А. П. Бородовский</i> Археологические исследования на севере Верхнего Приобья	18
<i>А. П. Бородовский, Т. В. Шаламай</i> Исследования археологического памятника Антоново-2	26
<i>Т. А. Вдовина, С. В. Трифанова, М. В. Кобзарь</i> Аварийные раскопки погребения в каменном ящике в с. Озерном (Горно-Алтайск, Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай)	32
<i>А. А. Ветров</i> Обряд сожжения в федоровской погребальной традиции (по материалам могильника Чекановский Лог-10)	34
<i>С. В. Горюхов</i> Археологические и геофизические исследования Умревинского острога	38
<i>Ю. Ф. Кирюшин, К. Ю. Кирюшин, В. П. Семibrатов</i> Исследования комплекса финального неолита-энеолита Тавдинского грота в 2005 г.	43
<i>К. Ю. Кирюшин, А. В. Кондрашов, В. П. Семibrатов</i> Исследование одиночного кургана древнетюркского времени на территории природного парка Бирюзовая Катунь в 2005 г.	46
<i>К. Ю. Кирюшин, Д. А. Пугачев, В. П. Семibrатов</i> Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка – новый памятник неолита-энеолита Барнаульского Приобья	52
<i>Т. А. Кузнецова</i> Бюллетени археологической практики студентов НГПУ	58
<i>А. И. Кукушкин</i> Археологическая разведка в Целинном районе	61
<i>А. Л. Кунгуров</i> Новый тип палеолитических местонахождений Рудного Алтая	63
<i>О. В. Малышкина</i> Полевые археологические дневники студентов НГПУ	67

А. Т. Сингаевский	
Поселение скифского времени Береговая улица	70
В. И. Соёнов	
Археологические исследования Горно-Алтайского госуниверситета в 2005 г.	72
А. М. Соколов	
Результаты археологической разведки в районе с. Дресвянка	74
А. Н. Телегин	
Шестой год раскопок курганной группы Объездное-1	77
А. С. Федорук	
Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 г.	80
Я. В. Фролов	
О топографии памятников эпохи раннего железа (VI в. до н. э. — II в. н. э.) Фирсовского археологического микрорайона. По материа- лам полевых работ 2000–2005 гг.	84

ЭТНОГРАФИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

В. Е. Авдеев	
Промыслы населения приобских сел в XX в. (по материалам истори- ко-этнографической экспедиции 2005 г. в Шелаболихинский район)	92
Д. О. Афонькин	
Сплав леса в Шелаболихинском районе во второй половине XX в. (по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г.)	94
Е. А. Бельгибаев	
Современное состояние традиционной культуры туба	96
Е. А. Бельгибаев, И. И. Назаров, В. В. Николаев	
Новые материалы по семейной обрядности кумандинцев	100
Е. А. Болотова	
Брак у русских Солтонского района Алтайского края в военные и по- слевоенные годы (гендерный анализ проблемы).	106
А. П. Бородовский	
Технология изготовления лодок-долбленок на севере Верхнего При- обья.	110
А. М. Бирюков	
Обработка и хранение полевого этнографического материала с применением информационных компьютерных технологий	115
Ю. С. Воеводина	
Война глазами женщин и детей: по материалам историко-этнографи- ческой экспедиции 2005 г. в Шелаболихинский район	118
Е. В. Гальских	
Перспективы изучения повседневной истории горожан в советскую эпоху по устным источникам (на примере истории семей татар).	122

Т. А. Горячевца	Национально-культурная автономия татар Барнаула: история создания и деятельность (по устно-историческим источникам 2005 г.)	130
Н. С. Грибанова	Итоги историко-этнографической экспедиции 2005 г. в Шелаболихинский район Алтайского края	133
Л. М. Дмитриева	Языковая региональная система Алтая как объект полевых исследований	138
Д. А. Дрожецкий	Метод устной истории (из опыта работы краеведов Шелаболихинского района)	143
Д. А. Дрожецкий, С. А. Семикин	Изучение Чарышского линейного казачества (итоги зимней экспедиции в Чарышский район 2004 г.)	147
Г. В. Кидяева	События и интерпретация в устных источниках: по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г.	150
И. В. Куприянова	Ремесла и промыслы Ельцовского района	161
И. И. Назаров	Результаты этнографической экспедиции Алтайского государственного университета в с. Безголовосо	166
М. А. Овчарова	Мордва Шелаболихинского района: итоги полевого сезона 2005 г.	169
И. В. Попова, О. С. Мамонтова	Полевые этнографические сборы Алтайского государственного краеведческого музея. Краснощековский район, 2006 г.	176
Б. Б. Пушкарев	Самосознание татар г. Барнаула по исследованиям 2005 г.	180
М. Н. Сигарева	Фольклорно-этнографическая экспедиция в с. Сибирячиха Солонешенского района	183
А. В. Симкова	Алтайское старообрядчество – реальность и вымысел (по материалам ИЭЭ 2005 г. в Шелаболихинский район)	186
Т. Ю. Шишмакова	Обработка конопли в первой половине XX в. населением Шелаболихинского района (по материалам историко-этнографической экспедиции)	189
Т. К. Щеглова	Исследования по этнографии и устной истории на историческом факультете БГПУ: итоги 2005 г.	192

А. С. Щербаков

Раскулачивание в Шелаболихинском районе (по материалам ИЭЭ
2005 г.) 201

А. В. Юсупова

Татары Алтайского края в прошлом и настоящем: по материалам уст-
но-исторических исследований в г. Барнауле 206

Материалы к диалектно-этнографическому словарю 209